

ZOTOB®

АЛИСА & КАЛЕДИН

ПЕЧАТЬ ЛУНЫ • ЧЕРЕП СУББОТЫ
СКЕЛЕТ БОГА

18+

Коллекция лучшей фантастики

Георгий Зотов

Алиса & Каледин

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зотов Г. А.

Алиса & Каледин / Г. А. Зотов — «Издательство АСТ»,
2019 — (Коллекция лучшей фантастики)

Зотов – один самых популярных современных авторов-фантастов, романы которого отличаются закрученным сюжетом, фирменным стебом и неподражаемым черным юмором. Охота Джека-Потрошителя на знаменитостей, похищение праха известных людей в Москве, Париже и Лос-Анджелесе, таинственная гибель тысяч горожан в провинциальном российском городке – эти и другие загадочные преступления могут раскрыть только самые успешные сыщики Алиса Трахтенберг и Федор Каледин. Впервые три головокружительных мистических триллера из цикла «Алиса & Каледин» в одном томе!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Зотов Г. А., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Печать луны	5
Часть первая	5
Пролог	5
Глава первая	7
Глава вторая	9
Глава третья	13
Глава четвертая	16
Глава пятая	21
Глава шестая	28
Глава седьмая	30
Глава восьмая	32
Глава девятая	35
Глава десятая	39
Глава одиннадцатая	42
Глава двенадцатая	45
Глава тринадцатая	48
Глава четырнадцатая	51
Глава пятнадцатая	54
Глава шестнадцатая	57
Часть вторая	60
Глава первая	60
Глава вторая	63
Глава третья	67
Глава четвертая	71
Глава пятая	75
Глава шестая	79
Глава седьмая	83
Глава восьмая	87
Глава девятая	90
Глава десятая	95
Глава одиннадцатая	98
Глава двенадцатая	101
Глава тринадцатая	104
Глава четырнадцатая	107
Глава пятнадцатая	110
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Зотов «Алиса & Каледин»

Печать луны

Часть первая Подражатель

*Забери мою душу. Пей мою кровь, как я пью твою.
Распи меня на рогах Смерти. Отрежь мою голову –
выпусти наружу зло, что внутри меня...*
Manowar, Bridge Of Death

Пролог

Громко топая по выжженной земле ногами в зашнурованных до колена сандалиях, облаченный в потертые кожаные доспехи солдат неся к своему начальнику, поднимая облака пыли. Офицер поджидал его на пригорке, покрытом выгоревшей травой, лениво опираясь на длинный меч, на тонких гранях зазубренного металла пурпурными отблесками играло заходящее солнце. Квадратное лицо с горбатым носом выражало тягучую скуку и усталость трудного дня. По вискам стекали тяжелые капли пота, перемешанного с красным песком, из-за чего борода казалась крашеной.

– Ничего не получается, мой господин, – подбегая, виновато прокричал солдат. – «*Пожиратели души*» заперлись изнутри и наотрез отказываются покидать храм. Дверь, ведущая к их алтарю, замурована: мрамора там на два локтя, не меньше. Понадобится пара часов, чтобы выбить ее тараном.

Офицер сонно подвигал челюстью, на которой с двух сторон виднелись ороговевшие рубцы – мозоли от ремешка шлема: он не снимал его двадцать лет, проводя время в постоянных походах. Признаться, ему уже порядком надоела многочасовая резня, устроенная пьяными от вина и победного экстаза войсками в покоренном городе. Проливать новую кровь не хотелось – он и так сыт ею по горло: закованные в броню лошади тяжелой кавалерии и без того с утра не могут продвинуться через городскую площадь, заваленную трупами мужчин, женщин и детей.

– Ты сказал *им*, что у нас приказ? – безразлично спросил он, сплевывая забившую рот жесткую пыль. – И мы не можем просто так взять и уйти, не выполнив его, иначе нас самих прибьют на воротах их чертова храма.

– Да, мой господин, – покорно склонил голову солдат, становясь на колено. – *Они* говорят, что не имеют права выходить за пределы алтаря. Поэтому, если *им* суждено умереть здесь – значит, так тому и быть.

...Офицер выпрямился и выдернул из сухой земли меч, рукоять которого была выполнена в виде головы орла. Прикрывая глаза от последних лучей умирающего солнца, он обвел пристальным взором храм из розового мрамора. Стройные зеленые кипарисы, прозрачный водоем со священными золотыми рыбками (которые, если верить местным жителям, способны откликаться на имена), толстенные колонны на входе – каждую не смогли бы обнять и двое его солдат. Это здание строили сорок тысяч пленных воинов с юга – недаром оно считается самым большим и красивым святилищем города. Но какими морями крови омыто подобное великолепие? Страшно подумать. Всего сутки назад, в ночь перед штурмом, в залах храма творились *такие вещи*, что мурашки бегут по спине. Женщины с безумными глазами, дурма-

нящий белый дым, извивающиеся на углях босые танцовщицы и коленопреклоненные толпы городских жителей, в экстазе простирающие руки к лицу своего злобного и могущественного Повелителя.

... Хотя, конечно, вряд ли человек в здравом уме назовет ЭТО лицом... Сдвинув шлем, он провел ладонью от лба к подбородку, размазывая пот и пыль, пытаясь отогнать зловещее видение.

– Поджигай, – растворенным в тишине голосом шепнул офицер на ухо солдату, надеясь, что этого слова не услышат служители храма – закутанные в пурпурные покрывала люди с умашенными благовонным маслом волосами. Они и не услышали – скорее, догадались о смысле почти безмолвного приказа. Заметив, что солдат резко кивнул в знак согласия, служители нестройной толпой ринулись к главному входу в храм и встали у лестницы полукругом, сжав кулаки. Лоснящиеся, покрытые сурьмой и румянами лица были искажены животным страхом, а щеки и губы мелко тряслись, однако они были готовы ценой собственной жизни предотвратить грядущее святотатство. Ни один смертный за всю историю великого города не посмел коснуться стопами главной святыни – алтаря *«пожирателей души»*. Этого не должно было случиться и теперь.

– Отойдите, – спокойно попросил офицер.

Служители не двинулись с места. Их одежды колыхались от теплого ветра, дувшего со стороны пустыни. Вдохнув, офицер махнул солдатам волосатой рукой, запястье которой охватывали два массивных золотых браслета.

Насвистывая кабацкую песенку, он созерцал клубы черного дыма, поднимавшиеся над разгромленным городом. Шагая прямо по свежим трупам, солдаты торопливо стаскивали к мраморным стенам большущие вязанки сухого кустарника, бросали на натертый до блеска пол святилища разрубленные в мелкую щепу пальмовые дрова. Пламя, одновременно запылав снаружи и изнутри, оранжевыми языками взвилось над мраморной громадой. Подойдя к храму настолько, насколько позволял нестерпимый жар, офицер терпеливо ждал, пока розовый камень почернеет и начнет крошиться. Опыт подсказывал – после этого обрушить стены не составит особого труда.

Каменная дверь, ведущая к алтарю, внезапно отворилась – у порога встала шатающаяся фигура, закутанная в голубое покрывало. Офицер успел заметить сверкающую маску из желтого металла, из-под которой по плечам рассыпались черные волосы. Секунда – и фигуру поглотила волна огня. Обладатель золотой маски словно растворился, превратившись в мельчайшую серую пыль, взлетев пеплом до потолка.

– *Умтасааа... колатура... этвини сеген митта...* – услышал он слабый голос.

Офицер обернулся. На него были устремлены полные ненависти глаза служителя в пурпурной одежде, покрытой еще более темными пятнами, чем сама дорогая ткань. Лежа на земле, тот пытался зажать подвернутой рукой рваную рану на боку, откуда неудержимо лилась черная кровь.

– Что он сказал? – бесстрастно наблюдая страдания жреца, любопытствовал офицер у смуглокожего наемника, уроженца пустынного племени, – тот практично обшаривал еще теплые тела мертвецов в поисках драгоценностей.

– «Теперь жизни больше нет», – перевел наемник, не отрываясь от своего дела. – Вы знаете местную легенду, господин? Кем были *те* три человека в масках у священного алтаря, которые предпочли сгореть, но не выйти к вам?

– Нет, – расслабленно покачал головой офицер.

– Сейчас расскажу, – осклабился наемник, выдирая серьгу из уха покойника. – Вы не поверите, но *они* существовали на самом деле...

... В остановившихся глазах человека, завернутого в бордовую материю, отражался огонь, заполнивший внутреннее пространство храма. Окутанная клубами дыма, над главным входом

продолжала выситься полая металлическая статуя, державшая руки прямо перед собой ладонями наружу. Даже стоя к ней спиной, офицер каждым позвонком чувствовал ее взгляд...

Глава первая Программа «Розыгрыш»

(20 февраля, воскресенье, ночь)

Голова чудовищно болела. На лоб, виски и щеки со всех сторон навалилась мягкая и одновременно тяжелая субстанция – череп словно плавал внутри подушки, в самую середину которой залили мед, перемешанный с обломками бритв. Лезвия безжалостно вонзались в темя, саднило кисти рук, полностью онемели лодыжки. Мозг готов был взорваться – в мыслях всполохами металась зеленые молнии. Губы распухли. Во рту стоял такой вкус, что отруби с пола свинарника показались бы деликатесом.

...Светловолосая девушка с правильными, но слегка одутловатыми чертами лица, носящего явные следы элитного солярия, пошевелила набрякшими веками. Ухоженные ресницы стукнулись друг о друга, издавая, как показалось ей, едва ли не кровельный скрежет. В первые секунды после неожиданного пробуждения Маша не выражала никаких эмоций – находясь в полусонном и полупохмельном состоянии, она логично решила, что продолжает спать. Нерезкая «картинка» перед покрасневшими глазами расплывалась, дергаясь по краям, как в деревенском кинотеатре. Она находилась в довольно большой комнате, своей обстановкой напоминающей дешевый нелегальный бордель. Грязно-розового цвета бумажные обои с дебильными голубыми цветочками, плохо покрашенный потолок, облепленный засохшими трупами комаров, треснувшее овальное зеркало на стене. И новый деревянный стул возле железной кровати.

КРОВАТИ, НА КОТОРОЙ ЛЕЖИТ ОНА.

Никакой другой мебели в комнате нет: все предметы, намеренно или случайно, «сгруппировались» в одном месте. Окно, судя по всему, имеется, но стекол не видно – они закрыты черными непроницаемыми шторами. Включено электричество – на потолке запыленная люстра с тремя плафонами из дымчатого стекла, в двух, потрескивая, горят продолговатые лампочки. Глаза распахнулись шире, зрачки дернулись, расплываясь в страхе. До нее стало доходить – она вовсе не спит.

...Она подскочила на кровати – пронзительно занyli ржавые пружины. Господи Боже! **ДА ЧТО С НЕЙ СЛУЧИЛОСЬ?! ГДЕ ОНА НАХОДИТСЯ?! КУДА ЭТОТ ГАД ЕЕ ПРИВЕЗ?!** Девушка рванулась, но не сдвинулась даже на миллиметр – каждая из ее рук была плотно прикручена к железной спинке кровати толстыми бечевками. Точно так же, но уже к другой стороне «лежбища», привязаны и обе ноги, распяленные в разные стороны. Машей овладело чувство ледящего ужаса: наполнив ее до краев, он мутной пеной вырвался наружу вместе с громким воплем. Она толком не понимала, куда попала, но не надо быть академиком, чтобы уяснить – с ней происходит **очень плохая вещь**. Извиваясь, словно угорь на сковороде, пытаясь освободиться от сдающих кожу просмоленных веревок, Маша дико завизжала на одной ноте, так громко, как будто увидела живую крысу:

– ПОМОГИТЕ! ПОМОГИТЕЕЕЕЕ!! ПОМОГИТЕЕЕЕЕЕЕЕЕЕЕ!!!

Крики, которые при обычных обстоятельствах запросто слышали бы и на другом конце города, непонятным образом тонули в воздухе, падая в ее уши мягкими ватными ударами. Через пять минут она охрипла – темнота вновь навалилась на нее, и Маша «поплыла», ощущая, что теряет сознание. Наверное, стены комнаты чем-то обиты под обоями: она слыхала про подобные фишки... поролоном или коробками из-под куриных яиц, неважно. Тем материалом,

который глушит любой звук, доносящийся изнутри. Чтобы не было слышно, когда жертвы кричат... **когда с ними что-то делают здесь.**

Маша заплакала навзрыд. Слезы с остатками пудры, скатываясь по щекам на измятую наволочку, оставляли на ней пятна размером с горошину. Сжавшийся от страха мозг услужливо рисовал многокрасочные варианты, деталям которых позавидовал бы любой режиссер ужасиков. Ее похитил чокнутый поклонник, собравшийся держать свою пленницу в комнате восемь лет, как одну австрийскую девочку¹. Ее накачали наркотиками арабские шейхи и завтра продадут в гарем вождя суданской деревни. Ее увезут в Турцию и сделают секс-рабыней, удовлетворяющей похоть дальнобойщиков. А может, как в фильме «Пила», неведомый убийца подаст ей ножовку и ласково скажет – если она желает освободиться, то должна отпилить себе ногу? Вот эту стройную, гладкую, длинную ногу с прекрасно отпедикюренными ноготками... Ой, бляаааадь... Говорил же ей папа: *mon cheri*, обязательно пользуйся охраной из бывших кавалергардов, это престижно. Но куда же деть охранника на свидании с любовником?

В охрипшем горле саднило от крика, она опять забилась как пойманная бабочка в сачке, тщетно пытаясь освободиться: из разодранных бечевкой запястий на простыню брызнули росинки крови. Мысли метались, словно загнанная охотником лисица, бросаясь из одного уголка черепа в другой. Насильник? Нет. Ее бы уже десять раз успели трахнуть, но, судя по целой одежде, никто на это не покусился. Похищение с целью выкупа? Если так, тогда еще не все потеряно – папа заплатит сколько угодно, а потом пресса драться будет за право описать страшную историю попавшей в ловушку звезды гламура. А может, это снова чья-то злая и глупая шутка? Сейчас такое модно – стебаться по ТВ над аристократами, публика от подобных вещей в экстазе. Типа программы «Розыгрыш»... один раз ее развели, словно последнюю идиотку. Девушка обвела глазами комнату в поисках спрятанной миниатюрной камеры и попыталась улыбнуться искривленными губами, но тут же разрыдалась опять. Нет. Сто пудов, это не шутка. Никакие шутники на свете не стали бы привязывать ее к железной кровати, безжалостно выкручивая руки и ноги. Все гораздо серьезнее...

Незнакомец появился через два часа, когда ослабевшая от слез девушка впала в забытие: она не слышала, как на двери щелкнул старый английский замок. Не раздеваясь, прямо из прихожей он прошел на ободранную кухню, усеянную отвалившимися кафельными плитками. Там он долго мыл горячей водой безволосые руки, тщательно намыливая их душистым мылом. Дело предстоит чрезвычайно ответственное и сложное, но он справится: главное в таком деле – опыт. За отпущенное ему время он научился проводить *процедуры* столь виртуозно, что в определенных местах обязательно сорвал бы бурю аплодисментов от восхищенных поклонников. Впрочем, никакого удовольствия от вскрытия *ларца* он не испытывал – это было сугубо вынужденной мерой, наслаждение от подобных вещей могут получать только больные люди. К счастью, чувство вины не будет его угнетать слишком долго – уже через неделю он планирует покинуть Москву. Насухо вытерев руки кухонным полотенцем, незнакомец достал из шкафа детали предстоящего *маскарада*. Быстро переодевшись, он вошел в комнату.

...Маша открыла глаза на звук шагов, содрогаясь всем телом. Увиденное снова заставило ее предположить – она спит или бредит. Человек у ее кровати был одет столь вычурно и театрально, что казался клоуном, сбежавшим из провинциального цирка. Серый цилиндр, широкая накидка из черной ткани (кажется, ее еще называют «крылаткой»), скрывающая лицо маска в стиле «летучая мышь», руки в кожаных перчатках. Фокусник на выезде, вот-вот вытащит из цилиндра дрыгающегося кролика. Через прорези маски на нее спокойно смотрели два карих глаза. Она перевела дух. Маска – это отлично. Зачем похитителю скрывать свое лицо,

¹ В 2006 году в пригороде Вены (Австрия) от своего похитителя сбежала девушка, которую тот украл в детском возрасте и продержал в подвале своего дома восемь лет.

если он собирается ее убивать? Значит, опасается, что она его *потом* узнает. Поэтому наверняка не убьет.

По груди разлилось горячее тепло радости. Она останется в живых. – Любые деньги... – прошептала Маша. – Любые... дайте мой мобильник, он в сумочке. Только один звонок... папа заплатит... наличными, сразу же... Он не будет задавать никаких вопросов – *золотые*, фунты, евро, что угодно...

Человек в маске вел себя так, как будто ничего не слышал. Молча приблизившись, он приналег на железную спинку ее ложа, отодвигая его, – раздался скрежет металла и скрип обшарпанных половиц. Скосив глаза ниже, Маша случайно увидела то, что все это время было надежно скрыто кроватью.

...Ее крик перешел в протяжный вой раненого животного. Она молила, угрожала, билась в судорогах на кровати: «Вы знаете, *кто я?* Знаете?» Похититель молчал. Минут через десять, обессилев, она вцепилась сломанными ногтями в смятое покрывало. Голос пропал, превратившись в шипение. Глаза представляли собой красные блюдца, наполненные слезами.

– Не надо так делать, – ласковым шепотом сказал похититель.

Девушка вздрогнула – бархатные интонации вдруг показались ей знакомыми.

– Уверяю тебя – кричать здесь совершенно бесполезно, – деликатно продолжил он, не повышая тона. – Обещаю одно – тебе не будет больно.

Маша замолкла, подавившись рыданиями.

...На полу синеватыми огоньками одна за другой вспыхнули пять свечей, освещая начертанный голубым мелом большой ровный круг.

Глава вторая «Проект Бекбулатович»

(21 февраля, понедельник, утро)

Водители доброго десятка машин, тускло блестевших подмороженными боками, не скрывая удивления, рассматривали рыжеволосую женщину лет тридцати с курносом носом, несмотря на холодное время, густо обсыпанным веснушками, а бледная кожа была покрыта легким слоем тонального крема. Сидя за рулем потрепанной темно-синей «тойоты», женщина, хмуря тонкие рыжие брови, самозабвенно *загигала*, что называется, в крест и в веру. Ее голос был высок и пронзителен – смачные выражения доносились до соседей даже через плотно закрытые стекла. Не выдержав, сидящий мужчина с благообразной бородкой (по виду отставной коллежский советник) приоткрыл стекло своего «фольксвагена», дабы сделать рыжеволосой фурии замечание о правилах поведения приличной девушки в дорожной пробке.

– Мадемуазель... соблаговолите-с простить за дерзость, но...

– Прошу прощения, сударь... хули вы лезете не в свое дело?

...По обеим сторонам помпезного проспекта высились дворянские флигели с набившими оскмину неизменными колоннами, лепниной и старомодными флюгерами. Часть – с облупившейся штукатуркой, часть – после свежего евроремонта. Многие из них уже давным-давно не принадлежали своим титулованным хозяевам: на первых этажах разместились престижные офисы и модные бутики. Обедневшее, погрязшее в карточных долгах дворянство еще в семидесятые годы активно распродало поместья и особняки, которые охотно покупали представители разбогатевшего на медовом буме купечества. В результате на проспекте Белой Гвардии владением аристократии считался только дом графа Шереметева – с фигурными атлантами, держащими на могучих плечах круглые и пузатые, как бочки, балконы. Хозяин обветшалого особняка работал учителем в гимназии, содержать жилище было ему не по карману. Однако,

перебиваясь с хлеба на воду и покупая одежду на китайских вещевых рынках, в телевизионных ток-шоу Шереметев гордо заявлял – он не имеет права торговать честью предков. Правда, это не помешало графу сдавать стены дома для размещения билбордов, рекламирующих прокладки. Остальные носители громких фамилий такой щепетильностью не отличались: недавно князь Голицын вдребезги проигрался в «блэк джек» в казино «Полтава» и был вынужден продать с аукциона фамильную усадьбу. Особняк на Пречистенке купила под офис «Царь-кола» – ведущий производитель отечественного лимонада.

Машины не сдвинулись ни на миллиметр. Бог ты мой, когда же она попадет на работу? Пробки в Белокаменной просто дикие: автомобилей с каждым годом все больше и больше, плюс князьям императорской крови по закону от 1856 года полагалось добираться на работу в экипажах, запряженных пятериком лошадей. И этот факт ничуть не улучшал уличное движение. Когда слышишь в новостях: «Около Триумфальной арки столкнулись два мерина», уже не думаешь, что это были два «мерседеса».

Нетерпеливый февральский ветер злобно трепал обрывки рекламного плаката на боку одного из шереметевских атлантов: блокбастер «Кошкодавь» в стиле славянского фэнтези – мускулистый белокурый мужик разрывает пополам пасть саблезубого кота-мутанта. У трактора «Дягилевъ», славного своими блинами с икрой, выясняли отношения в стельку пьяные мастеровой и купец; напротив зиял разбитыми витринами закрытый суши-бар «Микадо».

Люди вокруг постепенно пропитались волнами ее настроения: бывшее спокойствие исчезло. Кто-то возмущенно размахивал руками, кто-то отчаянно сигналил, кто-то виртуозно матерился трагическим басом – похоже, это был тот самый коллежский советник, недавно сделавший ей замечание. Надо же, какой интересный герб на его машине – длинный язык под знаком доллара, обвивающий пушистого хомяка с набитыми щеками. Не иначе как в пиар-агентстве графа Синявского мужик работал, когда заслужил личное дворянство². Хотя на соседнем черном джипе «чероки» еще забавнее – переkreщенные селедки, а над ними луковица, водитель точно из астраханских купцов, никакой фантазии. Да что там купцы? Даже среди танцовщиц в стриптиз-трактирах дворянки не редкость, видала она одну такую фамильную эмблему – золотой шест и три серебряных лифчика.

Рассматривать гербы Алисе вскоре наскучило. Тряхнув копной рыжих волос, она взяла с соседнего сиденья книгу писателя Арсения Васильева «Полуостров Камчатка». Купила недавно: подруга Варвара очень хвалила, понравился прикольный сюжет – большевикам удалось захватить Камчатку, построить там настоящий коммунизм со всеобщим сексуальным счастьем и обществом, свободным от моральных устоев. Натуральный кич: даже трехлетний ребенок и тот знает – у красных не было ни малейших шансов после того, как в апреле 1917-го Ленин на Финляндском вокзале сломал себе шею, поскользнувшись на мокрой башне броневика. Представить этого картавящего чувачка, метр с кепкой, грозным властителем камчатского Кремля – явный перебор. Женщина нерешительно повертела книгу в руках и захлопнула ее с громким стуком. Может, лучше послушать радио?

Протянув руку к хромированному рычажку тюнера, Алиса включила станцию «Эхо Империи»: в салон машины ворвались возбужденные голоса известного монархиста, гофкурьера³ Леонтия Михайлова и скандального писателя Эдварда Цитрусоффа, которого когда-то шеф Отдельного корпуса жандармов выслал за границу за повесть о групповом сексе с неграми.

– Я не понимаю, как можно нашего государя не любить, – яростно орал Михайлов, наседавая на собеседника. – Государь – он же невероятная лапочка, такая прям весь из себя симпатичек, котик несообразный пушистенький. Знаете, это просто офигительный и суперский

² Личное дворянство в Российской империи отличалось от потомственного тем, что полученный титул нельзя было передавать по наследству своим детям.

³ Придворный титул в чиновничьей «Табели о рангах», учрежденной Петром I, соответствовал званию поручика гвардии.

государь! Кому самодержавная монархия не нравится – тот вообще говно. О чем бишь мы? Царь наш, храни его Господь, мягок с американцами. А я бы на его месте без разговоров высадил десант на Аляске и вернул заблудших эскимосов в лоно империи. Чем они нас пугают? Долларом своим паршивым? Баксы даже для сортира не годятся: их печатают на чертовски жесткой бумаге-с.

– Да пес с ним, с долларом, – встрял в разговор ведущий. – Наша валюта привязана к евро. Но у нас звонок. Слушателю из Улан-Удэ интересно, как вы относитесь к тому, что император собирается отречься?

Михайлов, как обычно, долго не раздумывал.

– Это катастрофа, – крикнул он, отпихнув метнувшегося к микрофону Цитрусоффа. – Согласно опросам, проведенным по заказу правящей партии «Царь-батюшка», у его величества-с рейтинг популярности семьдесят пять процентов. Куда государь при таком раскладе денется от обожающего его народа? Придурки среди республиканцев распускают враждебные слухи-с, что император станет председателем совета директоров «Пчелпрома». Как такое возможно? Православный царь, помазанник Божий – и будет свои штаны протирать в компании по экспорту пчелиного меда, а любой смерд в чине коллежского регистратора⁴ прикажет ему отчеты составлять?

– ...Прусский-то кайзер небось пошел в «Пчелпром» работать как миленький, – вклинился Цитрусофф. – Бабло не пахнет: евро ему платят или наши червонцы, без разницы. Абсолютная монархия – это, сударь, отживший строй-с. Самые передовые в экономическом плане страны давно стали республиками, а мы так и плетемся в хвосте, рассчитывая исключительно на экспорт меда. Да вы только подумайте: если б не вирус, поразивший западных пчел, и не открытие ученых, что медом можно лечить импотенцию, – что бы тогда с нами было? Высокие цены на мед развращают людей. Лучшие технические специалисты уехали в Америку – теперь мы даже свои телевизоры толком собрать не можем. Только и знаем, что мед вагонами на Запад гнать: и гречишный, и липовый, и цветочный. А культура? Противно смотреть, как государь приезжает в деревню, а мужики перед ним шапки ломают, кланяются в пояс и целуют ручку. Нам, ежели хотите знать, не царь нужен, а президент: он ближе, свой в доску рубаха-парень в пиджаке и галстук по примеру Северо-Американских Соединенных Штатов.

– Святая простота, – парировал Михайлов. – Думаете, заведем в нашей Раше республику, так сразу все мужички сядут с президентом курочку-с в майонезе вилочкой кушать? Скажу честно, когда я вижу светлый лик государев, у меня сердце трепещет, я тоже рад пасть ниц и к душистой ручке монаршей прильнуть поцелуем-с. Хотя не спорю – тупые репортажи по ТВ, когда его величество гуляет по коровнику в белом халате, накинутом поверх горностаевой мантии, – это перебор. Опять же, царская корона весит четыре килограмма, сейчас конструкторское бюро в Кремле работает, чтобы кондиционер внутрь встроить. Однако помазанник Божий не может в пиджаке ходить, иначе его с клерком из салона сотовой связи перепутают. Либо военная форма с эполетами, либо мантия и корона. Третьего не дано.

– На третье вскоре будет революция, – гордо пообещал Цитрусофф. – А государя – в Сибирь. Можете ехать вслед за ним и обцеловывать, где хотите.

– Вы мурло, сударь, – вскипел Михайлов (из динамиков послышался сырой шлепок упавшей перчатки). – Я вызываю вас на дуэль за оскорбление его императорского величества. Мои секунданты придут к вам завтра утром.

– Да пожалуйста, – зевнул Цитрусофф. – Мы уже и так сорок раз на дуэли дрались, хули толку? Убивать оппонента официально запрещено монаршим указом-с. На днях певец Дима Иблан с певицей Зосімь снова стрелялись из револьверов, заряженных холостыми. Или вы,

⁴ Низший чин в «Табели о рангах».

сударь, шпагу выбираете? Тоже горе небольшое – подумаешь, опять мне семейные трусы продавявите.

Пространство наполнилось грохотом падающей мебели и звоном разбитых стаканов, после чего включился рекламный блок. Машины вокруг гудели в унисон: каждый считал нужным выразить протест против столь неприличной пробки. Кисло улыбнувшись, Алиса переключила радио на музыку – благо станций на FM хватало. Да уж, своим объявлением о скорой отставке его величество ввел в ступор высших сановников империи, включая и своего основного фаворита – министра двора графа Иннокентия Шкуро. Отрекается, уезжает жить в подмосковную деревню, будет спать в избе, выращивать кур и кроликов, настоящий *Diocletianus Augustus*⁵. Все аналитики на уши встали – да что ж у царя такое на уме? Может, и не догадались бы, но тут на ТВ вылез некий книжный червь и сообщил – в истории российской монархии подобный прецедент уже имеется. В 1575 году Иван Грозный отказался от короны в пользу крещеного татарина – Симеона Бекбулатовича и лично венчал его на царство, после чего играл комедию по всем правилам: снимал шапку, низко кланялся и писал челобитные со словами: «Холоп Ивашко, великий государь, челом тебе бьет». Однако через год этот *comedy club* Грозному надоел – он снял Бекбулатовича, посадив на кол тех глупых бояр, которые недалеко-виднo выказали татарину респект и уважуху. Падкая на сенсации пресса окрестила грядущее отречение государя «Проект Бекбулатович», стало ясно, что император не собирается уходить навсегда – через годик-другой он вернется в Кремль. Всем известно умение его величества делать сюрпризы – чего стоило только назначение премьером китайского поваренка с дворцовой кухни. Особенно возмущался «Проектом Бекбулатович» вальжный обер-камергер Касимов по кличке Миша два полфунта, после того как у него отобрали за карточные долги служебный дворец и любимую конюшню, он заделался ярым республиканцем.

Мобильник зазвонил так внезапно, что Алиса вздрогнула. Ну, если это бывший муж, скотина такая, она из принципа трубку не снимет. Сволочь проклятая, всю жизнь ей сгубил – вчера заявился домой в полночь, причем без запаха духов и помады на щеке: небось успел где-то помыться, хитрый подлец. Схватив трубку, Алиса едва не уронила ее обратно – на дисплее высветился номер ее непосредственного начальника, князя Павла Сеславинского. Сейчас ей определенно «вставят» за опоздание на брифинг, и ссылка на пробку не поможет. Как выражается на «разносах» безжалостный князь: «Мадам, забудьте про ваши баронские понты и езжайте на метро».

– Алло, – пискнула она дрожащим голосом. – Пал Евгеньич, я...

– Баронесса? – голос Сеславинского дрожал не меньше, чем ее собственный. – Какое счастье, что я вас нашел! Вам нужно срочно приехать в управление департамента полиции на Цветной бульвар⁶. Мне уже отовсюду звонили, включая и министерство двора, и жандармерию. Требуется ваша помощь.

Сердце Алисы упало на самое дно машины, к каблукам туфель.

– Ваше сиятельство, – робко спросила она, – а Каледин там будет?

– Сударыня, – в тоне князя появились металлические нотки. – Ваши семейные дела меня не касаются. Сегодня ночью произошло жестокое убийство, судя по почерку – серийный маньяк. Вы хоть догадываетесь, кто был убит?

Выслушав страшное сообщение, Алиса сразу забыла о возможной неприятной встрече в полицейском управлении. Швырнув мобильный на сиденье, она крутанула руль «тойоты», выезжая на тротуар. Бампер с грохотом ударился о телефонную будку. К машине, махая саблей,

⁵ Диоклетиан Август (*лат.*) – титул римского императора Диоклетиана (284– 305 гг.), известного тем, что он на пике власти отрекся от трона и занялся огородничеством.

⁶ На углу Цветного бульвара и Садовой располагалось московское отделение МВД, департамент полиции и Отдельный корпус жандармов являлись структурами министерства. Известное ныне здание на Лубянке занимало страховое общество «Россия».

оперативно бросился скупавший в отдалении городской в белом полушубке. Чуть замедлив ход, Алиса на ходу сунула в его руку «шляпинку» номиналом в пятьдесят золотых, и служивый сейчас же потерял к ней интерес. «Тойота» истерически взвизгнула изношенными тормозами, исчезая за поворотом...

Глава третья Артефакты

(21 февраля, понедельник, позднее утро)

Закончив *процедуру*, я вернулся домой усталый, но довольный. Первым делом сбросил в прихожей прилипшую к телу одежду прямо на пол – несмотря на холод, заполняющий пространство узкого коридора, я желал почувствовать кожу свободной от любого покрова. Времени у меня было в обрез, но я не мог отказать себе в любимом удовольствии: наполнил ванну и погрузился в настолько экстремально горячую воду, что тело обжигало болью. Стало намного легче – напряженные мускулы расслабились, невидимые молоточки перестали стучать в висках: опустившись до подбородка в исходящую паром жидкость, я ощущал откровенное наслаждение, смешанное с томлением. Прошло десять долгих минут, нащупав пальцами ноги цепочку на дне ванны, я полностью выпустил воду и повернул рукоятку душа. Подставив свое нежное лицо под упругие струи воды, быстро намылился абрикосовым гелем – мыльные струйки потекли по моему великолепному животу, враз покрывшемуся белоснежным слоем, будто сливочный торт на Рождество. Как же я люблю себя – век не отрывался бы от зеркала, но не могу: стыдно признаться, иногда красота моего тела вызывает у меня самого смутные желания. Видел ли меня кто-нибудь на улице? Сомнительно: светает сейчас поздно – соседи наверняка проигнорировали мой визит. Да и самих-то соседей вокруг негусто – домишко куплен на отшибе, пускай и в престижном месте: неподалеку от Трехрублевского шоссе, где так любят селиться звезды купеческого и дворянского гламура. На вскрытие первого *ларца* ушло немного времени – хвала Всевышнему, опыта в этой области у меня достаточно. Городовые уже наверняка обнаружили сюрприз, который я оставил им в самом центре Столешникова переулка. Упакован *ларец*, как всегда, отлично – не пролилось ни единой капли драгоценного *бальзама*, да и нечему там проливаться. В переулке никого – шаром покати, только пьяный бомж, закутавшись в немыслимую кучу барахла, спал у церкви сном младенца. Помешать мне не могли, и я успел живописно разложить детали *ларца* – вышло безумно красиво, прямо натуральная картина Рубенса. Но, разумеется, самый лучший *артефакт* я заботливо приберег для себя.

Я не стал вытираться – мне нравилось после ванной ощущать на коже бархатистую гладкость геля и крошечные капельки воды. Оставаясь обнаженным, я подошел к целлофановой упаковке, где, умилая душу своей потрясающей первозданной свежестью и деликатным запахом, лежал первый добытый мной *артефакт*, извлеченный из нутра *ларца*. Смежив веки и скрестив по-турецки ноги, я сел в самый центр голубой *схемы*, привычным движением задрал вверх подбородок. Осторожно, словно хрустальную вазу, я двумя руками почтительно поднял драгоценный *артефакт*. Дрожа от нетерпения, положил его на язык, пупырышки которого восторженно дрогнули, ощутив подзабытый терпкий вкус. Слегка прикусив податливую ткань, я положил *артефакт* в кружочек в виде черепа, начертанный голубым мелом посреди правильного большого круга: мои губы окрасились в приятный розовый цвет. Склонив голову вперед, я замер, превратившись в изваяние, – моя грудная клетка почти не вздымалась, очевидно, со стороны казалось, что душа покинула мое бренное тело.

Через двадцать минут в комнате послышался утробный, тянущий звук на одной ноте, похожий на тибетскую молитву, он лился из меня, как густое подсолнечное масло. Я открыл

глаза – комнаты больше не существовало. Я находился в другом измерении, в причудливых лабиринтах которого я был всего лишь гостем. Я видел черное пламя, поднимавшееся из земных глубин и достигавшее небес, вызывающих трепет чудовищ с перепончатыми крыльями, разверзшиеся от землетрясений долины и бурные волны взбесившихся морей, превращенных в кровь. Похожие на драконов птицы падали и разбивались насмерть – их перья облаками кружились в последнем танце. Я готов был поклясться, что слышу раскатистый хохот, однако не исключено, что это смеялся я сам. Огромный силуэт поднялся над хаосом, злобно блеснули глаза на покрытой шерстью морде. Черное пламя превратилось в ревуший шар, ударило мне в лицо миллионом искр, обуглив оскаленный от радостного смеха череп...

Перед моими глазами снова оклеенная потертыми обоями комната с железной кроватью и треснутым зеркалом. По лбу сбегала струйка пота, кожа на щеках подрагивала от нервного тика. Чем ближе *финал*, тем явственнее станут мои видения. Я все сильнее, до судорог в мышцах, буду ощущать нестерпимый жар пламени, обонять смрадное дыхание чудовищ, захлебываясь, тонуть в глубинах кровавых морей. Где гарантия, что в этот момент я и вправду не переношусь в потусторонний мир? Прошло всего четверть часа, но я чувствую себя так, словно неделю разгружал вагоны.

Процедура, а затем и сложная медитация отнимают много сил, наверное, то же самое ощущает лимон в соковыжималке. Дрожащей рукой я прикоснулся к волосам, мокрым то ли от купания, то ли от пота. Дело сделано. Первый шаг совершен. Осталось вскрыть еще четыре *ларца* – эта задача, откровенно говоря, не так уж и сложна... А вот с пятым, *бальзам* которого необходим для отдельной, *финальной* церемонии, придется потрудиться. Именно этот *ларец* до последней секунды *финального* таинства обязан оставаться в сознании, а его мозг – функционировать. Скажете, просто? Да куда там: некоторые сразу умирают от разрыва сердца. Если б не мое терпение, достойное стойкости викингов, то я бы уже давно угодил в клинику с нервным срывом. Что скажет художник, если за час до окончания картины вспыхнет огонь и уничтожит его шедевр, любовно создаваемый целый год? То-то и оно. К счастью, на этот раз я запасся необходимыми медицинскими препаратами. Пара уколов – и все пройдет чудесно.

Вернувшись в продуваемый из всех щелей коридор, я подобрал с пола прозрачный целлофановый дождевик, который надевал перед каждой *процедурой*. Бросил его в ванну и снова включил душ, сдвинув красный рычажок до упора. Чуть-чуть постоял, глядя, как розовые струйки стекают с целлофана на дно и радостно устремляются к сливному отверстию. От кипятка поднимался пар, зеркало в ванной запотело, скрыв мое лицо. Что ж, наедине с собой я могу побыть и без маски. Излишняя театральность, скажете вы? Вовсе нет. Меня некому похвалить, но я всегда подходил к *процедурам* очень ответственно, читая тонны детективов, просматривая десятки сериалов; я слишком многое ставлю на карту, и мне необходимо угадывать действия полиции. Стоит оставить у *ларца* один-единственный волос – и следователи вычислят его обладателя по ДНК. Ох уж мне все эти нововведения... Похоже, в Средние века правильно делали, сжигая на кострах ученых, конструирующих крылья, убивать этих поганых изобретателей надо, пока они маленькие. Жилплощадь куплена по документам другого человека, официально тут никто не зарегистрирован, соседи по дачному поселку – спившиеся до зелени бывшие земские чиновники. Само собой, когда-нибудь это жилище найдут. Но к тому времени я уже буду с другим паспортом и другим именем... Может быть, даже с другим лицом. А почему бы и нет?

«Отпаренный» до блеска дождевик вернулся на свое место – на полку в кухонном шкафу. Что ж, пришло время зарядить *артефакт* необходимой энергией. Сильным волевым движением я раздвинул шторы, чтобы на *артефакт* со следами зубов, лежащий в голубом круге, упали лучи желтого, круглого, как сыр, утреннего Солнца. Ничего, что оно зимнее и поэтому не особенно яркое, основную роль играет вовсе не оно, а его ночной собрат – ноздреватая бледная Луна. Согласно правилу *артефакту* требуется впитать энергию обоих небесных светил,

но большая часть обязательно должна приходиться на долю Луны – иначе желанный *финал* может не состояться.

От бессонницы ужасно болит голова, но, скорее всего, следующую ночь выспаться не получится. В гараже в моей второй машине связанный по рукам и ногам находится другой *ларец*. Иметь два автомобиля в моем деле необходимо, так подсказывают сериалы. Свидетели покажут: Маша села в тачку, городские начнут обыскивать все желтые машины подряд. Вечером придется перекрасить кузов. Я не страдаю манией величия – обыграть полицию, вооруженную современными техническими новшествами, будет не так уж легко, пусть даже мне это и не впервой. Ничего, главный приз в *финале* затмит собой все нынешние сложности.

Что это такое? Кожа покрылась мелкими прыщами. Странно, я не замечаю холода. Наверное, это от возбуждения – дикого, почти животного, которое я только что испытал, прикоснувшись губами к *артефакту*. Отойдя от голубой схемы, я сел прямо на пол, раскрыв у себя на коленях служебный ноутбук – тот весело заиграл зелеными огоньками. Войдя в Интернет, я «кликнул» на закладку сайта «горящих» туров, мельком просматривая предложения по Таиланду. Уже через пять минут я остановился на одной из путевок по оптимальной цене – полтыщи золотых, понятное дело, отель там – старое корыто. Щелкнув мышкой, я старательно нажал курсором на опцию «забронировать», после чего выключил ноутбук. На обратном пути с работы заеду в турагентство, заберу билет и ваучер дешевой гостиницы в Паттайе. Еще десять дней – и я навсегда исчезну из этого холодного города.

...Если, конечно, у меня не будет трудностей с *финалом*.

Из последнего номера газеты «Светский хроникер»:

«...Как передает из Лос-Анджелеса наш собственный корреспондент Макар Солюгин, до сих пор нет определенности с прибытием в Успенский собор на коронацию нового императора голливудской звезды Дженнифер Лопес. Как заявила сама m-me Лопес в интервью „Светскому хроникеру“, она отказывается принимать оплату своего турне американскими долларами ввиду того, что обесценившиеся „травяные“ даже в США никто деньгами не считает. Последняя цена приезда капризной Дженнифер в Белокаменную – один миллион золотых. На эту сумму она собирается вставить себе двадцать шестой силиконовый имплантант в большие пальцы ног, так как других мест уже не осталось. Ответ певицы Бритни Спирс, также приглашенной на коронацию, пока неизвестен, поскольку звезда находится на лечении в наркологической клинике, одновременно там пройдут роды ее двенадцатого ребенка. В то же время престарелый актер Арнольд Шварценеггер принял приглашение сняться в имперском боевике „Супер-киллер“, где он появится в дуэте с российской звездой Пашей Кусенко. По сценарию предполагается, что Арнольд сыграет дедушку главного героя, в сражении с международными террористами потерявшего ноги, руки, глаза, позвоночник, кишечник, подбородок и зубы. Возможный гонорар за съемки – награждение Шварценеггера орденом Святой Анны, а также предоставление ему права участвовать в аукционе, где на торги будет выставлена усадьба Ивана Тургенева.

...Столичная жизнь продолжает бурлить: московский бомонд всю обсуждает последнюю жестокую дуэль, состоявшуюся между звездой „Европовидения“ Димой Ибланом и певицей Zosimъ. Их ссора вспыхнула в пятницу на тусовке в клубе „16 пудов“, где Zosimъ публично обвинила Иблана в сокрытии своего истинного происхождения. По ее мнению, он не

является горским князем, а дворянскую грамоту смоделировал на компьютере. Нелегальная продажа фальшивых дворянских грамот действительно является крупным фактором московского черного рынка, однако Иблан потребовал сатисфакции. В стихийно возникшей драке пострадали все три участницы украинской группы „Вибраторъ“ (одной из девушек раздавили силиконовую грудь), а также гламурный цирюльник Сергей Монстров. Пьяный гусарский поручик, воспользовавшись беспомощным состоянием звезды, принял его за женщину, но в итоге сам был госпитализирован с сердечным приступом. Отметим, что дуэли становятся весьма модными среди столичной элиты. На прошлой неделе произошло сражение на боксерском ринге братьев-боксеров Облучко с рэп-певцом Тимотэ. Он, впрочем, на дуэль не пришел, поэтому братья подрались друг с другом.

...Известный купец первой гильдии, оптовый торговец медом Фома Абрамович прислал остатки своего обеда в богадельню, где живут обедневшие помещики, из-за карточных долгов они были вынуждены продать свои поместья и бомжевали на улице. Господин Абрамович отметил, что и впредь готов делиться хлебом с бедными людьми, хотя и пострадал от развода со своей алчной супругой. Обедневшие дворяне подписали коллективное письмо с благодарностью щедрому купцу и выразили надежду: в другой раз тот пришлет им объедки от своего ужина – ожидается, что там будет вволю шелухи лучших лобстеров.

...Императорская власть всеми силами пытается привлечь подданных на парламентские выборы. Сегодня по “Империя-ТВ” выступил главный колдун с острова Гаити, оперирующий черной магией. Зарезав перед телекамерой петуха, негр в белой раскраске побрызгал вокруг себя кровью и обещал: те избиратели, которые не придут на участки, превратятся в зомби, а из глаз у них полезут черви. „Они прокляты загробным миром, – зловеще предрек колдун. – Снять магическое проклятие можно, лишь проголосовав“. Посмотрев на негра, оппозиция обвинила царя в использовании “черного пиара”».

Глава четвертая

Мерзавец

(21 февраля, понедельник, позднее утро)

Гранитные сфинксы, величаво возлежавшие на когтистых лапах у основания парадного подъезда имперского МВД, равнодушно наблюдали за входящими посетителями. Внушительное здание, на этажах которого находились департамент полиции, Отдельный корпус жандармов и финансовая гвардия, было расположено на углу Садовой и Цветного бульвара – проехать туда даже дворами оказалось не так легко. Преодолев вертящуюся стеклянную дверь, Алиса ужасно смутилась: в роскошном вестибюле с мраморным фонтаном в виде русалки толпились человек двадцать крупных чиновников при орденах и золотых эполетах. В их числе самое высокое начальство, какое только возможно вообразить, – сам начальник Отдельного корпуса жандармов Виктор Антипов. По непонятной причине отсутствовал знакомый ей директор департамента полиции Арсений Муравьев – она узнала его помощника по следственным делам и личную секретаршу. При виде этого самого помощника смущение Алисы сменилось тихой яростью. По правую руку от Антипова нагло отирался молодой человек ее возраста, блондин

среднего роста, стриженный под «бобрик», с холеным дворянским лицом, его портил лишь нос с небольшой горбинкой. Алиса готова была поклясться – под вицмундиром у этого типа надета неизменная майка с логотипом «Раммштайн», которую она ненавидела всей душой. Уж кто-кто, а она хорошо знала столь интимную подробность. Коварный блондин был не кто иной, как ее бывший муж, титулярный советник Федор Каледин; не прошло и двух месяцев, как они со скандалом развелись в духовной консистории⁷. Пользуясь отсутствием своего прямого начальника, мерзавец Каледин занимался привычным делом – гнусно любезничал с секретаршей Муравьева – грудастой девицей Анфисой. Уничтожив подонка презрительным взглядом, Алиса лучисто улыбнулась прочим господам, кои немедленно выстроились в очередь целовать ей ручку. Да, князь Сеславинский оказался прав – ночное событие поставило на уши всех VIP-сотрудников органов внутренних дел империи. Одним из первых ее пальчики смачно лобызнул тайный советник Антипов, а этого потного, сопящего борова в увешанном орденами мундире просто так из теплого кресла не вытащишь. Как шепнул Алисе на ухо адъютант Антипова, юный, похожий на девушку подпоручик (и заядлый картежник) Сашка Волин, собирался подъехать и сам московский градоначальник – престарелый фельдмаршал Кустиков. Положение Кустикова в последнее время было весьма шатким: ходили упорные слухи, мол, государь им недоволен, а чиновники министерства двора критиковали бизнес супруги фельдмаршала – сдобной купчихи Кадушкиной, продававшей бочки для засолки огурцов. Враги сплетничали: те лавочки, которые не хотели покупать бочки, городская управа закрывала за нарушение санитарных норм. Но вслух об этом говорить опасались: на Кадушкину работали лучшие адвокаты, в том числе и внук знаменитого Плевако, за полчаса речи в суде рвавший тысячу золотых.

– ...Баронесса, голубушка, – засопел многопудовый Антипов, умильно прильнув к ее руке. – Рады видеть вас в добром здравии. Простите, что побеспокоили, но случай у нас – из ряда вон выходящий. Понимаю, не дамское это дело-с, однако ежели не поможете – считайте, мы погибли.

– Что от меня требуется, ваше сиятельство? – формально посерьезнела Алиса.

– Пройти в здешний морг, сударыня, для этого вас и ждем-с, – засуетился Антипов. – Как, вероятно, вас известил князь Сеславинский, ранним утром в Столешниковом переулке обнаружен изуродованный труп одной **очень значительной особы**... Причем настолько значительной, что государь, узнав об этом печальном событии, собственноручно изволил позвонить в МВД и дать серию высочайших указаний. Когда министр вызвал нас к себе, он был весьма обескуражен, я грешным делом даже подумал: не иначе как анархисты бросили майонез в карету премьера. Как вы понимаете, князь не будет лично заниматься этим делом, он лишь берет его на особый контроль, как это называют по телевизору. Совместное расследование ввиду его особой важности поручено сразу двум отделам МВД – жандармскому корпусу и департаменту полиции. Тело погибшей в кошмарном состоянии, но вам, увы, такие страшные зрелища не в новинку. Иначе не осмелился бы звонить-с.

Алиса холодно кивнула. Ей действительно уже не раз приходилось приезжать по срочным вызовам департамента полиции, чтобы давать психологическую характеристику особо жестоким убийствам. Дипломированный психолог-криминалист, с оксфордским образованием и восьмилетним стажем работы, она ежегодно посещала за границей специализированные симпозиумы, посвященные серийным убийцам. Вот уже два года как фон Трахтенберг работала консультантом в Центре князя Сеславинского, занимавшемся исследованиями мозга знаменитых маньяков. Как только она услышала имя жертвы, то поняла – ожидается скандал. Немудрено, что вызвали ее, хотя услуги специалиста Центра всегда стоили очень дорого. Стало быть, есть подозрение: убийство – работа «серийника».

⁷ Специальный отдел в Русской православной церкви, в числе прочего занимается церковными разводами венчанных супругов.

Дружно накинув на плечи белые халаты, чиновники проследовали по лестнице к находящемуся на втором этаже полицейскому моргу. Пожилой врач с бородкой клинышком, волнуясь от присутствия столь высоких особ, с извинениями попросил человек десять (к радости Алисы, в их числе оказалась и зловредная секретарша Анфиса) остаться снаружи: небольшой морг не был предназначен для такого количества посетителей. Помещение Алисе знакомое – серая, похожая на ящик цементная комната, куда привозили для детального осмотра «сложные», по полицейской терминологии, трупы – либо жертв серийных маньяков, либо погибших дворян в чине не ниже камергера. В данном случае они получили «два в одном». В центре «ящика» на продолговатом цинковом столе (похожем, скорее, на поднос) лежало нечто бесформенное, прикрытое ослепительно белой простыней. По всей простыне расцвели тончайшие «розы» из сукровицы, сплетаясь в жуткую паутину.

– Как именно это случилось? – спросила Алиса, оборачиваясь к Антипову.

Вместо него заговорил подпоручик Волин, нервно покусывая губы:

– Пока неясно, баронесса. Примерно в шесть утра бомж Муха, бессменно обитающий на паперти церкви Косьмы и Дамияна в Столешниковом переулке, проснувшись, обнаружил в десяти метрах от себя то, что он принял в предрассветной темноте за кучу тряпья. При ближайшем рассмотрении бесформенная куча оказалась трупом обнаженной барышни. Живот усопшей вспорот от лобка до горла, все внутренности вынуты из тела и аккуратно разложены рядом. Горло перерезано, но крови на теле нет – скорее всего, ее убили в другом месте, а уже потом устроили натюрморт в Столешникове. Муха добежал до городского на перекрестке, который на всякий случай задержал его, а потом связался по рации с департаментом. Первым на место преступления выехал лично Федор Аркадьич, он же идентифицировал убитую как ведущую реалити-шоу «Завалинка» Марию Колчак.

Последовал кивок в сторону Каледина, но тот уже не улыбался – видимо, без Анфисы чувствовал себя некомфортно. Алиса удовлетворенно фыркнула. Так вот, оказывается, куда он выбежал из дому ни свет ни заря, а она-то подумала... Впрочем, ее правильного определения, что Каледин ужасная скотина, это не отменяет.

– Что же, его высокоблагородие уже поймал убийцу? – вставила она шпильку, подняв голову и бесстрашно посмотрев в глаза экс-супруга.

– Ничуть, – спокойно заявил мерзавец Каледин, цинично разглядывая ее обтянутые халатом формы. – Где ж его было поймать? Бомж Муха невиновен, это очевидно. Служебная собака след не взяла. Вероятно, жертву доставили в Столешников на легковой машине в сумке или пластиковом мешке, после чего останки живописно разложили рядом с церковью. Первым делом, господа, мне подумалось, что это месть противников ее реалити-шоу. Ежедневно Мария Колчак получала сто тысяч мэйлов и анонимных бумажных писем с оскорблениями, самым корректным из которых являлось слово «лошадь». Замученные телепередачей зрители обещали сделать с ней такое, что случившееся выглядит попросту детским капустником.

– Да-с, – почесав тройной подбородок, подтвердил Антипов. – Знаете ли, мне лично приходилось эти письма расследовать – ей угрожали и старушки-пенсионерки, и статс-дамы, даже тинейджеры из кадетского корпуса. Я ни разу не видел передачу покойной Маши Колчак – право, что же там плохого?

Чиновники откровенно замялись. Низенький упитанный коллежский секретарь Яковлев из следственного отдела, хоронясь за спинами коллег, вытащил мобильник и срочно удалил картинку голой Колчак, которую буквально вчера скачал с сайта ее реалити-шоу «Завалинка».

– Эээээ... – проблеял Волин. – Да ничего-с особенного, ваше сиятельство. Столбовых дворян титулом не ниже графа отправляют в глухую деревню на сибирских просторах и учат там жить простым сельским бытом: носить ведрами студеную воду из колодца, коров доить, дрова рубить. И все это, разумеется, под круглосуточным прицелом видеокамер.

– Типа сериала ужасов? – догадался Антипов. – «Байки из склепа»?

– Ну да, – согласился Волин. – Но рейтинг будь здоров – особенно после того, как княжна Ухтомская при уборке навоза в прямом эфире умом тронулась.

– Святый боже, – истово перекрестился жандарм. – Тяжелая работа была у Машеньки, упокой Господь ее душу. Кстати, его величество уже лично звонил отцу покойницы с соболезнованиями и обещал найти убийцу. Простите, баронесса, за эти слова, но мы с вами, уважаемые господа, находимся в глубокой заднице. На все про все царь дал нам неделю. Ежели не изловим негодяя – хором поедem на Камчатку новые полицейские участки открывать в охотничьих поселках посреди дремучей тайги.

Алиса радостно вздохнула – Бог услышал ее молитвы и оперативно покарал нечестивца Каледина. Камчатка – самое оно. Была б ее воля, она туда сослала бы еще как минимум человек сто, в том числе и наглуую соседку Нинку. И уж точно секретаршу Анфису, два дня назад настойчиво приглашавшую Каледина в кино на скандальный французский фильм эротического содержания. Эти крестьянки липнут к дворянам как банный лист. В генах заложено со времен войны с Наполеоном – эскадрон гусар идет через деревню, а через девять месяцев в каждой избе по ребенку.

– Поедешь, я, так и быть, одолжу тебе свою шубку, сволочь! – склонившись к уху Каледина, прошипела Алиса и сразу повернулась к Антипову, хлопнув ресницами. Эффекта сие действие не возымело – бывший муж лишь усмехнулся, переключаясь на начальство. Даже обидно, ну что ж за тварь такая...

– Слушаюсь, ваше высокопревосходительство! – щелкнул каблуками Каледин. – Смею вас заверить: мы со своей стороны приложим все усилия, чтобы арестовать злодея. Осмелюсь заметить, отец Маши Колчак – томский генерал-губернатор, давний приятель его величества, по субботам они вместе играют в городки. Тут даже и не Камчаткой может закончиться – в вечную мерзлоту сошлют. Да и пресса тоже постарается. Нет сомнений, что через полчаса новость о зверском убийстве в Столешниковом появится во всех телевыпусках новостей, случай из ряда вон выходящий. От руки маньяка погибла ведущая популярного реалити-шоу, и каким образом! Бедную девочку освежевали как дикую косялю.

Пожилой врач по знаку Антипова сдернул простыню с цинкового «подноса». На потолке режущим светом вспыхнули лампы, позволяющие лучше рассмотреть *то*, что лежало внизу. По группе чиновников стремительной волной пронесся шепот; один из генералов негнушавшись пальцами полез в карман за валидолом, шумно сглатывая. Тело Машеньки Колчак было неестественно белым, будто продолжало мерзнуть под свежеснеженным снегом в Столешниковом переулке. От идеально выбритого лобка почти до ключиц тянулась ровная, как стрела, багровая полоса. На горле – точно такой же след, только тонкий, словно ниточка. Глаза широко распахнуты, но в них нет никакой боли – только равнодушие и усталость.

– Как заявляет наш медэксперт, – казенным тоном отчеканил Каледин, – девушке сначала сломали шею, а уже потом перерезали горло.

– С какой стороны сделан надрез? – неожиданно перебила его Алиса.

– С правой, – чуть удивившись, ответил Каледин. – После этого через брюшину извлечены все внутренние органы – сердце, печень, легкие, почки, желудок. Врач в шоке – ни один из имеющихся в нашем распоряжении органов не задет и даже не поцарапан; по его мнению, хирургическое вскрытие делал профессионал. Более того... он считает – ему самому понадобилось бы на это как минимум полчаса. Однако, согласно предположению доктора, убийца выпотрошил тело с рекордной скоростью...

– Всего за пятнадцать минут, – вновь встряла Алиса. – Так?

– Так, – стушевался Каледин. – А откуда ты... вы...

– Неважно, – прикончила его взглядом зеленых глаз Алиса. – И что дальше?

– Дальше? – взял себя в руки Каледин. – Дальше, *сударыня*, вышло вот что. Закончив, этот парень разложил внутренности мертвой девушки по странной схеме – одну половинку

почки возле левого плеча, другую – у левой щиколотки. Печень вложил в правую руку, в левую – отрезанную грудь. На лоб прикрепил кусочек сердца. Желудок и легкие – на равных расстояниях с обеих сторон – как будто невидимый круг начертил. Кровь из тела жертвы исчезла практически до капли. Все это сделано с явным расчетом на внимание. Он хотел, чтобы труп обнаружили в публичном месте.

– Еще бы, – королевствовала Алиса. – Это как раз в его правилах. Я уверена, что какой-то части вынутых им из туловища органов не хватает. Так?

– Да, – ответил вконец сбитый с толку Каледин. – Левой почки.

Алиса обошла вокруг трупа, вглядываясь в застывшее лицо. Мертвецы ее уже давно не пугали, как любого профессионального криминалиста, за время практики она видела и не такое. Большинство чиновников в помещении морга тоже привыкли к подобным художествам смерти, особо нервных успокоил валидол, лишь бело-зеленый, как вампир, подпоручик Волин страдальчески хватал ртом воздух. Алиса запоздало пожалела, что рядом нет секретарши Анфисы: ее обморок пришелся бы очень кстати.

– Горло перерезано с правой стороны, – произнесла она вслух, ни к кому не обращаясь. – Этот человек не хотел, чтобы на него попала даже капля крови из вскрытой артерии. Он извлек внутренности за рекордно короткое время и, очевидно, прихватил с собой на память левую почку. Вы не узнаете, чей это почерк? Я удивляюсь, почему титулярный советник Каледин не пришел к соответствующему выводу раньше меня. Возможно, в этом виноват недостаток его образования либо слишком маленький опыт работы...

Если бы Алиса могла, она бы добавила, что этот опыт столь же мал, как и некоторая другая *штука* ее бывшего супруга. Но и без того вышло неплохо. Тяжело дыша, Каледин уставился на нее налитыми кровью глазами – в присутствии начальства его еще никто так не «опускал». Ощувив в сердце чувство пьянящего полета, весьма похожего на экстаз Наполеона в битве при Маренго, она отвернулась от морально раздавленного мерзавца.

– Так каков же ваш главный вывод, мадам? – тревожно спросил жандарм Антипов при всеобщем молчании на фоне зловещего калединского сопения.

– Такой, ваше высокопревосходительство, – сдержала Алиса, зная, что это ей сойдет с рук. – Я не исключаю – скоро мы получим по почте письмо, написанное чернилами из крови, а также посылку с надкушенной почкой. Самое главное, убийства обязательно продолжатся, поэтому потребуются ввести ночное патрулирование центра города казаками. Перед нами тот, кого среди криминалистов называют «подражателем»: копирующий деяния своего кумира так старательно, словно на ксероксе.

– И кого он копирует? – поинтересовался жандарм, нервно дергая мочку уха.

Алиса открыла рот, но, опередив ее, Каледин нанес молниеносный удар.

– Джека Потрошителя, – небрежно сообщил он, и чиновники замерли в изумлении. – Я догадался об этом сразу, но поскольку ваше сиятельство изволили пригласить эксперта, счел нужным дать ему высказаться.

Алиса мечтательно прикрыла глаза и представила, как бьет Каледина в нос.

Пожилой врач щелкнул выключателем – лампы на потолке, блеснув, погасли, на растерзанное тело вновь легла застиранная казенная простыня.

Глава пятая Государь

(21 февраля, понедельник, ближе к полудню)

Его величество, повертев в руках неудобную корону из чистого золота, осторожно надел ее на голову, внутри что-то зажужжало – лысеющую макушку царя освежила приятная прохлада. Да, не перевелись еще умельцы на Святой Руси – вот, пожалуйста, вставили в эту штуку кондиционер, теперь ходи да радуйся. Она ж тяжелая, сволочь, даже в лютый мороз в пот бросает, как в сауне: на виски давит, затылок ломит, мокрый лоб чешется. А про шапку Мономаха и говорить нечего – густой соболий мех, зимой еще туда-сюда, а в июле превращается в пытку. Хорошо хоть горностаевая мантия, украшенная пушистыми хвостами, легка и приятна на ощупь. Конечно, сначала он наступил на нее пару раз и упал, но вскоре привык. Другое дело, защитники животных замучили – на прошлой неделе в Совете Европы поднимали вопрос, чтобы мантии европейских монархов делались из искусственных материалов – целлофана или акрила. Представьте себе – праздник, гарцует гвардия, дуют трубачи, летят фейерверки, и тут во всем блеске выходит король в целлофановой мантии. Ей-богу, чокнулись уже совсем со своей политкорректностью.

Император, звеня платиновыми шпорами на штиблетах, не спеша прошелся по тронной комнате. Зеленые стены, украшенные белыми орлами, сверкающие многоярусные люстры из горного хрусталя, кофейные столики из уральского малахита, специальная стойка для пивных кружек и, конечно, бочка добротного баварского «мюншенера». В центре зала – трон, выточенный из цельного куска золота, весящий пару тонн; к подножию ведет вышитая вручную ковровая дорожка с исфаханским орнаментом – подарок персидского шаха. Между букетами роз – плоский плазменный экран в обрамлении мощных колонок. Жаль такую красоту, а ведь придется уехать в деревню. Австралийские инженеры уже и вольеры для кроликов построили, и самих зверьков завезли – всего через неделю он отречется от трона. Восемь лет правил – честное слово, устал. Когда старенький спившийся царь предложил ему, тогда занимавшему пост главы Отдельного корпуса жандармов, надеть шапку Мономаха, он не удивился. От династии Романовых остались рожки да ножки, а титул наследника престола давно сделался ненужной формальностью. Да иначе и быть не могло.

Перед строгим взглядом государя, словно наяву, встали отпечатанные на недорогой бумаге сухо шелестящие страницы гимназического учебника по истории, утвержденного Министерством просвещения империи.

«25 августа 1917 года (перенесенный на 32 сентября, этот день в империи теперь считался важным праздником с бесплатной раздачей пива) **славный сын Отечества генерал Лавр Корнилов двинул на Петроград третий конный корпус и Дикую дивизию. Временное правительство было низложено, а премьер Керенский бежал, переодевшись в детскую одежду – панамку и короткие штанишки, с погремушкой в руке. Тысячи большевистских агитаторов пали жертвами гнева православного народа, Москва вновь объявлена столицей – как колыбель русской монархии, а глупый эксперимент с республиканским правлением был признан «противоречащим русскому духу». Генерал Корнилов освободил из-под нечестивого ареста Государя Императора с Государыней Императрицей. Его**

Величество в благодарность торжественно объявил Лавра своим преемником. Тот, будучи исполнен природной скромности, отказался и передал корону популярному в народе оперному певцу Федору Шаляпину. В 1918 году закончилась Первая мировая война, разгромленная Германия была возвращена к состоянию 1864 года и разделена на 38 государств: королевства Пруссию, Вюртемберг, Баварию, Ганновер и множество мелких княжеств. По условиям Московского договора Россия получила турецкий город Стамбул, переименованный обратно в Константинополь, а также бывшую германскую колонию в Африке – Намибию. 7 ноября 1918 года российские ссыльные, устроив революцию в Женеве и Лозанне, захватили власть в Швейцарии, объявив ее «социалистической республикой». В 1927 году Государь Император трагически погиб во время охоты в Намибии – его задавило упавшим жирафом. Вскоре Федор Шаляпин был коронован в Успенском соборе (точнее сказать, к власти в империи пришла генеральская хунта в составе Корнилова, Юденича, Колчака и Деникина). Народ искренне полюбил доброго Царя Федора (ему присвоили звание супер-обер-генералиссимуса и дали столько орденов, что приходилось надевать их даже на спину). Спустя 30 лет после начала мудрого правления здоровье Императора ухудшилось (таская на себе тяжесть орденов, Шаляпин потерял голос и уже не мог исполнять знаменитую «Дубинушка, ухнем!»), и он отошел к Престолу Отца Небесного. Его тело решили сохранить для потомков, похоронив на Красной площади в хрустальном кубе – выполненное из стекла здание с куполом, греческими колоннами и церковнославянскими буквами ФЕОДОРЪ. К сожалению, Государь умер внезапно, не оставив наследников, вследствие чего возник деликатный спор между его приближенными (кровавая разборка генералов – престарелый Корнилов и дряхлый Деникин были убиты в перестрелке, дошло до ввода в Москву тяжелых танков обер-егермейстера Багова). В результате компромисса Дворянского собрания, святейшего Синода, Государственной думы и шестого гусарского эскадрона в 1957 году на трон был возведен Император Тарас Поповских (остальные претенденты на корону погибли в уличных боях – митрополит Московский короновал толстяка-подхорунжего из запорожских казаков). Через десять лет Государь отрекся от престола по болезни (произошла дворцовая революция), и в Кремль на саниях прибыл Божией милостью Император Илья Волкобоев, избранный на Царство Семеновским полком, при изучении архивов выяснилось, что Илья – прямой потомок служанки Ярослава Мудрого и имеет права на корону...»

Ну а дальше пророком быть не надо – Россия пошла по пути поздней Римской империи. В чертогах античных государей власть переходила не от отца-августа к сыну-цезарю, а захватывалась дворцовой стражей либо император усыновлял понравившегося ему офицера. Империя погрузилась в пучину переворотов: окраины сотрясали мятежи инородцев, а кандидатов в императоры развелось больше, нежели бродячих собак. Закончилось плохо: в 1995 году популярный претендент с Урала, вооружив отряд обедневших дворян вилами и лопатами, клятвенно пообещал: в стране будет установлена республика. Его ополчение триумфально заняло Москву, а империя распалась – отложились Украина, Прибалтика, Польша и Финляндия, Константинополь вновь стал Стамбулом и радостно присоединился к Багдадскому хали-

фату. Новый правитель по имени Николай Борисович торжественно въехал в Кремль на белом пони, которого держал под уздцы его верный лакей – генерал-аншеф Пирожков. Через день Николай Борисович, опохмелившись, рассудил: республику он объявлять не собирается, а стоит за конституционную монархию по британскому образцу. Должности при царском дворе получали те, кто умел быстрее наливать выпивку и ловчее подавать закуски. Один прощелыга из Екатеринодара, утром приехав в Москву в звании сенатского регистратора, к вечеру был назначен титулярным камергером с золотым ключом – царя развеселило, как тот умеет глазом открывать пивные бутылки. Девять лет назад, после очередного похмелья, гуляя на пиру среди шутов и карлиц, государь вызвал нынешнего императора к себе и... подписал указ об его усыновлении, объявив наследником. Первыми взбунтовались ура-патриоты, ибо новый кандидат в цари происходил из саксонских переселенцев, в XVIII веке прибывших на Русь из Дрездена: «С какого бодуна на русский престол немчуру коронуем?» Впрочем, все удалось замять – Главный канал ТВ, контролируемый тогда купцом первой гильдии Платоном Ивушкиным, в темпе сделал с десятков передач и ток-шоу о потрясающей пользе, которую принесли империи цари с немецкой кровью. Рейтинг вырос как на дрожжах: старый царь, похлопав «сыночка» по плечу, отрекся и отправился в new-Царское Село отмечать Масленицу, а свежеиспеченный император приступил к формированию правительства из дрезденских баронов. Давая интервью прессе, новые министры постоянно сбивались на родной немецкий, с отвращением жевали кулебяку вместо сосисок, а из самоваров по утрам пили кофе. Чиновники начали срочно стричь бороды для быстрой карьеры при императорском дворе, но в этом отношении им не повезло. Царь поощрял «возврат к корням», для чего показательно раз в год ездил в деревню пахать поле под телекамерами, разумеется, одноразовым надувным плугом.

– Ваше величество, – раздался вкрадчивый, как дуновение ветерка, шепот. Император вскинул голову, поняв, что отвлекся. Перед ним, согнувшись в раболепном поклоне, стоял лакей в расшитой орлами ливрее. – В приемной ожидает сиятельный граф Шкуро. Прикажете пригласить?

– Да-да, – щелкнул пальцами царь. – Конечно, братец.

– Слушаю, ваше величество. – Степенным шагом подойдя к дверям, лакей обеими руками распахнул створки, зычно крикнув дьяконовским басом: – Министр двора (троекратный стук серебряным жезлом в пол) его сиятельство граф Шкуро... (набрав воздух в легкие) К ГОСУДАРЮ!

...Шкуро с такой ловкостью скользнул в проем, что лакею сначала показалось – граф рысью пробежал у него под локтем. Приблизившись к императору, Шкуро с музыкальным звоном соединил подкованные серебром каблуки туфель от Gucci. Не мудрствуя лукаво, граф поцеловал государя в плечико – подобное обращение с царственной особой он наблюдал на приеме у халифа в Багдаде. С придворным этикетом во дворце была беда – никто не мог определиться, как в соответствии с современностью вести себя при появлении императора. Служба протокола Кремля на данный момент разрабатывала удобный вариант, допускающий пожатие руки государя; посол в Лондоне уверял – подобную фамильярность позволяет себе даже консервативная британская королева. Пока же в присутствии монарха мужчины кланялись, а дамы делали старомодный книксен. Дискуссия тем временем продолжалась – вчера на «Имперія-ТВ» выступил гласный⁸ Госдумы с предложением не копировать Запад, а ввести поясной поклон с прикладыванием правой руки к сердцу, как было принято в Киевской Руси. ...«Мда, вот и развивай у нас британскую демократию, – скучно подумал император. – Это уже в крови – каждый чиновник, хоть с тремя высшими образованиями, при виде царя обязательно норовит пасть в ноги». Обновления этикета в империи приживались с трудом – если не сказать хуже. Когда государь в первый год царствования возжелал поговорить с народом по телемосту,

⁸ Официальное название должности председателя Госдумы в 1905–1917 годах.

толпа мужиков и баб, завидев на экране живого царя-батюшку, хором бухнулась на колени прямо в грязь – в прямом-то эфире! Разумеется, всякие ультрамодные телемосты пришлось отменить раз и навсегда, их заменили регулярным выходом царя на Красную площадь – толпе бросали сладости в виде зефира и конфет «Мишка».

– Ваше величество, – растягивая слова, произнес Шкуро – его голос вполз в императорские уши, словно змея. – Боюсь, у меня для вас плохие новости.

– Рассказывайте, Иннокентий Порфирьич, – кивнул царь. – Опять по поводу сегодняшней смерти Маши Колчак? Я готов к самому худшему.

– Я только что получил шокирующие сведения от шефа жандармов, – продолжил Шкуро. – Специалисты МВД сошлись в уверенности: убийца – из тех, коих в криминологии принято называть «имитаторами». Ужасная смерть бедной Машеньки обставлена по тому же сценарию, что и сто двадцать лет назад в лондонском Ист-Энде. Маньяк пытается копировать Джека Потрошителя.

Сидящий в золотой клетке под потолком соловей защелкал, выдавая удивительную по своей мелодичности трель. К окну со стороны парка стремительно спикировал породистый сокол – этих птиц разводили для «битья» ворон над Кремлем. Безрезультатно долбанув крючковатым клювом пуленепробиваемое стекло, пернатый хищник расправил крылья и исчез в ясном, не по-зимнему солнечном небе. «Эх, и хорошо же во дворце, – философски взгрустнул граф. – Прямо как соловью – тепло да светло. А царю пофиг – берет и отрекается. Что ж мне делать с ним, окаянным?»

– Печально, – нахмурился император, и Шкуро почувствовал дрожь в коленях, как будто патрон прочитал его мысли. – Насколько я помню детективы, это означает – по сюжету произойдет еще четыре убийства. А то и больше – какой же триллер без крови? Допустим, Маша явилась случайной жертвой – оно еще ничего. Но если маньяк начнет планомерно резать барышень высшего света, то мы получим дикий скандал. Представьте себе, граф, – каждый день трупы: трио «Вибраторъ», Мина Кидалаки, реалити-шоу «Завод кумиров». Да нам по телевизору показывать станет некого.

Оба собеседника постучали по дереву, нервно сплюнув через левое плечо.

– Историки приписывают Потрошителю десять – двенадцать убийств, а то и больше, – вновь склонился в поклоне Шкуро. – Дело в том, что его причастность к некоторым смертям в районе Ист-Энда Скотланд-Ярд не смог доказать – хотя почерк был весьма схожим. Городовые взяли под арест кавалера госпожи Колчак, кабардинского князя Диму Иблана, как показали свидетели, девушка поскандалила с ним в клубе незадолго до своей гибели. Департаментом полиции принято оперативное решение: выставить переодетых в штатское филеров у престижных ночных заведений столицы, а также пустить по центральным улицам казацки патрули из Донского войска.

– Логично, – одобрил император и задумчиво повертел в руке сверкающий бриллиантами скипетр, сработанный по заказу ювелирами Tiffany. – Хорошо, о самых свежих новостях докладывайте мне в любое время дня и ночи. Телеобращение я пока считаю излишним. Единственное, что можете указать, – расследование шокирующего убийства на личном контроле у государя.

– Разумеется. – Шкуро, казалось, стал ниже ростом. – Что-нибудь еще?

– Ничего, граф, – покачал головой государь. – Всего вам хорошего.

– Храни вас Бог, ваше величество, – произнес тот, плавно скользя к выходу.

Двери с грохотом закрылись, и император вновь остался в одиночестве. Взгромоздившись на бархатные подушки трона, он нажал кнопку на короне – кондиционер утих. «А может, все-таки не уходить? – с тоской подумал царь. – Вон, отовсюду петиции пишут – ткачихи, адвокаты разные умоляют остаться. Поповна молоденькая из Валдая телеграмму прислала – грозитя раздеться догола на площади и сжечь себя, если отрекусь. Надеюсь, она сдержит

первую часть обещания – по крайней мере, будет прикольно. А уходить придется: просвещенная Европа смотрит. В Люксембурге герцог опять отрекся, не положено сейчас монархам долго на троне штаны протирать. Вот королева Англии молодец – восемьдесят лет уже тетке, а она все не отрекается. Принц Чарльз рыдает, в ногах валяется, говорит: „Маменька, мне шестьдесят стукнуло, я помру скоро, дай уж хоть на краешке трона посидеть“, а она как будто его и не слышит. Так и надо поступать».

Взяв отравленный золотом пульт, он включил плазменный экран, дожидаясь выпуска новостей. На экране появилась реклама водки «Госдума», которая, как уверяла голая девушка со стопкой, очищена свежим кефиром.

– Интересно, – пробормотал вслух государь. – Сколько на белом свете есть ненужных вещей. Зачем в России, например, существует реклама водки?

...Разумеется, ему на этот вопрос никто не ответил.

Вспышка № 1: Подземелье

(17 августа, 738 лет назад)

...Винченцо, занеся над головой кирку, ударил по огромной мраморной глыбе, загораживающей вход в штольню. Искры и осколки камня брызнули в разные стороны, валун пронизала трещина. Рыцарь поежился – несмотря на то что пот лил с него градом, Винченцо чувствовал сильный озноб. Не страна, а настоящая глотка дьявола – днем стоит сатанинская жара, ночью – лютый холод, пробирающий до костей, и к тому же слышно, как воют в пустыне голодные шакалы. Да если бы только это. Неделю назад невесть откуда среди рыцарей начался страшный мор: у тысяч людей вспухают за ушами какие-то шишки, и они умирают за несколько часов, корчась в крови и блевотине. Солдаты молят Господа образумить короля, чтобы тот отдал приказ погрузиться на корабли и спасти тем самым остатки заживо гниющей армии. Но, похоже, из этого ничего не выйдет – Лодовико совсем обезумел. Ну и черт с ними, пусть подышают здесь, он завтра же отплывет – шхуна контрабандистов с подкупленным капитаном уже под парусами. Осталось только выполнить приказ своего короля – и дело сделано.

– Винченцо! Ты уверен, что это здесь? – услышал он хриплый голос.

Слабый огонь смоляного факела осветил заросшее бородой лицо в железном шлеме, выражавшее откровенную усталость и злость, – Гильермо был в таком же настроении, как и все остальные. Винченцо ласково улыбнулся, положив руку на плечо товарища.

– Вне всякого сомнения, друг мой, – заверил он, – папирус у меня, и он точно указывает расположение; если ты не веришь ему, то старый сарацин, которого пытал Джованни, перед смертью тоже показал это место. Храм находится в подземелье прямо под песчаным курганом – ты сам видишь, что сохранились даже остатки мраморных колонн. Кроме того, мы уже наткнулись на обугленные кости... в том месте, где...

– Это место... проклято, – прохрипел Гильермо, пытаясь унять дрожь. – Лучше бы я оказался в гуще сарацин, нежели здесь, да еще ночью...

...Винченцо устало закатил глаза – набожный Гильермо боялся всего, и это изрядно утомляло. Но ссориться нельзя. Отряд рыцарей подчиняется именно ему, а без посторонней помощи подземелье не раскопашешь.

– Дорогой синьор, – сладко пропел Винченцо, приобнимая командора рыцарей. – Я понимаю – ночь, твои люди волнуются, они очень утомились. Но если мы примемся раскапывать курган днем, это увидят из нашего лагеря. Тут же прибегут французы и потребуют свою долю: если не дать ее добром, заберут силой. Да и сарацины могут объявиться.

Внутри подземелья слышались удары кирок, тоскливые ругательства и шорох сыплющейся на землю мраморной пыли. Понять настроение рыцарей будет нетрудно. Они уже три часа как забрались в шахту, ползут на карачках, а результатов не видно. Вернуться с пустыми руками к королевскому двору, конечно, можно, но крайне нежелательно. Ибо король запомнит, что он не выполнил его ненавязчивую просьбу, тогда о последствиях лучше не думать. Поэтому придется поработать еще.

– Ты разве не видишь – все эти ходы раскопаны до нас? – недовольно пробурчал Гильермо, сбрасывая его руку. – Да, тоннели заложены кусками мрамора, но кто знает – может быть, грабители, побывавшие тут в разное время, успели вынести все ценное. Ты не думал об этом? У меня такое подозрение, что, кроме черепов и костей, мы в этом подземелье абсолютно ничего не найдем. Надо выбираться отсюда.

– О, раз так, я готов тебя послушаться, – мирно кивнул Винченцо. – При одном условии – ты будешь лично объяснять королю в Неаполе: мы покинули курган по причине твоих страхов – здесь что-то такое проклято. Несомненно, Карл с интересом послушает о твоих видениях.

Удар пришелся точно в цель – Гильермо крикнул и, не найдя с ответом, вернулся на прежнее место, начав с таким ожесточением колотить по камню, что его лицо в проеме шлема за минуту покрылось мраморной крошкой.

– Есть! – раздался внезапно крик впереди из еле освещенного тоннеля, а потом страшный грохот, как будто на пол свалилась целая глыба. – Здесь какая-то комната... синьоры, идите скорее сюда.

Продравшись по тесному проходу среди острых камней, оставлявших на металле кирасы глубокие царапины, Винченцо с трудом протиснулся в маленькое тесное помещение в виде овала: чтобы влезть туда, ему понадобилось встать на четвереньки. Грязные и замерзшие рыцари вкупе с Гильермо уже были внутри, с суеверным страхом оглядываясь по сторонам и держа мечи наготове. Свет пылающих факелов выхватывал из темноты изломанные скульптуры с искаженными лицами, а стены... Их поверхность была покрыта ТАКИМИ чудовищными рисунками, красочно изображавшими события вокруг алтаря, что люди, не сговариваясь, хором зашептали:

– *Credo in Deum, Patrem omnipotentem*⁹ ...

Винченцо не интересовали изображения на стенах. Шагнув к плоскому алтарю, среди каменных обломков и человеческих костей он увидел то, что искал. На одном из лежавших на полу черных черепов была изрядно поврежденная, оплавившаяся золотая маска, в ее «щечки» намертво вьелась копоть. Да, король не будет разочарован.

Он протянул к маске руку, но ее цепко перехватила длань Гильермо.

⁹ Верую в Господа, отца всемогущего (*лат.*).

– Не надо... – прошептал рыцарь, вращая глазами. – Не бери. Клянусь Святой Девой, я всем сердцем чувствую – эта вещь проклята...

Винченцо дернулся, вырывая назад руку из его ладони.

– Да сколько можно? – с плохо скрываемым раздражением сказал он. – Что ты вообще за человек такой? Куда не зайди, всегда одно и то же – это у тебя проклято, то проклято. Степных сусликов еще не боишься? Именем короля я приказываю – отойди. Синьоры, подайте мне плащ.

...Хмурясь, Гильермо отодвинулся в сторону. Взяв материю, Винченцо обмотал ею маску и сильно потянул, отдирая от обгоревшей головы. Маска не поддавалась. Он уперся ногой в мраморную плиту на полу, и... Дальнейшее произошло буквально за секунду. Плита, словно в цирковом фокусе, встала на дыбы и перевернулась, в показавшемся темном проеме мгновенно исчез Винченцо вместе с маской и черным от копоти черепом. Кусок камня тут же встал на место, захлопнув хитроумную древнюю ловушку, словно ничего и не произошло. До рыцарей донесся короткий крик и шум падения тела. Затем все стихло.

Гильермо с облегчением вздохнул.

– Так я и думал, – сказал он замершим от страха рыцарям. – Знавал я подобный случай в Аккре, на Святой Земле. Не надо было сразу лезть к золоту, как сделал этот идиот, – древние ставили «немых стражей» против грабителей. Даже придя в храм ночью и обманув охрану, вор рисковал жизнью – ловушки стояли на боевом взводе, как арбалет. Два моих друга погибли точно так же, пытаясь взять золотого божка, – на них обвалилась стена. Нам тут больше делать нечего. Пойдемте обратно.

Впечатленные смертью Винченцо рыцари были с ним полностью согласны. Однако один из них, русоволосый Гуго, запротестовал:

– Но как же король? Мы должны что-то принести ему отсюда... Ты ведь знаешь характер Карла... он решит, что мы сами убили Винченцо, а золото присвоили себе... и тогда мы окажемся в другом подземелье.

Гильермо тряхнул головой – действительно, с Карлом шутки плохи.

– Хорошо, – бросил он. – Король хочет новых древностей в свою коллекцию? Он их получит. Соберите вот это, только осторожно.

Он показал на разбросанные по полу вперемешку с костями плоские каменные таблички, где на гладкой поверхности были вырезаны непонятные письмена вместе с рисунками в виде рыб и сердец.

– Чем не сюрприз? Бьюсь об заклад, ни у одного из королей нет подобных сокровищ. И один из черепов тоже возьмите – вот этот, с полумесяцем на лбу, – добавил Гильермо, показывая в угол комнаты. – Такие вещи впечатляют. Да не тряситесь вы, – усмехнулся он, глядя на смятение рыцарей. – Ничего больше не случится, я же сказал – ловушки бывают только там, где находится золото. Этот урод в маске, кем бы он ни был, перед смертью специально встал на плиту с «секретом», чтобы впечатлить грабителей. И заberi меня Сатана, ему это удалось.

Прочищая носы от мраморной пыли, рыцари выбрались на поверхность – впереди шествовал Гильермо, держа перед собой большой сверток из мешковины. Барханы пустыни были озарены голубым лунным светом, в отдалении слышался вой десятка шакалов.

– Это место проклято, – привычно заключил Гильермо.

...Желающих возразить ему не нашлось.

Глава шестая Король-сайгак

(21 февраля, понедельник, почти полдень)

Двухметровый, написанный маслом парадный портрет изображал государя императора в полный рост – при золотых эполетах, с голубой лентой ордена Андрея Первозванного через плечо, рука лежит на эфесе серебряной кавказской сабли, подаренной дагестанским эмиром. Взирая на людей с мягкой джокондовской улыбкой, император как бы лично наблюдал за каждым посетителем кабинета, выдержанного в модном китайском стиле: лаковые ширмы с вышитыми драконами непривычно смотрелись на фоне стандартных патриотических обоев с двуглавым орлом.

– Гешафтен¹⁰, у нас эфир через десять минут. – Одетый в бархатный кафтан со спущенными на пол длинными рукавами первый продюсер Главного канала дрезденский барон Леопольд фон Браун не улыбался: его губы были плотно сжаты. – Дамы и господа, какие будут предложения? Текущая ситуация далека от ординарной: нам надо восемь раз померить, а двадцать пять зарезать... именно так, кажется, говорится в одной русской поговорке.

Сидевшие вокруг стола редакторы программ не отреагировали на сделанную бароном ошибку: они пребывали в похоронном настроении. Многие знали Машу Колчак лично и еще не отошли от шока, вызванного смертью звезды гламура, поставлявшей взрывные скандалы на ТВ со скоростью конвейера. По настоятельному предложению министерства двора тему в новостях следовало озвучить мягко, но никто не знал, как именно.

– Леопольд Иоганнович, – подала голос молодая черноволосая редакторша Юля, последние пять лет усиленно делавшая карьеру телезвезды. – А может быть, обозначить – это убийство спланировано *определенными личностями* за границей для того, чтобы опорочить светлый имидж нашего государя?

– Фройляйн, не могу назвать мысль хорошей, – отреагировал фон Браун. – Северо-Американские Соединенные Штаты и подлый купец Платон Ивушкин у нас и без того виноваты во всех проблемах империи, включая плохую погоду и испорченную сантехнику. Когда в Тихвине у одной коллежской ассесорши в уборной трубу прорвало, тамошнее телевидение объяснило это событие атакой заговорщиков из Лондона, финансируемой Ивушкиным. Надо не просто поднимать идеи с пола, а креативить иногда.

Юля замолчала, сосредоточенно глядя в потолок, – на «пяточке» между люстрами нарисованный синими красками извивающийся чешуйчатый дракон заглатывал большое красное Солнце. Начальству нельзя противоречить на людях – это за время работы она усвоила твердо.

– От великого государя какой-нибудь комментарий ждать? – с ярко выраженным южным «хэ» спросила густо намазанная косметикой «Лореаль» деревенская простушка Аксинья, после окончания университета работавшая на Главном канале: она и Юля отчаянно интриговали друг против друга.

– Ага, – усмехнулся фон Браун. – Прямо как что, так сразу наш милый кайзер. Он каждую смерть в империи тебе должен комментировать? Дворник твой если помрет – может, тоже царю-батюшке среди ночи позвоним?

– ...Вот-вот, – поправив желтый галстук, поддакнул фаворит начальства, ведущий передачи Alles Schprechen Алексей Малахитов. – «Величество должны мы уберечь от всяческих

¹⁰ Господа (нем.).

ему ненужных встреч», как пелось в одном мультфильме. Если помните, «Бременских музыкантов» пришлось снять с трансляции: оказалось, там в невыгодном свете показан король – придурок в трясущемся парике, комично бегающий с яйцом в рюмочке. Жандармы сочли это прямой дискредитацией монархии и политическим заказом. Я было вякнул против, так мне шеф корпуса Антипов лично пообещал, что в следующий раз уже я с яйцом забегаю – только не с куриным. Полиции и жандармам, знаете ли, юмор вообще неведом, они за царя порвут любого: это символ, при котором в империю стало притекать медовое бабло. Недаром все дупла и улы в стране объявлены достоянием государства.

Аксинья по-деревенски прыснула в кулак, представив выкрутасы Малахитова с яйцом, но тут же подавила приступ смеха. Поправив деловой сарафан, из выреза которого выглядывал край лифчика с поролоном, она взялась за авторучку, собравшись записывать приказания руководства.

– «Бременские музыканты» что, – махнул рукой фон Браун. – А когда «Король-олень» сняли с эфира? Я *им* говорю – это же классика! Так мне аж из канцелярии министерства двора позвонили, доннерветтер. Спрашивают: а нельзя ли переименовать как-нибудь? Я в ответ: каким образом? «Король-сайгак», что ли? Господа, вы даже не подозреваете, что я услышал... я даже не подозревал, что светлейший князь из рода Рюриковичей может знать такие заковыристые и, главное, многоступенчатые выражения...

– Да жандармам и фильм «Король-рыбак» не нравится, – вновь ожила Юля. – Получили анонс телепрограммы, помялись и спрашивают: а чего он ловит-то? Мелких каких-нибудь рыбешек или престижных акул и тунцов? Я объясняю, что мне неизвестно. Они отвечают: а нет ли фильма «Король – замечательный благодетель, батюшка и милостивец для всех нас, сирых и убогих»? Смеюсь: нету. Они мне серьезно: а зря, давно пора снимать.

Фон Браун хлопнул рукой по столу.

– Тары-бары-растабары, – мрачно заметил он. – И толку от нашего трепача? Мы на государственной службе и должны исполнять ее предписания. Вон как в Британии пресса распустилась! Полощет королеву, не приведи Господь, а уж фотографии эдакие ставит: как кронпринц Гарри в пьяном виде, весь в губной помаде из клуба вываливается и по асфальту ползет в состоянии нестояния. Престиж монархии в результате упал ниже плинтуса. Они нам благодарны должны быть по гроб жизни: мы их зажавшуюся Европу от большевиков спасли – да как же, от них дожدهшься. А то жили бы сейчас эти сучьи принцы при «товарищах», стояли в очередях да карточки на ржавую селедку отоваривали – совсем как в нищей Швейцарии. Давеча побывал в этом бывшем коммунистическом раю в командировке – это ужас, господа. Пиво, и то в уличных палатках разбавленное – вот до чего дошли!

Люди за столом замерли от ужаса. Кто-то непроизвольно перекрестился. Фон Браун, как образцовый лютеранин, немедленно последовал его примеру.

– Святым крестом клянусь, гешафтен, сам видел! – выпучив глаза, заявил он. – Вот сели бы у нас большевички-с в Кремле да Ленина своего в мавзолей поместили – узнала бы тогда эта гнилая Европа, почем пуд урюку.

Несмотря на дрезденское происхождение, фон Браун очень гордился знанием исконно русских пословиц. Поговаривали, будто он настолько большой патриот империи, что по праздникам в узком кругу семьи и гостей из высшего аристократического круга показательно хлебает лаптем щи. Хотя это и доставляло существенные неудобства, особенно долгое выковыривание капусты из носка лаптя. Политическое чутье у фон Брауна было превосходное – раньше Леопольд считался человеком Ивушкина, республиканцем и западником (особенно он обожал костюмы с «искрой» от Черрути). Но после коронации нового царя барон показал себя как преданнейший монархист и с тех пор не расставался со стилизованным боярским кафтаном лионского бархата, ношение которого сделалось модным в кругах высших чиновников. Шил он его, конечно же, тоже у Черрути.

– Короче говоря, – резюмировал барон, – пора нам закругляться, но пока я не услышал от вас, как подавать в эфире столь кошмарную новость. У нас задача – создание позитива, а тут такие, позволю себе заметить, ужасы. Это определенно повлияет на рейтинг государя. Вы же знаете нашего обывателя – насмотрится на мертвую девушку, и сразу в голове щелкает: «А куда царь-то смотрит?» Вот это и опасно, господа. Надо ставить плохое сообщение, а рядом сразу же позитивное, чтобы людей порадовать. Одной чернухой эфир забивать ни к чему. Скажем, для примера: первая новость идет, что произошло убийство, а вторая – завтра собираются снизить цены на водку.

– Я предлагаю следующее, – перехватила инициативу Юля. – Обычно мы начинаем новости с освещения рабочей поездки государя, где он высочайше посещает либо свинарник, либо подводную лодку. На этот раз придется поступить по-другому. Информлируем об убийстве Машеньки Колчак, а потом сразу же говорим, что подозреваемый задержан – парня-то ее, этого Иблана, арестовали. Таким образом, мы не только донесем до зрителя негативную инфу, но и вклиним в мозг положительную установку: да, убийства случаются, однако городовые всегда начеку, так же, как приставы и околоточные. Кроме того, Диму Иблана в народе сильно не любят – этот захудалый дворянин в каждой бочке затычка, особенно после того, как с Зосимь на дуэли стрелялся. Покажем клуб поклонников хэви-метал: там толпа, узнав новость об аресте Иблана, пьет водку из горла и поет «Боже, царя храни». А далее скажем: неужели возможно, чтобы этот милый паренек оказался жестоким убийцей? После чего (*щелчок пальцами*) ударно запускаем клип Иблана «Я знаю точно, невозможное возможно!».

– Гениально, фройляйн, – восхитился фон Браун. – Объясните это сейчас в наушник ведущему, эфир начинается с минуты на минуту. Все свободны, а вы получаете премию 500 золотых. Учитесь, господа, как надо работать.

Народ дружно поднялся из-за стола. Гордая Юля, удостоившаяся публичной похвалы руководства, упорно старалась ни на кого не смотреть. Ей и так было понятно, что коллеги бросают на нее завистливые и даже злобные взгляды. В этом она не ошиблась – Аксинья с трудом удержалась, чтобы не плюнуть ей в спину. Надо же, опять эта стерва ее обошла – идет довольная, нос задрала, распальцовка такая – рядом не стой. И добро бы еще сама происходила из потомственных дворян – так нет, ее мать работала официанткой в какой-то провинциальной дыре, а Юля обрела дворянство после университета, как и сама Аксинья. Казалось бы – они обе из народа, должны держаться вместе, но ничего подобного. Это разным графьям жизнь малина: сразу при рождении и титул, и герб на тачке. А тут родись в далекой деревне, коровам хвосты покрути, навоз поубирай, пока выбьешься на столичное телевидение для того, чтобы потом всякие сучки тебе карьеру портили.

Закрыв стеклянную дверь «аквариума», предназначенного для курения, Аксинья прикурила тонкую и длинную сигарету с ментолом, нервно выпустив дым из побелевших ноздрей. В ее глазах стояли слезы злости.

Ничего. Они еще посчитаются.

Глава седьмая

Художник

(21 февраля, понедельник, поздний вечер)

Я не устаю искренне удивляться предсказуемости полицейских следователей. Ограниченные, зажатые в жестких рамках люди. Они обязательно идут по одному и тому же выверенному пути, опасаясь свернуть в сторону даже на сантиметр. Вот и сейчас (если верить телевидению) они определили меня как банального маньяка – слепого подражателя Джека Потрошителя. Как

сказала телеведущая, я точно следую стилю знаменитого убийцы, копируя сцены преступлений, словно ксерокс. Эта фраза серьезно испортила мне настроение. Каждый мечтает войти в историю криминалистики под именем Кровавого кинжала или Ночной смерти, но никто не желает, чтобы журналисты прозвали его Зловещий ксерокс. Честное слово, был бы я настоящим маньяком – обязательно поймал бы эту тварь и развесил ее кишки на дереве, чтоб не оскорбляла почем зря порядочных людей. Весь день экран едва не лопається, с трудом вмещающая толпу академиков, отставных приставов и прочих специалистов по криминалу или считающих себя таковыми. Все однозначно сошлись во мнении: в следующий раз я попросту обязан вскрыть очередной *ларец* лишь через восемь дней, дабы полностью соответствовать обстоятельствам второго убийства в Лондоне. Под конец новостей внизу экрана запустили бегущую строку с крупными желтыми буквами: «Полиция его императорского величества предостерегает милых дам от появления на центральных улицах в ночное время». Скажите, пожалуйста! Можно подумать, в районах типа Бутова ночью легко гулять с барышней под ручку.

А вот ни хрена подобного, дорогие академики и криминальные специалисты. Я – не то, что вы представляете своими убогими мозгами, а творец, свободный художник. Именно поэтому я не буду копировать Потрошителя по времени, а стану производить *процедуры* тогда, когда сам этого захочу. Сказал бы больше, да ни к чему вам это знать. Мне представляется, уже сегодня вечером филеры возьмут под негласную охрану московские элитные клубы – отраду для отпрысков купцов-миллионщиков, владеющих роскошными особняками на Трехрублевском шоссе. Где, как не там, они могут часами понтоваться друг перед другом брюликами от внука Фаберже, сумочками от Виттона и дизайнерскими платьями, разлезающими на пухлых телесах купеческих дочек Меланий да Аграфен? О да, периодически в клубах появляются и утонченные представители аристократов, ведущих род от самого Рюрика... но они сидят тихо, считая каждую копейку, – дворянство в империи давным-давно обмелело, дочиста спустив отцовские имения в казино Монте-Карло. Купеческое же сословие еще в семидесятых разжирело на поставках меда в Европу и Австралию, а начавшийся через двадцать лет тотальный медовый бум и вовсе завалил его шальным баблом. Очумевшие от денег жирные купцы в новомодных ярко-красных боярских кафтанах, небрежно ковырявшие в зубах купюрой на курортах Баден-Бадена, шагнули в реальную жизнь из кухонных анекдотов. *Vulgari* специально для русских клиентов начал выпускать самовары из чистого золота, продажи «бентли» и «роллс-ройсов» в империи зашкалили все возможные рейтинги, а один из медовых магнатов, коему принадлежали сибирские пасеки, даже приобрел отдельный реактивный самолет для своей любимой собачки – китайского мопса. Купцы пачками скупали дворянские титулы, и очень скоро на званных императорских балах в Кремле появились такие уникалы, как светлейший князь Мурыщенко и сиятельный граф Физдыгин, подметая дизайнерский паркет густопсовыми бородами, они плясали «русского» под божественную музыку Штрауса.

Что поделаешь, такова специфика этой страны. Когда у русского человека вдруг появляются деньги и он не знает, куда их девать, результат один – новоявленный миллионер плавно начинает сходить с ума. Это как владелец Трехгорной мануфактуры Савва Морозов, поивший лошадей шампанским в ресторанах и плативший барышне-гимназистке сто тысяч, чтобы та пробежалась голой по улице. Через десяток лет таких эскапад Савва пришел в свой дом, похожий на дворец багдадского халифа, взял «браунинг» и вышиб себе мозги со скуки – он уже не мог придумать, чем бы себя развлечь. Что касается меня, то я вполне равнодушен к деньгам и изображаю себя бедняком исключительно для вида. Мое главное богатство заключается вовсе не в акциях, драгоценных металлах или купюрах, а совсем в другом аспекте, его я предпочитаю не выпячивать. И могу с уверенностью сказать: многие из тех, кто сейчас гневно осуждает меня и ужасается моим поступкам, дорого дали бы за то, чтобы оказаться на моем месте... Сегодняшняя ночь пройдет спокойно, пускай и без сна. Я не стану выводить автомобиль из гаража и, обгоняя местных бомбил, с риском для жизни подъезжать к тротуару в жел-

той машине извозчика с номером, заляпанным грязью. Я предусмотрителен, поэтому обеспечил себе **запас**, совершив не один, а два выезда за прошлые вечер и ночь. Мой второй *ларец* столь же примечателен, как и первый, а может быть, даже и лучше. Сейчас темно, фонарь на улице, разбитый три дня назад, не зажжется. Самое время начинать *процедуру*. Жаль, нельзя провести все пять *процедур* в один день. Но таковы условия *финала* – *артефакты* должны обрести вволю лунного света. Только что я вышел из очередной медитации – мелкая холодная испарина покрыла живот, мускулы подрагивают от слабости, в ногах – электрические покалывания, в голове – полный сумбур. Я до сих пор не могу отойти от впечатлений, полученных в параллельном мире: в ушах звенит от рева и грохота. С удовольствием поспал бы пару часов, но пора идти за *ларцом*.

Надевать мешок на связанного человека – работа не из легких, но я с ней справился. Невзирая на слабость, я поднял неподвижное тело на руки, удивившись его легкости, – как хорошо, что звезды поп-музыки сидят на диете! Выйдя наружу, я зашагал к лестнице, ведущей в мое скромное жилище. Снег под ботинками хрустел, в звездном небе светила Луна.

Запрокинув голову вверх, я на секунду замер, любуясь огромным бледным шаром. Какая отличная сегодня погода. Можно сказать, повезло.

Глава восьмая Мадам Сусликова-Загудович

(21 февраля, понедельник, очень поздний вечер – можно сказать, почти ночь)

Алиса фон Трахтенберг, вернувшись домой раньше Каледина, пребывала в отвратительном настроении. По дороге домой ей на мобильный позвонила верная подруга Варвара Нарышкина и по секрету сообщила: согласно надежным источникам в виде престарелой попадьи, живущей этажом выше, утром в прошлую пятницу соседка Нинка якобы случайно вышла вынести мусор. Наткнувшись на ожидающего лифт Каледина, эта 20-летняя стерва начала жеманиться и всяческими намеками обыгрывать тему – мол, Федор теперь «ничейный мужчинка». Подлец Каледин на заигрывания реагировал положительно – улыбался, делал комплименты относительно Нинкиного бюста и всего, что к нему прилагалось. Натурально сукин сын, импотент, мурло и свинская рожа – других слов нету... хотя, возможно, попозже и будут. Подумать только – при живой жене (пускай и бывшей): не успели развестись, как он по бабам побежал. Ох, верно мудрая мама говорила: не следует кровь портить, надо за своего родного немца замуж выходить, а не за русского. Но если трезво рассудить, какая она, к черту, немка? Даже родного языка в совершенстве не знает, хотя маму по детской привычке зовет «муттер». Тяжело жить вместе, однако национальный характер ни при чем: получали-то квартиру на двоих, обоим после развода уходить некуда. Теоретически можно разменять жилплощадь, но предлагали такие варианты, что лучше застрелиться: ехать либо в Бутово, либо в Выхино – это все равно что в Сибирь. Усадьба и флигель в Подмоскowie, принадлежавшие ее баронскому роду, давно были проиграны в карты и переданы во владение своим же бывшим крепостным. Заезжала она в прошлом месяце на родовую усадьбу посмотреть, слезы навернулись – из нее владелец гостиницу с бассейном сделал, сдает номера заезжим туристам.

Судьба бывших помещиков и владельцев усадеб сложилась по-разному. Давеча приходил к ним сантехник унитаз чинить (Каледина-то разве заставишь), визитку дает – оказалось, тоже барон. Обедневшие графы работали извозчиками, разъезжая на желтых «маздах»; князья не брезговали открывать мелкие овощные лавки; камер-юнкеры, махнув рукой на титул, нанимались прорабами на стройки: а что поделаешь, жить-то надо. Слово «дворянин» уже не открывало все двери, как раньше: дворян стало как пельменей в пачке. Уже при династии Романовых

личное дворянство давали тем, кто получил диплом обычного университета или дослужился до обер-офицерского звания. Уже к 1917 году половина «нового» имперского дворянства состояла из мещан либо мастеровых; сейчас же дворянский титул обретал любой купчишка, закончивший техникум. Ходили упорные слухи – низший чин в «Табели о рангах» вскоре будут присваивать даже выпускникам ПТУ. Стоит вспомнить сегодняшнее кошмарное утро в пробке на проспекте: в глазах рябило от свеженарисованных гербов на машинах. Пускай дворянство ничего не значит, но каждый желает присобачить на свою тачку его эмблему. Еще в начале XX века классик писал: «Любой полковник из мещан благоговееет перед дворянином, и предел его мечтаний – жениться на обнищавшей аристократке». Что говорить... Новое жилье им купить не светит – цены на московскую недвижимость ужасно выросли.

Она только-только потянула через голову блузку, как дверь открылась, и в прихожую, громяхая облепленными снегом ботинками, зашел Каледин. Остановившись на пороге, он мельком оглядел ее с циничной ухмылочкой.

– Неплохо, но сиськи уже не те, что раньше, – заключил Федор.

– Отвернись, – гордо сказала Алиса, не делая, впрочем, попытки прикрыться.

– Чего я там не видел, – логично заявил Каледин и отворачиваться не стал.

Плюнув, она переоделась при нем, надела поверх трусиков и лифчика бухарский халат и демонстративно ушла на кухню. Каледин последовал за ней: покопавшись в холодильнике марки «SuperБоярин», он достал и с независимым видом начал открывать круглую банку балтийских шпрот.

– Шпроты сейчас покупать непатриотично, – съязвила Алиса. – Ты видел, что эти чухонцы с памятником Суворову сделали? Я твоему шефу настучу.

– Я объясню: купил их сугубо для того, чтобы плюнуть внутрь, а потом сразу же выбросить, – вывернулся Каледин. – Ты ж пока не видела, как я их ел. В любом случае из-за тебя я уже два месяца на консервах сижу. У меня скоро язва начнется. Хоть бы пожалела, змея немецкая.

– Змея? – вспыхнула румянцем разгневанная Алиса. – Раньше надо было думать! Ну-ка скажи мне: кто был инициатором нашего развода?

– Ты, – честно ответил Каледин, нажимая на консервный нож.

– Ну да, – поблекла Алиса. – Но ты меня вынудил к этому своей подлостью.

– Действительно, – согласился Каледин. – Требовать от женщины, чтобы она на седьмом году замужества наконец-то взяла твою фамилию, поскольку обещала это тебе перед свадьбой, – гнусная подлость и даже свинство.

– Мало ли чего я там обещала, – буркнула Алиса. – Для меня прекрасная фамилия моих баронских предков дорога как память. Ты просто не знаешь, что мне пришлось пережить в гимназии и какие интересные предложения я слышала на каждом шагу, когда в русский сленг внедрили слово «трахаться». Че б ты сказал, услышав по сто раз на дню вопли одноклассников: «Каледин, давай покалечимся»? Я не знаю, как у меня крыша не съехала, держалась из принципа: предки-рыцари мочили сарацинов, а я – в кусты? И после всего кошмара, который я за эту фамилию вынесла, ты еще хочешь, чтоб я вот так запросто от нее отказалась? Это глупость, равнозначная требованию к праху сожженного Джордано Бруно отречься от своих убеждений!

Алиса сама не заметила, что она расхаживает по кухне, активно жестикулируя, отчего развязался поясok ее халата. Впрочем, в пылу дискуссии она не желала обращать внимания на подобные мелочи.

– Не хочу, – сбавил обороты Каледин, смущенный ее напором, а также зрелищем, которое открыл ему распахнувшийся халат. – Но могла бы двойную взять в таком-то случае... типа Трахтенберг-Каледина, например.

– Лучше сразу сдохнуть, – перекосилась Алиса. – Подумать только – Трахтенберг-Каледина! Да это все равно, что Сусликова-Загудович.

– Иди в жопу, – скис Каледин, отправляя в рот рыбку из банки.

– С тобой я и так в ней постоянно нахожусь, – огрызнулась Алиса. – Ага, ты все-таки съел одну шпротину, я это видела! Непременно донесу начальству.

На секунду разговор прервался, ибо Каледин аппетитно жевал.

– Да на здоровье, Господи Иисусе, – облизнул он пальцы, испачканные в янтарном масле. – Сама прекрасно знаешь – никому ты не донесешь.

Алиса вздохнула и села на табурет. Что-то шевельнулось у нее в душе при виде несчастного Каледина, после рабочего дня с трагическим видом жующего холодные консервы. В этот момент она была готова простить ему даже Нинку. Вернее сказать, почти готова. Еще минуты две в ее груди черный дракон обиды боролся с белым ангелом прощения, после чего ангел, лихо вывернувшись, засадил зазевавшемуся дракону копьё по самое извините.

– Тебе приготовить что-нибудь, Феденька? – тихо спросила она.

– А то, – отозвался Каледин, не отрываясь от наполовину уничтоженных шпрот. – Водка есть? Ну так давай налей стопочку, чего смотришь.

...Через сорок минут оба, сидя за деревянным столом, культурно поедали зажаренные Алисой венские шницели, макая их в домашний соус тартар. Талант готовить Алиса унаследовала от муттер. После продажи беспутным дедушкой семейной усадьбы та пошла работать посудомойкой в баварский ресторан на Пресне и дослужилась до высокооплачиваемого шеф-повара. Так или иначе, но шницели получились – язык проглотишь. Каледин, во всяком случае, свой в процессе откусывания свинины успел прикусить.

– Ты что думаешь по этому поводу? – спросила Алиса, отчаянно жуя мясо.

– Чего? А, убийства, что ли? – хлопнул глазами Каледин. – Ну, благодаря твоим мерзким интригам меня назначили ответственным за это расследование, можешь поздравить. Зато я успел проделать кой-какую работу. Конечно, любовника Колчак арестовали совершенно зря – у него безупречное алиби: после ссоры он ушел в другой ночной клуб, где квасил до утра. Удалось лишь выяснить – Колчак, будучи в изрядном подпитии, села в машину к извозчику и укатила в голубую даль. Номера автомобиля, как полагается, никто не запомнил. На всякий случай выборочно проверяем извозчицки парковки. К вечеру позвонил министр двора Шкуро, ненавязчиво интересовался, как у нас успехи. Деликатно напомнил – его величество настроен весьма решительно, и если что – кто-то точно поедет на Камчатку.

– На Камчатке тебе понравится, – подколола Алиса, накалывая на вилку кусок и обмакивая его в соус. – Там, говорят, плевков на лету замерзает. Будешь снег убирать, моржатику к сезону вялить, на собачках ездить в кухлянке и унтах. Имей в виду, я не декабристка, с тобой туда не поеду.

– А ты мне там на фиг не сдалась, – спокойно ответил Каледин, промежду делом уничтожая свинину. – Вон, князя Куракина после отставки из МВД в Сибирь отправили, и чего? Шлет мне оттуда мэйлы с фотографиями: живет человек как настоящий эмир – целый гарем себе завел из чукоток и камчадалок. Жалуется, горячие девчонки на местном льду вымотали всего как мочалку. Если я на Камчатке обоснуюсь, при таком раскладе мне будет явно не до тебя. Туземных девок одиноких да желающих кругом столько – и минутки единой не выкроишь, дабы как следует моржа подвялить.

Прервавшись, Каледин профессионально уклонился вправо от брошенной в него вилки. Подождал еще немного и сделал резкий бросок в левую сторону – в стену полетела фаянсовая тарелка, лопнув осколками.

– Может, я туда еще и Нинку с Анфисой с собой заберу, – заметил он глубокомысленно. – Ты же все равно не поедешь, ибо не декабристка, а девкам чего зря пропадать? Женщины из народа – они в постельке ого-го какие, прямо ураган, а не то что всякие остзейские немки замороженные.

Соседи по лестничной клетке с удивлением и испугом вслушивались в ужасный грохот мебели и звон посуды, которыми наполнился их панельный дом.

Глава девятая Сюзанна Виски

(22 февраля, вторник, рассвет)

Алиса пришла в себя от непонятной тряски, словно спала на полке в поезде: ее отчаянно теребил за плечи Каледин, насильно вырывая из объятий вязкого сна. Ничего толком не понимая, она отстранила его руку, натягивая шерстяное одеяло по самый подбородок, поскольку, не изменяя аристократическим привычкам, обычно спала совершенно голая.

– Чего привязался? – сонно простонала она. – Отвали, тебе никто не даст.

Столь жестокое заявление было вызвано тем, что иной причины появления экс-мужа в сумраке ее спальни Алиса представить не могла. Однако, вопреки своему обыкновению, Каледин не ответил в стиле: «Да кому ты нужна, побрей сначала ноги». Напротив, голос его звучал пугающе серьезно:

– Вставай быстрее. Звонил Муравьев – обнаружили второй труп, на этот раз на Тверском бульваре. Девушка разделана, как на бойне, страшно смотреть.

Пожалуй, с такой скоростью Алиса в последний раз одевалась, когда из-за бурного девичника с шампанским проспала собственную свадьбу. Навыки не пропали зря – оба пулей вылетели из подъезда, наперегонки победив к общей темно-синей «тойоте». Каледин выматерился, защемив пальцы дверью, однако дальше события развивались благоприятно: несмотря на собачий холод, машина завелась сразу. Автомобилей на трассе было мало. Алиса тяжело зевнула, спрятав озябшие ладони в пушистую ондатровую муфту, – в моду постепенно входил стиль начала XX века.

– Что конкретно он тебе сказал? – с трудом раскрыла она рот.

– Почти ничего. – Каледин гнал машину как сумасшедший. – Дворник нашел тело. Выпотрошена, как и первый экземпляр. На вид совсем молодая девка. В подворотне, рядом с ночным рестораном. Опять ни капли крови, внутренности разложены ровным кругом. Дворник блюет до сих пор.

– Приятно. – Алиса вспомнила, что забыла накраситься. Раскрыв сумочку, она вытащила из косметички губную помаду. Старательно вытянув губы неровной буквой «о», она начала подводить их розово-перламутровым цветом.

– Это просто кранты, – брезгливо дернулся Каледин. – Едем на порезанный труп смотреть, так тебе и тут надо марафет навести. Можно подумать, все пришли на тебя пялиться и зрелища ненакрашенных губ не переживут. Господи, какое счастье, что я не родился бабой. Реально тихий ужас.

– Ну да, – озлилась Алиса, едва не сломав помаду. – Естественно, являться к мертвому телу с «бычком» в зубах, водочным перегаром и пятидневной щетиной абсолютно нормально. А вот накрасить губы – катастрофа. Женщина, между прочим, даже на похоронах должна выглядеть отлично.

– Чтобы у покойника на нее встал? – осведомился Каледин, бросая машину на левый поворот. – Мне непонятно, на фига рожу штукатурить, если предстоит свидание с мертвой девушкой, порезанной на куски. Там же и фотографии могут быть, запросто. Ты думаешь, несчастным родственникам усопшей будет приятно увидеть в газете фото с чокнутым краснощеким клоуном?

Алиса рывком расстегнула сумочку, бросив туда цилиндрок с помадой.

– Доволен, козел? – прошипела она. – Искренне надеюсь – когда-нибудь утром я поеду опознавать твой труп, разрубленный на двенадцать частей.

– Только не пользуйся косметикой, умоляю тебя, – усмехнулся Каледин, сворачивая к Белорусскому вокзалу. – При виде столь дико раскрашенного существа любой человек от ужаса восстанет из мертвых. Знаешь, когда мы с тобой ээээ... *спали*, – это слово Каледин произнес особенно смачно, – то у меня всегда наличествовало ощущение, что по вечерам я ложусь в постель не с женщиной, а с вождем индейцев сиу по имени Сидящий Бык.

Алиса задохнулась от ненависти, но ответить не успела. «Тойота» подрулила к белому домику рядом с рестораном «Пугачевъ» на Тверском бульваре, несмотря на ранний час, там уже толпились любопытные, сдерживаемые шеренгой суровых городских. Захлопнув двери авто, бывшие супруги предъявили полицейским служебные удостоверения и прошли за оцепление к самому ресторану. Тайный советник Антипов, заметив их, хмуро поздоровался, без улыбки и привычных каламбуров автоматически поцеловал Алисе руку. Было заметно, глава Отдельного корпуса жандармов сам спал не больше часа.

– Да-с, голубушка, как говорил классик: вот не было заботы, так подай, – пробурчал он, вертя в пальцах пачку «Мальборо». – Второй труп за два дня. И градоначальник, и государь еще знать не знают. А когда им доложат...

Жандарм тяжело и горестно вздохнул, на его обрюзгшем лице читалось: ехать вице-губернатором на Камчатку либо полномочным послом в Исландию из мигающей огнями Москвы ему категорически не хотелось.

Каледин между тем протиснулся к телу – возле освещенного лампами трупа меланхолично работали медэксперт и хорошо знакомый ему полицейский фотограф Терентий Лемешев. Тиснув фотографу руку, Федор протер слипающиеся глаза, рассматривая покойницу. Все, как вчера. Горло перерезано с правой стороны вплоть до шейных позвонков, грудь отсечена и разрезана пополам: замерзшая половинка плоти вложена в левую руку жертвы. На белом лбу замерз сгусток крови – в нем угадывался кусочек сердечной мышцы. Впрочем, есть и отступления от сценария. Живот вспорот и кишки завязаны изящным бантом, ни дать ни взять – подарок, преподнесенный на семейное торжество, желудок и легкие разложены рядом на льду. «Чего-то не хватает», – промелькнуло в голове у Каледина. Бросив взгляд на торчащие из груди обломки ребер, он понял – маньяк прихватил в качестве *сувенира* сердце. Федор внимательно вгляделся в спокойное, как у первой жертвы, мертвое лицо – ресницы засыпало снегом, белки глаз покрылись тончайшими льдинками... Боже мой! Да, вот теперь Антипов точно попал. Здесь ему даже не Камчатка грозит, а Полярный круг.

Алиса и сама еле устояла на ногах, увидев изуродованный труп бывшей солистки группы «ЗимаЛетто» Сюзанны Виски (говорили, это творческий псевдоним, а настоящее имя звезды – Прасковья Сухохренова). В июне император пожаловал Виски титул камер-фрейлины; ей нельзя стало и шагу из дома ступить, чтобы не попасть под вспышки фотокамер прессы. Сюзанна была нарасхват – за выступление на корпоративе она получала 50 тысяч золотых, причем чаще всего певицу с великолепным бюстом купцы просили не петь, а просто ходить туда-сюда. Где же убийца смог ее отловить?

Подпоручика Волина шатало. Отойдя в сторону, он приложил ко рту платок. Упасть в обморок рядом с начальством офицеру никак нельзя – чувствительно для карьеры. Бедняга был не в силах оторвать глаз от окровавленного живота – в пупок вмерзло серебряное кольцо пирсинга с покрытыми легким инеем стразами. Внезапно зрачки ослепил яркий белый свет, и он инстинктивно заслонился рукой. Вспышка щелкнула еще раз.

– Только прессы нам не хватало! Откуда взялась эта дура? – на всю улицу заорал Антипов и замахал перчаткой, призывая полицейского из оцепления. – Господа, чего вы разинулись? Выведите барышню к чертовой матери!

Мордатый городской закрыл объектив фотоаппарата всей пятерней, а другой рукой буквально выдрал его из пальцев черноволосой девушки: на ее высокой груди красовался бэйджик

с эмблемой Главного канала. Кожанный ремень от камеры, в который мертвой хваткой вцепилась девица, лопнул.

– Сатрап! – взвизгнула редакторша Юля, делая безуспешные попытки вернуть фотоаппарат. – Не имеете права... это эксклюзив... в утренний выпуск... Отдай технику сейчас же, держиморда!

Вытащив флэш-карту, городской с усмешкой кинул ей камеру. Вне себя от бешенства, Юля схватилась за карандаш, записывая номер его бляхи.

– Это тебе даром не пройдет, – мстительно пообещала она и, скользя по обледеневшему тротуару, быстро зашагала в сторону своей машины.

Алиса присела на корточки возле трупa, фиксируя в блокноте детали. Ручку то и дело приходилось отогревать дыханием – мороз под двадцать пять, ну и погода, а еще говорят про глобальное потепление. Она заранее знала – убийца вырежет сердце. Но еще вчера, исследуя фрагменты зловещей картины, «нарисованной» маньяком на теле Колчак, Алиса была уверена – тот будет подражать своему кумиру в ювелирных мелочах. Не тут-то было – промежутка между убийствами не произошло. Этот парень убивает, когда захочет, возможно, специально, чтобы запутать следы. Кто знает – может, у него уже подготовлены и все следующие трупы, после чего ему остается лишь живописно раскладывать их на улицах.

– Мадам, – рядом с ней, вертя в руках служебный мобильник с золотым орлом на крышке, остановился прямой начальник Каледина – директор департамента полиции, тайный советник Арсений Муравьев. Высокий и худощавый, он забавно смотрелся рядом с Антиповым – живая иллюстрация к рассказу Чехова «Толстый и тонкий». – Если не сложно, я хотел бы нижайше попросить вас проследовать вон в тот лимузин. И я, и другие господа желают пообщаться с вами относительно персоны маньяка.

Черный лимузин с мигалкой на крыше не мог пожаловаться на размеры (похоже, он принадлежал главному жандарму Антипову), поэтому туда влезли все. Сам Антипов, Муравьев, Волин, еще трое полицейских чинов, ну и, конечно, Каледин – хотя ему в приличной компании, с точки зрения Алисы, вообще делать нечего. Расположившись на кожаном сиденье и приняв из рук водителя чашку горячего чая, Муравьев галантно подал ей дымящийся напиток. Алиса лишь слегка пригубила, но все равно умудрилась обжечь язык.

– Мадам, – с поклоном продолжил Муравьев. – Насколько мне известно, вчера вы сделали правильный вывод – наш доморощенный убийца просто идеальный подражатель лондонского Джека Потрошителя. Так вот, совершенно уже второе убийство за два дня. Мы мечтаем подробно расспросить вас о Потрошителе, чтобы попробовать предугадать дальнейшее поведение маньяка... Сколько же всего трупов числится на его совести?

– Официально установлено – Потрошитель убил пять человек, – промямлила Алиса, испытывая жуткую боль в языке. – Каноническими жертвами считаются проститутки разного возраста: Мэри Эн Никлз, Энни Чепмен, Элизабет Страйд, Кэтрин Эддоус, Мэри Джанет Келли, они погибли в период с 31 августа по 9 ноября 1888 года в лондонском районе Ист-Энд. Все убийства происходили ночью на улицах квартала Уайтчепел. Тело Келли нашли не на улице, а в комнате, которую она снимала: маньяк влез через окно. Из трупа каждой жертвы убийца обязательно вырезал *сувенир* и уносил его с собой. Надкушенную левую почку одной из убитых женщин он прислал в полицию с письмом: «Искренне ваш Джек Потрошитель». Послание было написано кровью, корявым языком, с кучей ошибок.

– Пять человек? – заржал согревшийся гусарской порцией чая с коньяком и осмелевший от этого Волин. – Подумать только! И этот тип считается одним из самых страшных серийных убийц в истории человечества? Да по сравнению с нынешними монстрами – просто младенец. Если б он подошел к Чикатило, тот бы ему дал петушка на палочке и сказал: «Иди, деточка, с сачком бабочек ловить, тут взрослые дяди делами занимаются».

На Волине остановилось сразу несколько неодобрительных взглядов, поняв, что сморозил глупость, тот замолчал и растерянно улыбнулся.

– Тут следует понимать следующее, Сашенька, – возразила Алиса. – В действительности Потрошитель мог убить намного больше людей. Например, лондонский следователь Эбберлайн прибавлял к этому списку и проститутку Марту Тэбрем, а всего так в британской столице той осенью погибли двенадцать человек. Жестокие убийцы существовали и до Джека, но этот человек потряс всех именно отсутствием выраженных мотивов. Он просто убивал женщин, вырезал им внутренности и выкладывал их в странной последовательности. Он не насиловал девушек и не мучил их перед смертью: все жертвы до «разделки» были задушены либо им сломали позвонки. Похоже, для него убийства – обыденная работа, он делает это, потому что по какой-то причине должен делать. Самое страшное: Потрошителя так и не поймали – он исчез, прекратил убивать неизвестно почему. Ты слышал, что вчера сказал врач в морге? Даже опытный доктор не смог бы извлечь органы из трупа менее чем за полчаса. А наш друг сделал это за пятнадцать минут – в точности, как реальный Потрошитель. Мы обыскиваем машины извозчиков, но нужно приниматься и за проверку хирургов. Такие подозрения существовали и относительно личности настоящего Джека Потрошителя: он был очевидным профессионалом в том, что касается человеческой анатомии.

– Да, но если я не ошибаюсь, мадам, вы сказали: Потрошитель прислал в английскую полицию письмо, написанное с грамматическими ошибками, – хмуро заметил Муравьев. – Как-то это не вяжется с образованным доктором.

– Конечно, ваше высокопревосходительство, – кивнула Алиса, отпив остывшего чая. – Только здесь существует один нюанс – по предположению большинства независимых исследователей, Потрошитель намеренно «косил» под простолюдина, человека из народа, чтобы запутать расследование. И весьма удачно «косил» – ведь его, напомню, так и не поймали...

В кармане у Муравьева запиликал телефон. Глянув на дисплей, он без объяснений выбрался из лимузина. Каледин уже знал, если директор департамента соизволил подняться, то звонок важный – с начальством принято говорить стоя. Проведя краткую беседу, Муравьев вернулся назад.

– Звонил Шкуро, – сообщил он, не глядя на коллег. – Его величество уже в курсе второго убийства. Меня вызывают во дворец и вас, – он тронул рукав шефа Отдельного корпуса жандармов, – тоже, милостивый государь. Чувствую, беседа предстоит жесткая. Господин Каледин, у вас есть час свободного времени, когда мы вернемся из Кремля, то устроим совместное закрытое совещание. У нас есть маленькая подвижка – на щеке второй жертвы эксперты обнаружили что-то похожее по составу на микроскопическую каплю слюны. Хотя возможно, это всего лишь вода. Надеюсь, в ближайшие часы мы получим результаты анализа ДНК.

Все, кроме Антипова и Муравьева, вылезли из лимузина. Послышался рев мотора, и машина сорвалась с места. Городовые в оцеплении взяли под козырек, положив руки на эфесы сабель.

– Пошли завтракать, что ль, – зевнул Каледин и посмотрел на часы.

– Ты извращенец, – обомлела Алиса. – Как и все мужики, впрочем. Даже у трупа девушки ты только и думаешь поскорее бы набить себе брюхо.

Каледин охотно кивнул. Алиса взяла его под руку.

– Поедем в китайский ресторан? – спросила она, не меняя тона.

– В китайский, – согласился Каледин. – С этими маньяками помрешь с голодухи. Хорошо, что ты не предложила японский. Суши – говно.

– Сам ты говно, – огрызнулась Алиса. – Стильная здоровая еда, никаких вредных жиров и углеводов. Люди после такого питания до ста лет живут.

– Если так рассуждать, то коты должны быть патриархами, – заметил Каледин. – Наш же сдох через три года: сырая рыба его прикончила.

– Он сдох от того, что ты оставил его в запертой квартире, когда на месяц уехал в командировку, – поправила меховую шапку Алиса. – Фашизоид.

– Виноват, – сознался Каледин. – Но думается, он сам покончил жизнь самоубийством, когда понял – ему предстоит всю жизнь есть только сырую рыбу. По крайней мере, я бы на его месте сделал то же самое.

Парочка удалилась в направлении «тойоты». Поручик Волин поднял воротник, защищаясь от ледяного ветра, и тоскливо поглядел им вслед. У дома напротив рабочие, игнорируя скопление городских, клеили на билборд рекламу нового молодежного движения. На плакате тинейджер в бейсболке держал в левой руке косяк с марихуаной, а большим пальцем правой салютовал вверх. На плакате надпись аршинными буквами гласила: «Пипламъ respect и ува- жуха! Планъ царя-батюшки жжотъ, бакланъ!»

Глава десятая Мертвый сезон

(22 февраля, вторник, утро)

Отвинтив пробку с бутылки «Голд лейбл», я сделал жадный глоток. Сорокаградусное виски, выплеснувшись горячей струей, обожгло пищевод до самого желудка – я явственно почувствовал аромат дубовой бочки, исходящий от благословенного напитка. Блаженно высунув язык, я слизнул янтарную каплю, столь завлекательно повисшую на узком горлышке.

Чертовски хочется проглотить еще граммов сто, но, увы, я не могу себе этого позволить. Вечером опять садиться за руль – пусть в крови останется поменьше алкоголя. Вдруг машину остановит дорожный городской с дозиметром, их вокруг развелось как собак: не хочется, чтобы отлично продуманная операция вдруг сорвалась из-за непредвиденной мелочи.

Отставив бутылку в сторону, я облизнулся, собирая остатки влаги вокруг губ. Итак, мне нужно еще три *артефакта* – собрав их, можно со спокойной душой приступить к *финалу*. Признаться – руки так и чешутся. Вчера вечером я выкупил в турагентстве забронированную путевку в Таиланд – все прошло без сучка и задоринки. Рождество кончилось, пасхальные каникулы еще не начались, на дворе ледяной февраль – «мертвый сезон». Я должен буду улететь 31 февраля – странная дата, не правда ли? Но в этой стране все довольно странно. Еще не так давно здешний февраль считался самым коротким месяцем в году, в нем насчитывалось всего-то 28 дней. Ситуация в корне изменилась после августовской железнодорожной катастрофы, когда у всех лопнуло терпение: каждый год в этом месяце и самолеты падают, и метро взрывается, и лодки тонут. Особым императорским указом август был навечно вычеркнут из календаря. В году стало ровно 11 месяцев, а «бесхозные» августовские дни распределили поровну, таким образом в феврале появилось трое лишних суток. Произошла официальная замена титула государя – из «августейшего» его постановили именовать «сентябрейшим». Но я не против – 31 февраля так 31 февраля. А пока дела прежде всего. Часов в восемь вечера я выйду на ночную охоту – забирать необходимый для *процедуры* третий *ларец*. Правда, придется сменить стратегию – переулки заполнены господами в штатском, со стальным взглядом и оттопыренными карманами. Но туда я идти и не собираюсь...

Кинув в рот пластинку жвачки, я задвигал челюстями – по деснам разливался пластмассовый вкус арбуза. Надо отбить запах «лейбла», ну и поспать хотя бы часок. Скоро вставать на работу, а я бодрствовал практически всю ночь, священнодействуя с *ларцом*. Разделка проходила как обычно, но вот с дополнениями в виде банта на животе пришлось повозиться. Мой путь был многоступенчатым и трудным, и его устилали отнюдь не розы. Очень может быть, что любой другой человек на моем месте бросил бы эту затею еще на начальной стадии – даже зная,

какой сногшибательный приз положен в *финале*. Печально одно: каждый **период** проходил слишком быстро, только вздохнешь полной грудью, как все – надо опять собирать *артефакты*, искать подходящие *ларцы*. Маскировать *процедуры* под работу банального убийцы-маньяка – отличная идея: по всему миру кишмя кишат эти моральные уроды. Нет, я абсолютно не такой, не следует нас даже и сравнивать. Я сразу избавляю *экземпляр* от страданий, тот фактически не чувствует боли, жаль, что приходится пугать их перед смертью. Но ничего не поделаешь – в *бальзаме* должно содержаться достаточно адреналина для насыщения энергией перед встречей с Луной.

С третьим *ларцом* в принципе все ясно. Профессионалы похищений уверены – легко совершить киднэппинг в безлюдном месте. Но при этом никто не добавляет – при большом скоплении народа на тусовке это сделать еще легче. Каждый увлечен только собой и не смотрит на других. Поднявшись, я подошел к зеркалу, с откровенным удовольствием глянул на чудесное отражение: худощавое, мускулистое тело без грамма жира, одним своим видом вызывающее судороги экстаза у противоположного пола. Настоящее произведение искусства, не правда ли? Если бы я захотел, вполне бы мог зарабатывать себе на жизнь, будучи моделью для художников. Никакого отвисшего живота, ни капли жира, ни единого волоса – настоящий красавец. Откинувшись назад, я нежно положил себе руки на бедра, погладив их. Ух, симпатяжка... Ну-ну, хватит нарциссизма. Пора спать.

Я привычно забылся сном прямо на полу, растянувшись рядом со штрихами голубого мелка, подложив под голову руку. Мгновенно провалившись в дрему, я увидел красочный сон. Я сижу, совершенно голый, поджав под себя ноги, положив руки на колени ладонями вверх – на тибетский манер. Мое тело заливает бледный лунный свет. Внезапно сверху, откуда-то из самых глубин черных небес, сначала капает, потом спускается тягучими нитями, а затем и просто потоками льется пахучий *бальзам*, заливая мою бархатистую кожу, преобразая ее на глазах. Подставляя лицо под струи, я стараюсь изо всех сил сохранять спокойствие, как положено здравомыслящему человеку, но в определенный момент удовольствие от происходящего достигает пика и рассудок покидает меня. Я падаю навзничь – красные брызги, словно в замедленной съемке, устремляются к Луне. Мое тело извивается в *бальзаме* – я барахтаюсь и визжу, словно ребенок, бью ладонями по красным волнам, поднимая тучи брызг. *Бальзам* заливает мне рот, глаза и волосы, я упиваюсь и наслаждаюсь им, как кот валерьянкой. Кожа начинает слезать с моих рук, обнажая мускулы, я сам становлюсь красного цвета, сливаясь в единое целое с *бальзамом*. Пространство вокруг заполнено им, как океаном, я ныряю с головой, чувствуя на губах соленый вкус, и, проплыв с десятков метров, вынырываю, хватая ртом воздух. Мой жалкий остов из сухожилий и мяса затягивается новой, полупрозрачной кожей – поначалу уродливой, с цыплячьими пупырышками, но с каждой секундой она теряет свою непривлекательность. Я плачу от радости, благодарно целую отражение Луны, я знаю, что отныне жестокое светило благосклонно ко мне как никогда...

Будильник на мобильном телефоне зазвонил задорной мексиканской мелодией, я поднял голову с пола и сразу же обнял ее руками: мозг казался свинцовым от недосыпа. Ничего. Сейчас я сварю арабский вариант утреннего кофе из зеленых зерен и приду в себя – это подхлестывает не хуже бича. Голова должна быть полностью свежей – ведь я еду на совещание к Большому Начальнику. Буду слушать и кивать с умным видом. С хрустом потянувшись, я одним прыжком вскочил на ноги и отправился на кухню. Если поспешу, успею даже поджарить яичницу. Заглянув в холодильник, я умилился – мои пальцы прикоснулись к хрустальной конфетнице, внутри которой покоился свеженький *артефакт*, хранящий следы зубов. С этим *артефактом* всегда много возни, слишком уж он здоровый, но зато один из самых важных. Перед уходом я возложу его поверх голубых линий, и он, впитавший сок Луны, сможет вобрать в себя чуточку энергии Солнца: так опытная хозяйка сначала поджаривает одну сторону вырезки, а потом, когда та подрумянилась, переворачивает ее на другую. На Луне *арте-*

факт уже достаточно «подрумянился». Выбрав три самых крупных куриных яйца, я закрыл холодильник и взял в руки сковороду с тефлоновым покрытием.

Рядом с холодильником, на специальной подставке, прикрепленной к стене кухни, в импровизированных тисках был зажат большой нож с черной рукоятью – в центре блестел пустыми глазницами серебряный череп. Широкое лезвие было снабжено обширным кровостопом – на его поверхности виднелись засохшие разводы. Весь клинок, кроме основания, принял рыжий цвет, к кончику прилипли отрезанные женские волосы. На лезвии красовалась гравированная готическими буквами надпись – BLUT UND EHRE¹¹.

Из свежего номера газеты «Скандальная Империя»

«По сообщениям из кулуаров отечественной телекухни, в последнее время наблюдается значительный подъем популярности имперских телесериалов. Один из самых успешных – „Счастливы сразу“ о семье губернского секретаря Бухина. Сей отрок, бросив карьеру правоведа, ушел работать в обувную лавку и преуспел в торговле дизайнерскими лаптями. Критики спорят: дескать, продавец лаптей не может жить в двухэтажной квартире, а также подковывать лошадей чистым серебром, называя показываемое „сюрреализмом“. А вот канал ТНБ „разогрелся“ на криминальном сериале „Понты: улицы забитых королей“ – про полицию периода великой депрессии, эру грозных грабителей банков и ее сражения с крутыми гангстерами из мафиозных семейств Сталина и Волошилова. Культовую известность получил и другой сериал – „Три гада“, где консультантом выступил один из крестных отцов имперской мафии – авторитетный купец дон Бигганов. В ближайшее время, как предрекают эксперты, успех ожидает женский сериал – имперский ремейк *Sex and the city* – „Мольер вам не Бальзак, или Все бабы ду...“.

Секс-скандал: за съемки в обнаженном виде для эротического журнала «Голые Дворянки» артистка Жанна Метле была лишена наследства ее консервативным отцом – старым бароном Метле. Тем не менее этот журнал остается одним из самых популярных в империи: недавно в качестве «Дворянки месяца» на развороте снялась графиня Василиса Разумовская, продемонстрировав бюст пятого размера. Клон журнала, еженедельник «Голые Крестьянки», не пользуется таким успехом, видимо, из-за того, что обнаженная женщина выглядит лучше в интерьере усадьбы, нежели в обнимку с коровой. По этой причине в прокате провалился блокбастер «Кот Апокалипсиса» с незнатной актрисой Анитой Завокишюк, происходящей из семьи намибийских поселенцев. Картине не помог даже частый ракурс голых ягодич Аниты – всего девушка продемонстрировала их на протяжении фильма 814 раз. Коммерческий провал, впрочем, не расстроил Аниту – она возвращается к сериалу «Красавица-гувернантка» про консервативную деревенскую девушку из алтайских староверов, которая работает бонной в семье пожилого, но сексуально озабоченного князя Лысозубского-Остермана.

Согласно новой информации из Вашингтона, президент Северо-Американских Соединенных Штатов Джордж Буш подавился баранкой, упал на стол и потерял сознание, получив гематому под глазом. Врачи

¹¹ Кровь и честь (нем.).

уже запретили ему употреблять любой вид мучных изделий после серии трагических случаев – Буш давился крендельком, калачиком, булочкой, печеньем, яблочным пирогом, тортом, колечком с творогом и лавашом. Аналогичный запрет касается и транспортных средств: за последние 8 лет глава САСШ падал с самоката, велосипеда, мотоцикла, скейтборда, роликов, шотландского пони и эскимосской ездовой собаки. Доктора Белого дома настоятельно рекомендовали президенту Джорджу Бушу совершать путешествия лежа, находясь на нижней полке поезда.

Между тем переговоры по возвращению штата Аляска в лоно Российской империи вновь зашли в тупик. Испытывая недостаток стратегических запасов меда, американская администрация готова уступить Аляску в обмен на аренду трех пасек в Сибири. Однако министр финансов империи барон фон Курнир настаивает: Россия примет слаборазвитых эскимосов обратно лишь за цену продажи Аляски от 30 марта 1867 года – 7 миллионов 200 тысяч долларов. Эта сумма теперь равняется средней стоимости двухкомнатной квартиры на окраине Москвы. Следует отметить, печальный инцидент с баранкой произошел после того, как Джорджу Бушу перевели это предложение».

Глава одиннадцатая

Please, Don't Go¹²

(22 февраля, вторник, то же утро)

Около сотни людей стояли в темной комнате – мрак был разбавлен небольшим количеством горящих восковых свечей, тени колыхались на гордых и решительных лицах. Четыре окна были заколочены наглухо, сверху на их поверхность накинули непроницаемую ткань. Отважно глядя прямо перед собой, положив правую руку на сердце, революционеры пели хором:

Порой изнывали вы в тюрьмах сырых,
Свой суд беспощадный над вами
Враги-палачи уж давно изrekli,
И шли вы, гремя кандалами.

Пение кончилось, полутьма взорвалась аплодисментами. После оваций присутствующие стали рассаживаться по стульям. За длинным столом, накрытым красной материей, сидели пять человек в старомодных пенсне, их пиджаки украшали шелковые галстуки с бриллиантовыми булавками.

– Совещание общества «Другая Империя» прошу считать открытым, камрады, – прошептал один из сопредседателей движения, революционер Генри Гасанов. – Ввиду происходящей в столице серии мистических убийств нам нужно решить, как реагировать на эти страшные события.

Гасанов в прошлом был знаменитым спортсменом, чемпионом мира по игре в лапту и одновременно яростным антимонархистом, настолько яростным, что даже королевских кровей принципиально называл «президентскими». После коронации нынешнего императора

¹² Пожалуйста, не уходи (англ.).

Гасанов предрек – монархия падет через год, и надо хорошенько к этому подготовиться. Монархия, однако, все никак не падала, немного подождяв, Гасанов создал организацию «Другая Империя», объявив, что она выдвинет своего кандидата в будущие императоры. На закрытых совещаниях «Другой Империи» было принято общаться шепотом, так как считалось, что их круглосуточно прослушивают вездесущие агенты жандармского корпуса.

– Ты думаешь, это заговор кремлевских волков, дорогой Генри? – шепнул сидевший рядом Эдвард Цитрусофф. – Но дело в том, что убитые не были республиканцами. За уши к этому делу их при всем желании не притянешь.

Революционеры в зале не слышали почти ничего из сказанного в президиуме: сидя в колеблющемся полумраке, они сохраняли многозначительный вид заговорщиков, свергающих Цезаря. Электрический свет в здании отсутствовал по двум причинам – с целью помешать жандармам делать видеосъемку, а заодно уж сэкономить деньги.

– Ты уверен? – возвел очи к потолку Гасанов. – А мне кажется, все это неспроста. Думаю я вчера о народе, включаю в машине радио «Корона Плюс» и чего ж там слышу? Всего за полчаса целых три песни подряд в ротации – Please, Don't Go каких-то прокремлевских негров, «Не уходи, постой – просто побудь со мной» Агутина, а также, разумеется, «Если он уйдет, это навсегда, так что просто не дай ему уйти». Вы в курсе, что это означает?

– Не знаю, – нервно поправил пенсне Цитрусофф. – Засилье попысы? Загадочные вкусы большинства населения? Или заговор состарившихся продюсеров с целью вернуть сдохшую популярность Агутину?

– То, что император передумал отречься! – торжествующе прошептал Гасанов. – Кровавые жандармы сами организовали все убийства, желая отвлечь наш народ от его первостепенной задачи – революции. В тот момент, когда миллионы готовы выйти на улицы под лозунгом «Долой самодержавие!», проклятый царский режим организует информационный теракт, чтобы...

Первый ряд, краем уха услышав привычные обрывки фраз, заплодировал.

– Миллионы? – саркастически усмехнулся приглашенный на конференцию барон Георгий Грушевский. – Мы уже восемь лет тусуемся, грозные песни поем, а давеча митинг против монархии в Самаре только двести человек собрал. С такой поддержкой мы не то что царя – лягушку и ту не свергнем.

Шляхтич Грушевский тоже не был таким уж особенным антимонархистом, говорили, что он, обедневший польский дворянин, и сам не прочь сделаться императором. Согласно слухам, распускаемым сторонниками барона, Грушевский обладал эксклюзивным секретом в экономике, способным сделать любую страну процветающей за 500 дней, его подарил ему один старый буддийский лама в горном монастыре на склонах Эвереста. За этим секретом охотились очень многие – и жандармы, и полиция, и даже иностранные спецслужбы. Поэтому Грушевскому пришлось ночью без свидетелей уехать в глухой лес, положить секрет в шкатулку слоновой кости и закопать под древним дубом. Заказав сеанс у непальского гипнотизера, барон путем кармического гипноза заставил себя забыть, где именно схоронил секрет процветания экономики. Этот ход сыграл с Грушевским злую шутку – популярность его партии начала стремительно падать, а повышение цен на мед окончательно ее угробило. Грушевский не сдавался – периодически он делал загадочное лицо и прозрачно намекал, что прекрасно знает местонахождение слоновой шкатулки: стоит лишь посадить его на императорский трон, и он сразу же ее откопает. Но ему уже никто не верил.

– Все ваши проблемы из-за того, что вы ставите не на тех людей, – разглядывая ногти, продолжал Грушевский. – Надо ставить на умных... очень умных... желательно просто дико умных... эдаких чумовых элегантных красавцев... тогда все и решится с миллионами. А до этого будете выводить на улицу двести человек и умиляться тому, какие вы крутые и храбрые.

Гасанов сделал плавное движение в сторону Грушевского, нагибаясь над столом. Пятеро телохранителей Гасанова нервно вздрогнули, собравшись растаскивать оппонентов, но тут же расслабились. Без охраны спортсмен не появлялся нигде, ибо был уверен: за его голову царь назначил большие деньги. По этой же причине Гасанов не пил чая и кофе, пробуравив дома артезианскую скважину для утоления жажды, а также почти ничего не ел, боясь отравления. Он питался парниковыми овощами, которые выращивал у себя в комнате, и за последние полгода похудел на двадцать килограммов. Ходил он осторожно, маленькими шажками – в знак полной солидарности с оковами угнетенного пролетариата его ноги в районе лодыжек были скованы тонкими и изящными золотыми цепочками. Недавно Генри арестовали за переход улицы в непопознанном месте, и он отсидел в полицейском участке целых двадцать восемь минут. Вернувшись домой, Гасанов шесть часов подряд давал подробное интервью CNN об ужасах сырых застенков царизма.

– Напрасно вы идете на поводу у информационных киллеров царского режима, дорогой камрад! – шепнул он прямо в невозмутимое лицо Грушевского. – This is the police state!¹³ Если бы мне дали всего двадцать минут на продажном телевидении, монархия уже на следующий день развалилась бы к свиньям!

– И толку? Вам каждую неделю дают по два часа на радио, а она, проклятая, как стояла, так и стоит, – снова поправил пенсне Цитрусофф. – Может, не в телевидении вовсе дело, а в том, что мы восемь лет в темной комнате при свечах пасемся, шепотом царизм проклинаям, а больше ни хрена не делаем?

Он замер, потрясенный внезапно открывшейся ему истиной. В первом ряду на лицах зрителей с флажками отразилось некоторое смятение.

– Это уже потрясающей силы храбрость, – дернул подбородком Гасанов. – Пастись и тем самым противостоять кровавым псам монархии. Мы отражаем чаяния народа, стонущего от страданий под стальной пятой царизма. Он задыхается от отсутствия свободы. Кто даст ему ее, если не мы?

Грушевский театрально закатил глаза к потолку.

– А нужна ль она ему вообще, эта ваша свобода? – шепнул он свистяще, чуть наклонившись. – У многих трудящихся в Москве и Петрограде основная проблема – как в пятницу после работы найти место в престижном суши-баре. Ваши ярмарочные мастеровые с крестьянами сидят там, хавают палочками лосося с васаби, обсуждают, как половчее взять кредит на плазменный ти-ви, и в гробу видали все наши свечные тусовки.

Если Гасанов и огорчился сказанному, то не подал виду.

– Неважно, – трагически снизил он шепот. – Главное осознавать: в данный момент мы раскрыли план заговора, устроенного жандармским корпусом по хитроумному замыслу царя. Будет совершено с десятков зверских убийств, а потом жандармы поймают маньяка – это поднимет рейтинг императора и даст ему возможность формально объяснить нежелание отречься. Такое событие могло бы окончательно законсервировать пролетариат в суши-барах и заключить его в крепостях ИКЕА, служащих, по сути, пыточными камерами для современных декабристов. Однако завтра я дам откровенное интервью CNN и открою всем свободным людям истинную причину смертей Колчак и Виски. Правда – это то, чего больше всего боятся трусливые лакеи царизма.

По взмаху его руки зал встал. Свечи уже почти догорели. Стены вновь сотрясло грозное хоровое пение, исполняемое с глубоким чувством:

Пусть деспот пирует в чертогах своих,
Тревогу вином заливая,

¹³ Это полицейское государство! (англ.)

Но грозные буквы огнем на стене
Чертит уж рука роковая.

«Если уж так подумать, в чем-то Генри прав, – философски рассуждал Грушевский, подтягивая куплет. – Мы жизни своей для народа не жалеем, свечей уже тонн под двадцать сожгли. А он только мычит да за партию “Царь-батюшка” голосует. Ноги в кровь стерли золотыми цепочками. И хоть бы оценил кто. Говно у нас, а не народ. Счастья своего не понимают».

Глава двенадцатая

Боже, царя храни

(22 февраля, вторник, еще утро)

Торжественный гимн по радио заиграл тогда, когда Алиса уже уничтожила половину порции супа из акульих плавников, а вечно голодный Каледин, разделавшись с аналогичным кушаньем, аппетитно хрустел жареными кальмарами. Бокалы на столах тонко задрожали. Голос, похожий на дуэт Шаляпина с медведем, истово выводил, сотрясая ресторанный зал:

Боже, царя храни!
Сильный, державный,
Царствуй на славу нам;
Царствуй на страх врагам,
Царь православный!

Вытерев губы салфеткой, Каледин поднялся с места и застыл – в его глазах появился странный тупой блеск, он механически положил руку на эфес сабли, положенной ему по рангу. Повсюду загремели отодвигаемые стулья – это вставали бывшие и действующие офицеры. Дождавшись окончания гимна, Каледин спокойно сел обратно и принялся лопать кальмаров, не забывая макать их в острый рыбный соус.

– Эй, человек! – рыкнул он официанту. – А рис с ананасами чего не несешь?

Алиса, издав свистящий всхлюп, всосала в себя остатки супа.

– Где-то я этот звук уже слышал, – задумался Каледин. – Но помнится, при нескольких других обстоятельствах. И ела ты при этом вовсе не суп.

– Я потеряю аппетит от твоих пошлых воспоминаний. – Алиса придвинула к себе дымящееся блюдо с мясом в устричном соусе. – И так едва не померла со смеху, глядя, как ты с каменной рожей встаешь под гимн с давно устаревшими словами. Как будто я не знаю, что государь тебе не нравится.

На стол со стуком поставили тарелку жареного риса. Китайские рестораны в Москве считались самыми дешевыми, а порции – огромными. Заведения были похожи друг на друга как сами китайцы: ширмы с иероглифами и драконами, красные фонарики у входа, официанты в костюмах из искусственного шелка и шапочках с косичкой, как принято у династии Цин. Количество китайцев в империи неуклонно увеличивалось, что беспокоило и политиков, и население. Однако хитрые китайцы, наводняя имперские просторы, десятками открывали подпольные центры пластической хирургии, где им переделывали разрез глаз. После этого городским приходилось тяжело, ибо по одним внешним признакам задержать нелегала было уже нельзя.

– Государь не девушка, чтобы мне нравиться, – сквозь зубы ответил Каледин, хрупая рис. – А вставать под гимн я по должности обязан, как-никак офицер его величества. В остальном же не вижу причин быть довольным. Что в нашей империи такого классного? С семна-

дцатого года, я считаю, ничего не изменилось. Основные богатства страны поделены между кучкой купцов первой гильдии, сидим исключительно на экспорте сырья, сами больше ничего не производим – сплошное пчеловодство да пасеки. Вот щас, например, медовый бум. И какая лично мне от него корысть, кроме того, что цены в Москве взлетели, а квартирка в панельном доме стоит столько же, сколько таврическая усадьба князя Потемкина? Возвращаемся к корням, так сказать... в Сенате решили установить традиции, как в Британии, – там в палате лордов депутаты оседлали мешки с овечьей шерстью (на ней основано благосостояние королевства), а наши будут сидеть на бочонках с башкирским медом. Приставы и околоточные как раньше «крышевали» купцов, так и сейчас «крышуют», министры как при царе Николае брали взятки, так и теперь берут, а губернаторы на местах срослись с мафией. Мне кажется, монархия себя изжила. Вот прикинь, если бы генерал Корнилов большевиков не перевешал и они пришли бы к власти, а? Проект-то у Ленина был – настоящая сказка. Небось жили б как сыр в масле катались.

– Фигня, – кратко резюмировала калединскую речь Алиса, дожевывая мясо. – Знаешь, все политики мягко стелют, да жестко спят. Эвон во Франции якобинцы тоже пришли к власти под клевыми слоганами, а потом как пошли аристократам головы рубить и друг друга колбасить. Почему ты думаешь, Ленин поступил бы иначе? Революция пожирает своих детей.

...Официант принес десерт – жареные бананы в карамели.

– Моя дорогая баронесса, – ехидничал Каледин, раскусывая карамель на банане. – Франция живет куда богаче нас. Мы по уровню экономики пока как ее африканская колония, только с медом и ракетами. Может, и нужны какие-то политические потрясения? Представь себе, что Робеспьер¹⁴ дожил бы до восьмидесяти лет и со вставной челюстью передвигался в кресле-каталке. Имидж пламенного революционера это несколько бы подмочило.

– А всегда так, – принялась Алиса за десерт. – Может, из Сталина тоже получился бы знатный революционер, если бы большевики не накрылись медным тазом. В итоге, чтоб не умереть с голоду, ему пришлось вернуться к своему основному делу – вооруженному ограблению банков. В тридцатых годах у Виссарионича была своя группировка – что твой Аль Капоне. Но дона Иосифа застрелили на стрелке, от «семьи» Сталина начали отпочковываться другие мафиози, взяв за основу закон сицилийской мафии – омерту¹⁵. Слыхал, как Ворошилов с «томмиганом» наперевес и с сигарой в зубах врывался в банки? «Всем лежать, суки, или я накормлю вас свинцом!» А Бухарин, с нуля построивший нелегальный водочный бизнес? А Буденный, «крышевавший» все лошадиные бега и ипподромы?

Радио заканчивало передавать новости. Ведущий зачитывал только что поступившее сообщение: вюртембергская полиция в сорок первый раз арестовала на курорте Баден-Баден купца первой гильдии Сидорова, прибывшего туда в компании обнаженных «мамзлек», помещенных в цистерну с шампанским. Озлобленный купец заявил о покупке самого курорта за пять миллиардов евро и попросил «завернуть его в бумажку». Жители соседних населенных пунктов начали срочно составлять петиции к купцу, требуя купить их собственные города «с хорошей скидкой».

– Вот именно! – грыз карамель Каледин, морщась от приторной сладости. – Если бы большевики сделали революцию, они не пошли бы потом толпой в криминал – у нас не было бы организованной преступности. Жили б сейчас тихо и спокойно, как в Бельгии. Запомни одну вещь: если революция не побеждает, она всегда превращается в мафию – закон природы. Знаменитые китайские «триады», чьи головорезы сейчас держат под каблуком весь Китай и Штаты, тоже родились из народного восстания против династии Цин. Их боевики ввели обло-

¹⁴ Один из лидеров французской буржуазной революции, в 1793 году возглавил Конвент (парламент). Отличился массовыми казнями. Через год был свергнут и казнен.

¹⁵ Omerta – «закон молчания» сицилийской мафии. Клятву приносил каждый мафиози, обещавший в случае ареста не «сдавать» своих соратников.

жения «революционным налогом» лавочников, а потом это вошло в привычку. Или колумбийские партизаны, которые сначала поджигали помещиков в джунглях, а со временем трансформировались в ленивых торговцев кокаином с трехэтажными виллами. Ладно, нет смысла нам сейчас о политике спорить... меня один вопрос сильно мучает, солнц...

Каледин отпил холодной воды из стакана и понял, что сделал это зря – карамель начала застывать, за считанные секунды превращаясь в цемент.

– Ты сказала, мол, Джек Потрошитель Version 2.0 убивает хладнокровно, – промычал он. – И даже в некоторой степени технично. Никаких изнасилований, некрофилии и тому подобных безобразий с жертвой, как полагается в делах маньяков. Для чего он тогда вообще это делает? Ведь, как правило, классические серийные убийства женщин связаны с сексуальными отклонениями убийц. Если принять во внимание версию извращений – может быть, он трахается с органами, которые вырезает у убитых девушек?

– Я всегда считала, что у тебя большая фантазия, – отхлебнула «царь-колы» Алиса. – Его поведению может быть несколько объяснений. Первое – он действительно испытывает сексуальное возбуждение, разглядывая подобные вещи у себя дома в какой-нибудь хрустальной конфетнице. Второе – он их коллекционирует, охотничьи трофеи, как рога оленей на стене. Существовали люди, собиравшие черепа жертв. Третье – он каннибал. Мозг, почки, печень даже в двадцатом веке поедали и в японской армии, и в кровожадном племени даяков на острове Борнео. Это делалось для того, чтобы перенять лучшие свойства съеденного противника – например, храбрость.

– Он хотел перенять храбрость от Колчак и Виски? – удивился Каледин.

– Меня это тоже смущает, – призналась Алиса. – Разве что Потрошитель собирался, проведя каннибальский ритуал, обрести чудесную способность Машеньки очаровывать мужиков, заставляя их дарить ему брюлики за полмиллиона евро. Этого и я сама хочу, но сердце Колчак мне уже не съесть.

Каледин едва не уронил вилку, обомлев.

– Ты... ты съела бы ее сердце только ради того, чтобы тебе дарили бриллианты? – спросил он с брезгливостью, тыкая вилкой в банан.

– А что такого? – пожала плечами Алиса. – Это как отжаться купцу первой гильдии за миллион евро – десять минут страданий, зато куча бабла. А сколько я с тобой имела страданий совершенно бесплатно?

– Все женщины – проститутки, – подвел итог Каледин и вернулся к банану.

– Все мужики – козлы, – парировала Алиса и продолжила как ни в чем не бывало: – В общем, вариантов на самом деле миллион. Джека Потрошителя никто не поймал, поэтому логичных объяснений его поведению нет. Но скажу тебе как психолог – он и его подражатель крайне тщеславны. Ведь могли бы просто прятать трупы в колоде, но они выкладывают их на самых оживленных улицах для всеобщего обозрения. Знаешь почему? Они обожают купаться в лучах славы. Реальный Потрошитель стал популярен по простой причине – его появление совпало с бумом бульварных газет в Британии. Желтая пресса не упустила своего шанса: дело раздули по полной программе. И коли уж этот парень действительно копирует поведение лондонского убийцы, бьюсь об заклад – найти преступника будет трудно.

– Если мы этого не сделаем, то его величество из нас котлетку сделает, – заметил Каледин, кидая на стол купюру достоинством двадцать золотых: в центре красовалась царица Анна с веером у пухлой груди. – А какой третий *сувенирчик* прихватил с собой Джек Потрошитель из Лондона, ты помнишь?

Алиса встала из-за столика и потянулась к вешалке в углу.

– Конечно, – печально ответила она после секундной паузы, накидывая на плечи коротенькую шубку из нутрии. – Он вырезал у нее матку.

Глава тринадцатая

Маскарад

(22 февраля, вторник, начало вечера)

Выбритые до масляной гладкости ноги ломило, словно после танца на остриях ножей, как у андерсеновской Русалочки. Впрочем, иных ощущений она и не ожидала: добро пожаловать в реальный мир. Колбаситься на сцене на туфлях-платформах забавно и непривычно, но в то же время тяжело – опасность подстерегает на каждом шагу. На гастролях в Стамбуле одна из участниц Spice Girls сверзилась с двадцатисантиметровых каблуков и сломала себе лодыжку в трех местах. Да тут и шею немудрено сломать на самом-то деле.

Брюнетка с кукольным личиком быстро провела по щекам и лбу напудренной подушечкой, критически стрельнула взглядом в вымытое до блеска зеркало-трюмо. Голубые глаза, наполненные мелкими красными прожилками, устало моргнули. Проклятые каблуки. Она всего лишь вышла из машины и поднялась по лестнице, а ноги уже отваливаются.

Раздался громкий стук в дверь – в гримерку заглянул кругленький импресарио в импозантном костюмчике, с неизменным галстуком-бабочкой.

– Через три минуты на сцену. Гости ждут, – менторским тоном заметил толстяк, причмокнув губами. – Пожалуйста, без опозданий, моя королева.

Она натянуто улыбнулась сквозь пудру:

– Да-да. Конечно.

В принципе ничего сложного. Попрыгает, расскажет парочку бородатых анекдотов, даже споет, невзирая на то что нет слуха и голоса. Впрочем, на имперской эстраде этих качеств, так или иначе, нет ни у кого. Десять тысяч золотых за подобное выступление – не так уж плохо, звезды восьмидесятых и за штуку в сельских клубах рады плясать. Зато в императорском театре все лопнут от зависти. Ее балет – новейшее изобретение, еще ни одна балерина в мире не танцевала «Лебединое озеро», совершая фуэте в модельных туфлях на громадной платформе. Журналисты так и рвутся на интервью – вчера сразу шестеро застряли в дверях ее гримерки, один руку сломал: еще бы, каждому хочется первым напечатать подобную сенсацию. Балет – замшелая вещь, уже сто лет одно и то же – порхают в застиранных пачках и нудно умирают маленькими лебедями с цыплячьим весом. А вот балерина, которая весит под девяносто кило, в туфлях а-ля Spice Girls – уже само по себе экстравагантно, стильно и модно. Чес¹⁶ предстоит крутой – после этой вечеринки придется выступать еще в двух ночных клубах. Ну да ладно: ее прабабушка тоже, как общеизвестно, вкалывала будь здоров – косила бабло миллионами. Зато потом бухала так отчаянно, что в Питере кабаки рушились.

Выпорхнув на сцену, балерина Настасья Кшесинская присела в изящном книксене. Оглядев круглые столики (каждый на двух человек), она не увидела лиц гостей – везде красовались черные и красные маски, арлекины, шуты с колокольчиками, ангелы с картонными крыльями и бесы с изящными рожками, приклеенными к голове. Костюмированный бал, а то! Прокричав заученные слова приветствия, Кшесинская плавно взлетела в воздух и с грохотом приземлилась на каблуки – зал яростно заплодировал.

– Ах, какая красавица! Божий талант, – умилилась сидящая в третьем ряду дама в красной маске, рассматривая фуэте в черепаховый лорнет.

¹⁶ На жаргоне поп-звезд: быстрые и частые гастроли с целью заработать денег.

– Да будет вам, милочка, – презрительно отозвалась ее соседка в черной маске, вооружившись антикварным лорнетом из слоновой кости. – Балерина как балерина, ничего особенного. Другое дело, что сейчас скандал может из любой сделать звезду, тем паче ежели смазлива.

– Не соглашусь с вами, графиня. – Красная маска отпила из бокала глоток крымского шампанского. – Талант у нее в прабабушку, очевидно. Ах, как, говорят, при императоре Николаше танцевала в Зимнем дворце Малечка Кшесинская! Это было нечто совершенно бесподобное, феерическое!

– Феерическое? – фыркнула черная маска. – Малечка-то в первую очередь прославилась тем, что спала сразу с двумя великими князьями, в том числе и с будущим царьком Николашей. Мне думается, это и повлияло на ее карьеру.

– Вы хотите сказать, Настасья имеет в любовниках кого-то из великих князей? – ужаснулась красная маска, едва не выронив свой черепаховый лорнет.

– Боже упаси, – успокоила ее черная маска. – Какие сейчас великие князья, сударыня? Это мелочь пузатая, они максимум в «Аэрофлоте» работают. Ни влияния, ни нормального бабла. Чтобы иметь финансовую поддержку, с великими князьями спать уже давно не модно. Тут необходимо делить постельку с купцом первой гильдии: Шустов, Морозов, Смирнов тоже подойдет – водку-то у нас народец потребляет еще больше меда. Тогда и раскрутку по телевидению сделают, и газетки напишут-с.

Кшесинская сделала пару замысловатых пируэтов на сцене, лихо крутанувшись в воздухе: каблук туфли едва не задел микрофон. Послышались восхищенные вздохи мужчин, завистливое сопение женщин и звон хрустальных бокалов с шампанским. Черная маска, не сдержавшись, нарочито фыркнула еще раз, поддев на вилку ломтик сочного ананаса.

– Вы думаете, эти господа пришли приобщиться к высокому искусству? – показала она вилкой на жандармского полковника, с удовольствием рассматривающего сцену в артиллерийский бинокль. – Да ничего подобного. Они явились глянуть на полуголую брюнетку с классными сиськами, которая высоко прыгает, позволяя рассмотреть снизу свои прозрачные панталоны.

– Вот блядь, – расстроилась красная маска, залпом выпивая бокал. – Последнее настроение вы мне угробили, сударыня. Вечно вам обосрать все надо. Дайте Кшесинскую досмотреть, а? Трахается она с кем-то, не трахается – какая разница. Хоть с Абрамовичем – мне это по барабану, ваше сиятельство.

– С Абрамовичем я бы и сама трахнулась, – мечтательно сообщила черная маска. – Говорят, он потом дарит любовнице яхту или подводную лодку. Подводная лодка мне б точно сгодилась: выкрасила бы ее в желтый цвет и сдавала на выходные фанатам «битлов». Вы ж знаете моего мужа – заядлый игрок-с, никаких денег не хватает. Начинал с баккара, а теперь вкупе с камер-юнкером Месхиевым трется у игровых автоматов в метро, у прохожих гроши кланчит. Куда только государь смотрит, хочу я спросить?

Отставив бокал, красная маска вновь поднесла к глазам черепаховый лорнет, делая вид, что не слышала последних слов надоевшей собеседницы. Официанты (также в масках) скользили между столами, подливая крымское шампанское, включенное в цену билета. Чувствовалось – вечер в разгаре.

– И вообще, – заметила красная маска, глядя через хрусталь на прыжки Кшесинской. – Я лично, сударыня, против сисек ничего не имею. Нашей империи уже давно нужна революция, но не политическая, а сексуальная!

Она икнула, вновь залпом выпив шампанское. Ее щеки покраснелись.

– Мне кажется, милочка, – сказала красная маска нараспев, – что и бунт в семнадцатом году произошел из-за нашего блядского ханжества. Почитайте тогдашних поэтов типа Северянина: в каждой строчке у них «глаза» да «глаза». Словно, кроме этого, сексуальной женщине и показать больше нечего! Проще надо быть, двадцать первый век на дворе, а мы все жема-

нимся, считаем, что стринги дворянкам носить неприлично. Вон у нас на корпоративе в офисе княгиня Белосельская перебрала ликера и плясала в одних трусах на столе под Тимотэ. Только раздевшись догола, женщина может стать самой собой.

Черная маска в ужасе захлебнулась шампанским – на этот раз заглохла уже она. Номер Кшесинской между тем закончился – спев что-то попсово-веселенькое, она собрала внушительный урожай букетов от мужской части посетителей и такое же количество злобных взглядов от женской. Послав и тем и другим воздушный поцелуй, артистка с обворожительной улыбкой удалилась за кулисы, а на эстраду бегом поднялся конференсье.

В примерке балерина первым делом сбросила надоевшие туфли, с облегчением швырнув их в угол, – честное слово, это не обувь, а пыточное приспособление, испанский сапог. На черта она вообще этим занимается? Проще будет завести богатого любовника из купцов: спать с Кшесинской уже сто лет считается высшим шиком, этим способом еще мудрая бабуля пользовалась. Но хочется видеть свои фотки в глянцевах журналах, а балерины в чистом виде никому не интересны. Желаете «отпечататься» на обложке таблоида – изволь постоянно удивлять публику своим эпатажем. Пока что результат превосходит ожидания: куча граждан империи на улице просит у нее автограф, толком не зная, кто она такая. Это и есть популярность, на ней люди годами живут. Как сдувшийся остзейский барон Крис фон Кельми – певец, который уже двадцать лет не был в хит-парадах, но зато любая газета охотно напишет, сколько тот съел и выпил на тусовке... Чудовищно хочется курить. Заветный конверт с баблом приносят примерно через двадцать минут после выступления, у нее есть чуток времени. В помещении клуба официально запрещено курить, здоровый образ жизни пропагандирует лично император. Но на то и законы, чтоб их обходить – она *слиняет* на лестницу, высосет папироску с ментолом и вернется обратно.

Когда Кшесинская вышла к ступенькам, обув тапочки в форме плюшевых зайцев («сменка», чтобы уставшие ноги отдохнули), ее ждал неприятный сюрприз – у перил одиноко жалась личность, одетая в черный костюм с рожками, с пристегнутым поверх плащом, один из многочисленных бесов на этой безвкусной вечеринке. Опять автограф, боже ты мой.

Черная личность скользнула к ней, робко и подобострастно вздрагивая, на ходу доставая из недр костюма блокнотик дрожащей от восторга рукой.

– Простите, – сказал «бес» бархатным голосом. – Можно попросить... эээ...

Она была готова ткнуть в глаз этой твари папиросой. Покурить спокойно не дадут. Но ничего не поделаешь – она звезда, такова плата за популярность.

– Кому подписать? – обреченно спросила Кшесинская и полезла за ручкой.

Вместо ответа «бес» метнулся к ней за спину. Лево́й рукой в кожаной перчатке ей намертво зажали рот, а правой грубо сунули в нос мокрый платок. Отчаянно вырываясь, балерина непроизвольно втянула ноздрями воздух. В голову ворвался сладкий запах – лестница исчезла, «поплыл» в тумане. «Хлороформ», – успела подумать Кшесинская и отключилась.

Человек в костюме беса вытащил из кармана запасную маску и быстро натянул ее на лицо балерины. Взяв девушку на руки, он начал спускаться вместе с телом по лестнице к безлюдному черному ходу. А если он вдруг станет «людным», то на вечеринке все в масках, оправдание же простое – мадемуазель перепила шампанского, ее срочно надо отвезти домой.

Буквально через две улицы от клуба, где только что похитили Кшесинскую, на пятом этаже офисного здания сидела Алиса фон Трахтенберг – смертельно уставшая, с черными кругами под глазами на побледневшем от недосыпания лице. Водрузив на пуговку носа стильные очки (которые не носила на публике из тщеславия), она вдумчиво изучала анализ ДНК, полученный в ходе исследования частиц «чужой» слюны, замерзшей на трупe жертвы. Срочный, сделанный «на бегу» анализ вышел неважно, основные данные выяснили поверхностно, но и этого хватило, чтобы **одна вещь** заставила ее всерьез занервничать. Громко постукивая карандашом по глянцевой поверхности стола, Алиса всеми силами отгоняла навязчивую

мысль, насквозь просверлившую голову. Но мысль, как ей и положено в подобных случаях, вовсе не думала исчезать. Открыв папку Crime на компьютере, баронесса еще раз прочитала столбец из латинских букв и цифр: восемь лет назад во время летней практики в архиве Скотланд-Ярда она скопировала этот документ на дискету. Просто так, на память.

– Черт с ним, – неожиданно сказала Алиса. – Пусть меня все сочтут стопроцентной идиоткой, но я обязана это сделать. Хотя бы для самой себя.

Она сверилась с записной книжкой, сняла трубку стоявшего на столе факсового аппарата и набрала номер. Дождавшись соединения, Алиса вежливо произнесла несколько фраз по-английски. Получив через минуту ответ, поблагодарила и повесила трубку обратно. Взяла со стола листок с анализом ДНК, нетерпеливо вставила его в лоток факса. Ее пальцы быстро пробежались по круглым кнопкам. Дождавшись гудка, Алиса нажала Start...

Глава четырнадцатая Omerta

(22 февраля, вторник, вечер)

Уткин почтительно склонился, целуя морщинистую руку с платиновым перстнем на указательном пальце, в самый центр толстого кольца был вставлен переливающийся гранями крупный якутский бриллиант.

– Дон Бигганов, от всей души благодарю вас за приглашение на свадьбу вашей дочери, – сказал он прерывающимся от волнения голосом. – Я очень надеюсь – первый ребенок будет мальчик.

Глава самой влиятельной московской «семьи» дон Бигганов – лысый человек лет шестидесяти, с бородавкой на подбородке и тяжелым взглядом – был одет в серый костюм ручного пошива. На его голове покоилась щегольская фетровая шляпа такого же цвета, на ногах красовались ботинки из кожи молодого жирафа.

В пальцах свободной от поцелуя левой руки он держал незажженную гаванскую сигару – из тех, что юные кубинские девушки сворачивают на собственном бедре.

По обе стороны старинного кресла под балдахином (в котором восседал Бигганов) наподобие восковых фигур замерли два человека с квадратными челюстями, держа наперевес короткие автоматы Федорова¹⁷. В четырех углах комнаты гнездились плюшевые диваны популярнейших расцветок: помещение было отделано самим Джанни Версаче. Дизайнер недальновидно задолжал дону Бигганову энную сумму денег, и босс стал единственным в мире человеком, которому маэстро Версаче лично поклеил обои, побелил потолок и отциклевал паркет. К огорчению Бигганова, это было довольно давно.

– Честно говоря, дорогой Уткин, я не ожидал увидеть тебя здесь, – пыхтел он, глядя на склоненный затылок визитера. – Мы с тобой знакомы уже много лет. Но я не могу припомнить, когда ты в последний раз пригласил меня на чашку кофе. А ведь моя жена – крестная твоей дочери. Ты отклонил мою дружбу, ибо, как я подозреваю, хотел завести свою собственную «семью»...

Уткин в ужасе поднял голову, оторвав губы от надушенной руки Бигганова.

– Нет-нет, дон, что ты... как я мог... ничего подобного... это все наветы...

– Ты не нуждался в доне Бигганове, – поднял тот ладонь. – Я оскорблен в своих лучших чувствах. Вот и сейчас – ты пришел на праздник, но что ты даришь? Эксклюзивные улы на

¹⁷ В 1916 году оружейник В. Г. Федоров изобрел первый автомат. Логично думать: если бы революции не произошло, он стал бы главным автоматическим оружием империи.

электронном управлении? Медовую пасеку с отборным роем пчел? Я уж не говорю о серии интервью таблоидам, когда ты обвинил меня в том, что я зажимаю региональных донов, требую отчетов по каждому грамму реализованного кокаина, а также единолично заправляю финансовыми потоками «семьи». Это нарушение *omerta*, дорогой товарищ.

Обращение «товарищ» было особым знаком принадлежности к той или иной «семье» – так обращались друг к другу члены мафии по старой памяти, еще со времен полузабытых съездов РСДРП (б).

Дон закрыл глаза, словно священник на молитве, – это был знак. Долговязый человек в серой хламиде, с полностью выбритой головой, неведомо как возникший за спиной Уткина, ловко накинуд на его шею гарроту – узкую испанскую удавку. После того как гость замолк, громилы, покинув место у биггановского кресла, оперативно завернули труп в толстую полиэтиленовую пленку.

– Крови нет? – деловито осведомился Бигганов.

– Конкретно обижаете, дон, – бесцветно сказал худой человек в сером. – Я все делаю так, что не остается ни малейшего следа, вы же знаете.

Дон и в самом деле это знал. Киллер Сидоренко работал на многие «семьи» исключительно в одиночку – этого человека вызывали для особых случаев, когда надо профессионально кого-то «убрать»: от купца до министра. Убивал Сидоренко бесшумно и виртуозно. Про его работу ходили будоражающие слухи: мол, этот парень в одиночку замочил целую «семью», в числе заказчиков называли Ивушкина. Брал он дорого, но своих денег стоил.

– Как прикажете оформить? – скучно спросил Сидоренко, доставая электронную записную книжку. – Тело – в Москву-реку или довести до Черного моря? Бетон какой будем брать – подороже или подешевле?

– Подороже, конечно, – почесал за ухом Бигганов. – В прошлый раз взяли китайский бетон, и пожалуйста – в воде раскрошился, все трое всплыли.

Дела Бигганова между тем шли из рук вон плохо. Падали доходы от героина, стремительно дешевел ЛСД, траву после легализации не хотели брать даже даром. От «семьи» отпочковались сразу с десяток капо¹⁸, решив стать донами. Оставшиеся боевики на «стрелках» открыто ворчали – доном пора сделать более инициативного и молодого мафиози. Парочка особо ретивых комментаторов оказалась в Москве-реке с забетонированными ногами, но ситуации внутри «семейства» это не улучшило. Кроме того, большую конкуренцию в бизнесе составила новая «семья» – «Муттерланд», заручившаяся покровительством императорского двора. Это семейство «крышевало» азербайджанских зеленщиков. На счастье босса, в «Муттерланде» начались раздоры, и трех донов нашли на речном дне с пулями в головах: «семейству» Бигганова удалось вернуть свои позиции на рынке помидоров и редиски. Однако в целом ситуации это не улучшило. Лавочники отказывались платить за «крышу», «толкачи» предпочитали брать героин напрямую у афганцев, стриптиз-трактиры и казино поджигали агенты соперников. Боевики Бигганова все чаще гибли в перестрелках с враждебными семействами, а капо перебегали на сторону конкурентов. Несмотря на это, Бигганов не мог признать киллеру в своей финансовой несостоятельности, подрастерявший большую часть прежнего лоска, он по-прежнему обязан был выглядеть главным мафиозным доном империи.

...Киллер, нажимая клавиши электронной записной книжки, составил смету, включающую бетон, прозрачную пленку, грузчиков и транспорт: у глаз дона высветились цифры на табло – 10 тысяч евро. Подавив вздох, Бигганов вальяжно кивнул и щелкнул пальцами: один из громил достал из кармана золотую карточку Visa и шагнул к Сидоренко, уже державшему в руках мобильный терминал для кредиток. Получив оговоренную сумму за работу, киллер

¹⁸ В сицилийской мафии глава отдельной команды, состоящей из 10–12 боевиков. Представление в капо делает подручный дона, но обычно капо назначает лично дон.

(заботливо шлепнув печать) отдал Бигганову его копию кассового чека. После расчета он вновь достал записную книжку.

– У нас в «списке мертвецов» имеются другие люди, – скрипуче произнес он. – В их числе женщина, из космонавтов – ваши бывшие капо, решившие стать донами. Кому-то надо доставить рыбу в знак того, что им на днях придется переместиться на речное дно. И тут, увы, я требую повышенной оплаты: свежая рыба стоит дорого, карпа я не достал, пришлось купить сома. Из-за таких жестких мер скоро у вас вообще не останется капо, хе-хе-хе...

Бигганов был не очень расположен к веселью.

– Omerta – «закон молчания», – промолвил он, пристраивая язычок золотой зажигалки под сигару. – В старину, вступая в РСДРП (б), каждый давал клятву, что не будет разглашать секретов партии. Те, кто стучал охранке, подлежали казни – нынешние традиции пошли от этого. Например, тот же падроне Гапон, которого в 1906 году повесили в Озерках на брючном ремне. У партии даже работали специальные палачи, сделавшие впоследствии успешную карьеру в «семействах», профессионалы нужны везде.

– Безусловно, – с кислым выражением на лице кивнул Сидоренко. – Кто платит, тот и заказывает балалаечников. Однако вы сказали, у вас ко мне какое-то очень серьезное дело... вы хотите, чтобы мы говорили наедине?

– Нет, – ответил Бигганов. – Эти люди – моя правая рука, и я доверяю им как самому себе. Они видели твое лицо много раз, но немые как рыбы.

– У человека, дон, не может быть сразу две правые руки, – ощерился Сидоренко. – Что я могу сделать для вас? Любой каприз за ваши деньги. Учтите, если работа очень емкая и сложная – вы знаете мой прайс.

– Работа как раз именно такая, – предостерег дон Бигганов. – Однако оплачена она будет по-королевски. Так, как тебе еще никто не платил.

Он сделал многозначительную паузу, выдохнув сигарный дым.

– Пятьдесят тысяч золотых.

– Ого, – обрадовался Сидоренко. – За такие деньги я размажу любого.

– Кто бы сомневался, – усмехнулся дон Бигганов. – Но поверь, тут реально тяжелый заказ. Я сам не знаю, **кого именно** тебе следует убить.

– Не проблема, – пожал плечами киллер. – За такое-то бабло... даете просто адрес дома, дальше я уже сам подвезу к подъезду грузовик с тротилом...

Охранники у кресла с балдахином мрачно переглянулись.

– Да нет, – прервал его дон. – Если бы все было так просто. Ты уже, разумеется, слышал про доморожденного серийного убийцу, которого пресса окрестила Ксерокс за прямое копирование Джека Потрошителя?

– Еще бы, – ответил Сидоренко, разгоняя ладонью плотный дым сигары. – Сейчас про него только глухой не слышал. Поглядел утром на фотки в газете, что он с Колчак сделал, чуть самому плохо не стало.

– Ты дико нежный, – ухмыльнулся Бигганов и заломил назад шляпу. – В общем, этот парень всего за пару дней нанес нам такие убытки, какие мы не несли даже при отказах выдать выигрыш в казино, когда клиенты применяли гранатометы. Сегодня мы лишились полусотни тысяч, а завтра потеряем вдвое больше. После убийств Колчак и Виски и похищения Кшесинской у нас вал отказов – звезды перепуганы насмерть, никто не хочет работать в клубах и казино. Соответственно придет меньше гостей, доход упадет, и наши отчисления за «крышу» похудеют, как фотомодель от анорексии. Смекаешь?

– Ага, – холодно сообразил Сидоренко.

– Сколько времени легавые будут искать этого урода, никто не знает, – прикусил сигару Бигганов. – Им-то куда торопиться? Нам же приходят кранты. Еще парочка распотрошенных звезд – и мы на помойке окажемся.

– И чего он Тимотэ не зарезал? – потер вспотевшую шею Сидоренко. – Тоже ведь какая-никакая, а все-таки звезда. Трудно ему, что ли? Сколько людей в ноги поклонится, спасибо скажет. Я бы, честное слово, даром его убил. Только правила не позволяют – работаю только за деньги, маме на смертном одре обещал. Хотя, конечно, если вы дадите хотя б одно евро, я попробую...

– У Тимотэ дядя – лицо, приближенное к императору, – хмуро сообщил Бигганов. – Этот певец – психоразрушающее оружие, он наверняка специально раскручен министерством двора, чтобы отвлечь молодежь от революционных идей. Я это давно подозреваю. Если честно, мне на него и десять центов жалко. А вот то, что казино осталось без попсы, серьезная проблема – туда ходит специфический народ за шансоном или сиськами, они гангста-рэп не слушают. Ставлю вопрос ребром: нужно как можно быстрее выследить и убить Ксерокса. Каждый день простоя клубов и казино стоит нам бешеного бабла. Я не знаю, как ты это сделаешь. Просто сделай.

Киллер замер, что-то подсчитывая.

– Сто тысяч, – сказал он и облизнул губы.

– Семьдесят, – попытался торговаться Бигганов.

– Нет, – хладнокровно упорствовал киллер. – Я не могу вам уступить ни единого евро, дон. Это сложная работа – убить парня, который опасен сам по себе, да к тому же по его следу идет легион полиции с жандармами.

Однако Бигганов тоже был не лыком шит.

– Семьдесят, – тяжело повторил он. – И ни центом больше. Но за те же деньги я включу в заказ Тимотэ. Мы даже можем отметить этот факт в контракте.

Сидоренко попытался бороться с собой, но у него ничего не вышло. – О'кей, – сказал он, и в голосе его смешались сожаление и экстаз. – Будь по-вашему, дон. Я это сделаю.

...Дон Бигганов потушил сигару в услужливо подставленную ладонь охранника – тот даже не поморщился. Босс встал с кресла, телохранитель с автоматом обеими руками накиннул на него плащ, держа материю за края.

– Мой адвокат все оформит, – бесстрастно произнес дон, глядя в прозрачные глаза Сидоренко. – Я надеюсь, ты деловой человек и понимаешь: если возьмешь аванс, а договор не будет выполнен... последуют санкции.

Киллер кивнул. Его лицо превратилось в застывшую маску.

– И учти – наказание окажется строгим, – продолжил Бигганов. – Например, я могу пересмотреть свое мнение по поводу заказа на Тимотэ...

– Не надо, – вздрогнул убийца. – Вы меня знаете, дон. И вас, и других я никогда не подводил. Я найду этого сукина сына. Обязательно найду.

Он склонился, целуя руку, – на указательном пальце искрой полыхнул алмаз.

Глава пятнадцатая

Совпадение

(22 февраля, вторник, почти полночь)

Каледин пришел домой раньше своей бывшей жены – это удивило его, но не сказать, чтобы так уж очень. Звонить ей он, конечно, не стал, дабы не показать, что беспокоится. Сняв верхнюю одежду и обувь, Федор перебрался на кухню, поближе к маленькому телевизору, достал из холодильника кильку в томате и открыл ее консервным ножом – на скатерть брызнул розовый соус. Есть кильку он не стал. Каледин был реалистом и соображал – при частом поедании содержимого таких вот банок его настигнет язва желудка. Зато когда придет Алиса, он примет вид истощенного существа и получит свою свиную отбивную. Так бывало всегда

после развода – тем более что готовить Каледин хронически не умел. Из всех кулинарных изысков ему удавались только вареные сосиски, да и то не каждый раз. Пару килек, впрочем, для затравки он съел, чтобы экс-супруга увидела початую банку и поняла, как он страдает от голодных спазмов.

...Алиса, однако, все никак не появлялась. Дабы немного отвлечься, Каледин включил телевизор – на Главном канале как раз шло ток-шоу Малахитова.

– Итак, сегодня гость нашей студии – автор романов ужасов Порфирий Профанов, – Малахитов орал так, что половину фраз не было слышно. – Этот господин высказал самую интересную версию, объясняющую серию мистических убийств в центре Москвы. Аплодируем нашему гостю!

Дождавшись, пока Профанов – грузный мужчина лет шестидесяти, с испитым желтым лицом, пройдет внутрь студии и сядет в белое кресло, ведущий хищно повернулся к нему, блеснув зубами и микрофоном.

– Порфирий Андреевич, повторите ваше сенсационное заявление.

– С удовольствием, – молвил Профанов, поудобнее устроиваясь в кресле. – Все эти смерти – жертвоприношения, организованные ЦРУ. Их главная цель – захватить наших пчел и медовые пасеки, а также сместить с трона святого помазанника, дарованного Господом, – возлюбленного государя. После этого, как полагают враги империи, они смогут даром получать российский мед.

«Как забавно меняются люди, – слизнул с пальца соус Каледин. – Сначала-то Профанов этого самого „возлюбленного государя“ называл „тряпкой“, слыл ярим республиканцем, призывал к революции, а теперь за край горностаевой мантии считает за счастье подержаться. Интересно, это бабло так магически на людей действует или у него правда сдвиг произошел?»

Корневой патриотизм в последние три года стал страшно модным в империи. В Госдуме начали появляться известные политики, одетые в вышитые посконные рубахи и тяжелые бобровые шапки, во время дискуссий потрясали посохами, в обиход вошли забытые выражения: «гой еси», «житие мое» и «поелику» наравне с «зело». Новый государь показал крайнее упорство в православной вере, и купцы тут же побежали жертвовать деньги на храмы – в результате церковью стало столько, что их пришлось строить в метро (на земле места не осталось), и пассажиры ехали от станции к станции под колокольный перезвон. По примеру императора и великих князей, совершавших, согласно современному монархическому этикету, парадные выезды в золоченой карете с форейторами на запятках, в кареты пересели и министры – ежедневно на Шляпинской авеню возникали пробки из экипажей. Горячие головы поговаривали – империи пора выйти из военного блока «Антанта», чтобы более не отождествлять себя с «богопротивным» Западом, но император считал иначе: ему нравилось посещать европейских монархов и кушать в их компании лобстеров. В популярных московских кафе к салату «Цезарь» подавали исключительно хохломские ложки, а суши предлагалось подхватывать мини-лаптем, раздвоенным на конце. Барышни, одетые в мини-сарафаны от Bulgari, пересекали по улицам с iPod на груди; купцы, вспомнив моду предков, скупали хромовые сапоги и картузы; в американских закусочных, сразу уловивших новое поветрие, появился гамбургер «МакБоярин». Запад все это страшно напугало. В Европарламенте слышались громкие заявления: надо срочно искать других поставщиков недорогого меда, поскольку Россия становится опасной и непредсказуемой монархией. Мед, однако, дешевле никто не продавал, а если и продавал, то это было полное говно. Поэтому Западу оставалось лишь надеяться на главного революционера – сбежавшего в Лондон купца первой гильдии Платона Ивушкина. Тот в частых интервью бил себя в грудь и обещал: как только он свергнет царя, мед будет раздаваться бесплатно всем желающим.

– Черное зло вырвалось на свободу, целуя нас взасос безгубым ртом, – загудел Профанов. – Его костлявые, кожистые крылья машут над страной, закрывая солнце, а из клыкастой пасти капает ядовитая слюна. Мертвецы встают из могил, снимая с рук облезшую кожу, как

лайковые перчатки. Русалки, безумно хохоча, воют со дна темных озер... И только святые старцы в подземных скитах молятся за императора, за его невинную душу...

Сделав паузу, Профанов затянулся отлично свернутым косяком.

– Извините... что вы сказали? – выдавил из себя Малахитов.

Вместо ответа Профанов охотно протянул ему косяк. Малахитов сделал пару затяжек – и в глазах его появился тот же жизнерадостный блеск.

– Ууууу, блин, – сказал он, наблюдая за колечками дыма. – А я-то гляжу, и верно... кожистые крылья с русалками в скитах... хахахахахааа...

«Вот ядреная трава, – завистливо подумал Каледин. – Знают же люди места! И где мне такую достать? Вечно в кафе барыги лажу бодяжат». Трава была официально разрешена новым императором, воодушевленным визитом в Амстердам, где местный король на приеме предложил ему раскумариться косячком. После «лигалайза»¹⁹ в империи случился бум марихуаны – ее выращивали даже на балконах и в офисах вместо фикусов. Спohватившись, государь решил упорядочить употребление травки и понастроил кафе по принципу амстердамских – правда, народ к ним еще не привык. Творческие же люди по привычке употребляли косяки весьма активно, поэтому на телешоу «Секунда известности» в жюри вообще стоял дым коромыслом.

В замке повернулся ключ, и Каледин немедленно придвинул к себе баночку с кильками. Приняв выражение крайнего страдания, он нахмурил лоб и сосредоточенно уставился в телевизор. Алиса вихрем ворвалась на кухню в шубе и ботинках, оставивших на белом линолеуме грязные следы.

– Мне нужно срочно с тобой поговорить! – заявила она с порога.

Каледин, картинно державший на вилке рыбку тушку в томате, тонким звериным чутьем понял – никаких шницелей ему сегодня не обломится. Издав горловой звук, он отложил двузубую вилку в сторону.

– Садись, – кивнул он на табурет, сохраняя оттенок страдания в голосе. – У меня тоже есть новости. Что случилось? Ты обнаружила доказательства причастности британской королевы к смерти принцессы Дианы? Государь тебе княжеский титул пожалует – отношения с Британией у нас хреновые.

Калединский сарказм не остался без внимания.

– Дурак, – безапелляционно взвизгнула Алиса. – Вы там собираете свои идиотские совещания, толчете воду в ступе, опрашиваете свидетелей, приглашаете медэкспертов. А я в одиночку обнаружила *такое*, что поставит вашу контору на уши. И в тот момент, когда я прибегаю срочно посоветоваться, все, на что тебя хватает, – это твои дебильные шуточки!

Каледин с сожалением посмотрел на кильку и временно посерьезнел. Алиса бесцельно перебирала пальцами пуговицы шубы, ужасно волнуясь.

– Я тебя слушаю, – произнес он, выключив сатанинскую улыбку.

Алиса положила перед ним два документа: один – распечатанный на принтере, другой – полученный по факсу, оба на английском языке. Каледин склонился над листами, Алиса же, наконец, поняла, что ей жарко в шубе. Отнеся одежду в шкаф, она вернулась, стремясь унять дрожь в руках, открыла буфет, где стояла наполовину пустая бутылка шустовского коньяка. Налила себе рюмку и залпом выпила, не глядя, закусив калединской килькой в томате, ухватив ее большим и указательным пальцами прямо из банки.

Каледин поднял глаза от бумаг – по размерам они вполне смогли бы заменить окуляры бинокля. Первую минуту он был не в силах произнести нужные слова – выплевывал их с трудом, как заезженная пластинка.

– Скажи... мне... честно... как на духу... ты все ЭТО... подделала?

¹⁹ Legalize – движение за разрешение легких наркотиков.

Алиса безвольно села рядом, налив себе еще одну рюмку, однако сломленный новостью Каледин показал недюжинную резвость: выхватив ее из-под носа у экс-жены, он молниеносно выплеснул коньяк в собственный рот.

– Нет, – сказала Алиса, переключившись на кильку. – В том-то и дело, что нет. Данные ДНК показались мне знакомыми. Когда я училась в Оксфорде, мы ездили на практику в Лондон и подробно изучали это досье в архиве – оно крепко запало мне в память. Все доказательства хранятся в Музее криминалистики при Скотланд-Ярде, последние исследования были проведены в 1994 году, ДНК прекрасно сохранилась. Это присланная в полицию почка проститутки со следами зубов и открытки, написанные кровью. Меня сразу начала терзать мысль о явных совпадениях. Поэтому вечером я послала факс с результатами теста ДНК нашего подражателя в архивный отдел Скотланд-Ярда, где работает мой бывший преподаватель...

Каледин в крайнем волнении поднялся с табуретки.

– Но ты понимаешь, что это вообще значит? – прохрипел он, тряся листками перед собой и слегка заикаясь. – В ответном факсе Скотланд-Ярда сказано: **ДАННЫЕ ДНК ЭТИХ ДВУХ ЛЮДЕЙ СОВПАДАЮТ – ОДИН В ОДИН.**

– Нет, – поправила его Алиса. – Совсем не так. Дело обстоит еще хуже.

Она повернулась, глядя прямо в расширенные зрачки Каледина.

– Судя по ДНК, убийца женщин в Лондоне 1888 года и в Москве 2008-го – один и тот же человек, – подвела черту Алиса. – Вот и вся разгадка.

Каледин побледнел так, что вполне гармонировал с кухонной плитой. Если бы ему на уши повесили немытые кастрюли, он слился бы с ней полностью.

– Сумасшествие... – еле слышно произнес он. – Ты расцениваешь это таким образом, как будто подражатель и в самом деле может быть...

– Это совсем не подражатель, – сказала Алиса. – Вся наша проблема в том, что нынешний московский убийца **И ЕСТЬ ДЖЕК ПОТРОШИТЕЛЬ.**

В чистом лунном свете за окном не было видно ни единой снежинки. Хлопнула раскрытая форточка – в комнату ворвался ледяной ветер...

Глава шестнадцатая

Комната страха

(23 февраля, среда, начало суток)

Девушка уже не плакала – привязанная за руки и за ноги к ржавой железной кровати, она безразлично наблюдала за неспешными приготовлениями убийцы. Очнувшись от паров хлороформа, брюнетка сразу поняла, в чьих руках находится, и самое главное – что с ней сделают. Стандартные мольбы о пощаде и обещания заплатить выкуп действия не возымели, да и не могли возыметь: этот человек совсем не заинтересован в деньгах. Черная маска на лице ее не обманула – она являлась данью театральному ритуалу, а вовсе не реальной необходимостью. Кшесинская знала, что умрет. Ее заботили лишь две вещи – чтобы это случилось быстро и главное – безболезненно. По крайней мере, он твердо обещал это ей в перерывах между криками о помощи. Пониженный до шепота голос – приятный и нежный, кажущийся удивительно знакомым... Девушка пытается, но не может вспомнить – кому же принадлежит этот мягкий, бархатистый тон. Похититель не заткнул ей рот, дав вдоволь наплакаться: глаза из-под маски светились тусклым блеском. Он удивительно спокоен. Наверное, так в деревнях мужики заходят в хлев, чтобы зарезать поросенка под Рождество. К чему волноваться? Проблемы ведь у поросенка – пусть он и волнуется.

Она буквально спинным мозгом ощутила, что момент пришел: одновременно с ее мыслью убийца поднялся с пола, положив голубой мелок на подоконник. Так вот почему именно тот поросенок, которого собрались резать, начинает метаться между собратями, флегматично жующими отруби. *Когда смерть приходит именно за тобой, ты всегда чувствуешь ее.* Он стоял перед ней, держа в правой руке нож – лезвие из отличной стали, широкая выемка для кровостока. Прикусив губу и вздрагивая, Кшесинская обреченно закрыла глаза. Убийца ласково провел перчаткой по ее лицу от лба до подбородка – будто извиняясь. Затем положил нож на простыню – обе его руки легли на горло девушки, он крепко сжал шею, раздался хруст шейных позвонков. Сняв перчатки, он вышел на кухню, бросил их в раковину с грязной посудой и достал из кухонного шкафа полиэтиленовый мешок. Закрепив его под подбородком еще теплого тела, убийца зашел сзади: наклонив послушную голову влево, взял в ладонь рукоятку ножа – лезвие сверкнуло, проникая глубоко в плоть. Глядя, как дымящийся *бальзам* наполняет емкость, он терпеливо стоял, ожидая, пока упадет последняя капля. Взяв полный мешок с колышущейся на поверхности красной пеной, он отнес его к холодильнику, занимавшему половину кухонного пространства, в таких на бойнях держат свежее мясо. Для длительного хранения *бальзама* требуется определенная температура.

Процедура длилась, как обычно, всего пятнадцать минут. Вскрыв *ларец* с помощью отточенного лезвия, достал из него *сокровища* и бережно разложил вокруг. А в самом конце, усердно потрудившись (с детства привык приберегать сладкое напоследок) и забрызгав руки по локоть *бальзамом*, убийца извлек *артефакт* – главный источник жизни на Земле. Стоя на коленях перед иссеченным *ларцем*, он поднял *артефакт* на окровавленных ладонях. Сохраняя почтение, благоговейно поцеловал, оставив на окровавленной поверхности четкий отпечаток губ. Наслаждаясь первозданной красотой *артефакта*, он долго не мог оторваться от захватывающего зрелища. Любуясь, убийца осторожно положил сочащуюся кровью массу в нужную выемку среди начерченных мелом голубых линий. К счастью, снаружи сегодня царствует Луна, жаждущая напитать божественный *артефакт* необходимой ему энергией. Теперь пора погрузиться в медитацию, а после выхода из нее – отвезти *ларец* с *сокровищами* в город, вернуться и лечь спать, ему рано вставать на работу. Его лицо отекло от бессонницы, но ничего не поделаешь – когда приходит период *процедур*, времени ни на что не остается. Отдохнет потом. На пляже.

На полу вспыхнули пять черных свечей. Он сел в позу для медитации и мгновенно, буквально за две минуты, вошел в транс. На этот раз он увидел себя в Лондоне – в одном из грязных сырых переулков осеннего Ист-Энда. От него, крича, убегала женщина, а он гнался за ней, и крылатка на плечах величаво развевалась при мертвенно-бледном свете Луны. Без особых усилий он догнал ее, оглушил ударом, сомкнул руки на горле. Едва дождавшись, пока женщина утратит жизненные силы, он нетерпеливо вскрыл ее *ларец*. В центр головы ударили белые, отлично видимые лучи энергии, исходившие из *ларца*, сотрясая невиданными ощущениями, заставляя подавлять вопль удовольствия. Жилы наполнились бурлящим огнем, мозг опутали щупальца, запускавшие свои отростки во все главные центры наслаждения. Никто не знал, что дают *ларцы*. Это был его секрет.

Он увидел газеты, напечатанные на дешевой бумаге, с аршинными заголовками: «ДЖЕК ПОТРОШИТЕЛЬ НАНОСИТ УДАР СНОВА». Конечно, посылка в Скотланд-Ярд лишнего, ненужного ему *артефакта*, сопровождаемого письмом с кучей грамматических ошибок, была глупым хвастовством, излишком мальчишества, что не пристало такому умному и серьезному человеку, как он. Дескать, поймите меня, если сможете, тупоголовые кретины. Впоследствии он устыдился – не следует так откровенно работать на жадную до сенсаций публику. Настоящий мастер никогда не покажет своего истинного лица. Но был и жирный плюс – письмо, отправленное в полицию, стало настоящей пиар-кампанией, превратившей имя монстра Ист-Энда в торговый бренд. Если бы он мог его зарегистрировать, то давно бы стал богаче Билла

Гейтса. Один фильм «Из Ада» с Джонни Деппом дал бы ему пять лет отдыха на Мальдивах. Миллион исследователей, режиссеров, историков и профессоров разной степени учености в разное время пытались выяснить – кто же на самом деле таинственный Джек Потрошитель?

Однако никто из них не угадал.

Именно тогда он придумал, что должен выглядеть именно ТАК, и за прошедшие десятилетия его имидж укрепился, сделавшись каноническим, превратившись в незыблемую классику жанра. Можно сказать, он стал своим собственным стилистом, оттачивая до мелочей демонический образ. В этом мифическом антураже, весьма далеком от реального, он обязан был предстать перед жаждущей адреналина публикой – зловещая фигура в полумраке лондонских улиц с окровавленным ножом в руке. Надо признать – у него отлично получилось. Многие версии оскорбляли его артистическую натуру. Скандальные журналисты писали: он убивал проституток, потому что был психом, больным сифилисом. Какими низменными вещами люди порой пытаются объяснить вещи, не подвластные их разуму! В последующие годы у него появилось сто тысяч подражателей – разумеется, их всех поймали, этих никчемных любителей, убивавших бедных женщин ради своей низменной похоти. Их действия помогали ему, как сейчас: он всегда мог замаскироваться под кого-нибудь из целой армии низкопробных клонов. Нет, дорогие мои, он вскрывал те *ларцы* в Лондоне вовсе не из-за сифилиса.

Его настоящая цель была совершенно другой.

Пламя сомкнулось в мозгу новой ревущей волной, обдав жаром, непроизвольно вскрикнув, он открыл глаза, посмотрел на часы – да, уже довольно поздно, улицы пустые, городские мерзнут на перекрестках, не обращая внимания на машины. К тому же они ищут желтую тачку извозчика, а он ее уже перекрасил (табличка с шашечками покоится в багажнике). Полицейские толпами рыщут по глухим переулкам Москвы. Ждут, что он вытащит им под нос *ларец* и разложит вокруг него *сокровища*? Напрасно. Он же гений и любит рисковать. Сегодня он раскроет *ларец* в двух шагах от Кремля и может ставить на спор собственную голову: его никто не заметит. Он умеет сливаться с собственной тенью. Убийца вытер слюну, выступившую в уголке рта. Голова кружилась, покалывало в висках – ему еще вести машину, – хорошо бы принять таблетку. Одевшись и отмыв в раковине перчатки, он бросил аспирин в стакан с водой, услышав шипение. Интересная вещь. В его времена не то что растворимых лекарств, и аспирина-то не было. Застегнувшись на все пуговицы (на улице свистел ветер), он подошел к распростертой на кровати девушке – темные пряди слипшихся от крови волос безжизненно свисали с подушки, глаза закрыты, побагровевший язык прикушен. На живот было лучше не глядеть.

Перебросив тело в мешке через плечо, он вышел на улицу, направляясь к гаражу. Интересно, увлекшись игрой в Потрошителя, полицейские не ведают о его другой, истинной ипостаси – она тоже иногда встречалась в фильмах ужасов, но значительно реже. И если лондонского маньяка узнавали все – от младенца до старика, то эта ипостась большинству была неизвестна. Хотя она значительно страшнее Потрошителя. Во много сотен раз страшнее.

Самое главное, что так и не удалось узнать лондонской полиции, – те пять жертв в Ист-Энде были далеко не первыми. И звали его вовсе не Джек.

Часть вторая «Пожиратели душ»

Добро пожаловать на смерть. Зло растет, сжигая плоть изнутри.

Я уже не тот, что был прежде, – смогу ли я остановить этот страшный сон?

Blind Guardian. Welcome to Dying

Глава первая Жрецы Мельпомены

(23 февраля, среда, полдень)

Ипполит Мельхиоров дрожащей с похмелья рукой взял с фарфорового блюда вишенку, раскусив ее покрытыми налетом желтизны зубами. Вишенка, как и ожидалось, натужно лопнула, усладив язык запахом дешевого коньяка. Свежие вишни и клубнику в зимней Москве можно было купить только в бутике купца Елисеева, доставлявшего их авиалайнером из Парижа, – стоимость ягод, как и, собственно, самолет, была реактивной. Устроители приема зажались, пожалев бабла на *свежак*, и ограничились консервированными фруктами в алкоголе. От коньячного вкуса Мельхиорова чуть не стошнило, хотя вторая вишня «пошла» лучше – режущая боль в голове начала уходить. Нет, хватит – больше на корпоративы в гусарский полк он ездить не будет. Всегда одно и то же – сначала спой им «Боже, царя храни», после цыганский хор, а в конце садятся в преферанс играть. А какой преферанс с пьяных глаз? Мало того что весь гонорар просадил, так еще и голова болит так, что хоть снова езжай к гусарам одолжить «наган» застрелиться. Голову с утра помыть не смог, теперь похож на пуделя, плавающего в оливковом масле – самому противно в зеркало смотреть.

Кто-то нежно погладил его по локтю. Морщась, Мельхиоров обернулся.

– Ипполит, ты слышал? – к нему робко жался перепуганный танцор Борис Авраамов, изящно держа в руке бокал пунцового бордо. – Третий труп сегодня нашли. Как ужасно, правда? Бедняжка Кшесинская... он ее ножом и так и эдак... я отказался от всех вечерних выступлений, даже с охраной... не хочу в темное время суток появляться на улице и в такси один не сажусь.

– А тебе-то чего бояться? – удивился Мельхиоров. – Он же девок убивает.

– Нууууу... – многозначительно протянул Авраамов, кокетливо моргнув накрашенными ресницами и томно поправив золотую сережку в ухе.

– Ах да, – спохватился Мельхиоров, бросая в рот сразу две вишни. – Тогда вопросов нет – тебя он зарежет. Но если только вслепую. Ты на девку не похож: хотя следует отдать тебе должное – очень активно стараешься.

– Ты тоже, – огрызнулся Авраамов и ушел в сторону пирожных.

Мельхиоров пошарил по карманам – денег на аристократический опохмел не было, завалялась лишь мелкая монетка в пять алтын. С тех пор как он развелся с женой – 70-летней статс-дамой Стеллой Пугачевой (которая была старше Ипполита на полвека), его эстрадный бизнес стал хромать – спасали только гусарские корпоративы. Сейчас он приглядывал себе новую супругу – сербскую княгиню Людимиру Мурченко: ей было примерно под сто, но благодаря такому же количеству пластических операций она выглядела на двадцать лет моложе.

Горестно решив, что на безрыбье и рак рыба, Мельхиоров нацедил себе дрянного, однако бес-
платного шампанского.

Возле блюд со сладостями стайкой собрался народ: жуя птифуры, звезды обсуждали выборы
в Госдуму и партийные рекламные концерты, на устройстве которых можно *срубить хорошей
капусты*, – тема волновала всех. Первым этот метод опробовал шеф генеральской хунты Кор-
нилов, когда пригласил рекламировать правительственную партию Вертинского и Веру Холод-
ную, разъезжавших по империи под примитивным, но доходчивым лозунгом: «Царствуй над
нами, царь православный». Однако сейчас среди большинства жующих преобладало уныние,
ибо рейтинг правящей партии «Царь-батюшка» и без того был высок, что позволяло обо-
ходиться без услуг модных артистов. Последних это лишало приличных финансовых вливаний.

– Его величество уже давно гложет мысль, – с набитым ртом высказывал ценную мысль
бард Андрей Старикиевич. – Как бы создать в империи политическую систему по типу Северо-
Американских Штатов – чтобы присутствовали две важные партии, а более никого. В связи с
этим партию «Царь-батюшка» собираются разделить пополам: на «Царя» – для монархистов и
«Батюшку» – для православных. Список первой партии возглавит государь император, а вто-
рой – Иисус Христос; как подтвердил обер-прокурор Синода, согласие Спасителя уже полу-
чено. Хотел бы я знать, кто в нашей драгоценной империи не проголосует за такие кандида-
туры?

– Это клево, – радостно поддержал его блондин из трио «Петрушки Лимитед». – Зна-
чит, можно обалденный гешефт срубить. Сначала едешь, рекламируешь с утра на концерте
«Царя», а после обеда – уже «Батюшку». Скажем, исполняешь «Тучи», а потом кричишь со
сцены: «Дорогой наш император – круче ты, чем терминатор!», тут же врубаешь «Пух», и
снова: «Хочешь жить годов до ста? Голосуешь за Христа!» От обеих партий конвертики с гоно-
рамом собрал – и вечером айда в баньку с девочками.

Поникшие гости заметно оживились, предвкушая перспективу хорошего заработка. В
глубине зала мигнула вспышка фотоаппарата-«мыльницы»: бульварные журналисты и тут
находили свой хлеб. Обычно на закрытые тусовки не пускали владельцев оснащенных «дально-
бойными» объективами камер, но редакции изощрялись – нанимали «бутербродных репорте-
ров». До «смуты» (как официально именовалось в СМИ кратковременное свержение монархии
в 1917 году) с мелкими акулами пера расплачивались за статью рюмкой водки и бутербро-
дом. Сейчас традиции сохранялись, однако фото, снятое исподтишка мобильным телефоном
(или камерой-«мыльницей»), ввиду инфляции стоило дороже – бутылку среднего коньяка с
нарезкой семги. Однако предосторожности были лишними: если кто-то и отворачивался от
вспышки, то сугубо формально – гости сами лезли в кадр, показывая приколотый к лацкану
пиджака золотой значок с профилем государя. Продемонстрировать лояльность трону было
полезно – так считал даже экс-анархист Андрей Старикиевич, которого еще 25 лет назад после
концертов запикивали в «козла» и всю ночь допрашивали в жандармерии. Сейчас Старикиевич
объяснял в интервью: он всегда сердцем болел за государя императора, а критиковал лишь
отдельных людей в министерстве двора.

Украдкой щелкнув Старикиевича, засовывающего в волосатый рот тарталетку с крас-
ной икрой, редактор Юля спрянула «мыльницу» в сумочку, сработанную под крокодиловую
кожу. Со Старикиевичем было опасно связываться – он находился в числе тех, кто подписал
челобитную к царю с просьбой оградить звезд от вмешательства бульварной прессы. Злые
языки называли подачу челобитной «продуманным пиаром»: группа певцов и актеров явилась
к Кремлю босиком, одетая в посконные рубахи, и пала на колени, держа копии челобитной
на обнаженных головах. Министру двора, графу Иннокентию Шкуро, пришлось выйти перед
телекамерами и быстро собрать прошения, сохраняя улыбку на каменном лице. В челобит-
ной цвет нации просил ввести против непослушных репортеров битье батогами, а в случае
повторного проникновения в частную жизнь звезды – применить насильственное пострижение

в монастырь. Через неделю обер-гофмейстер императора князь Слоновский собрал всех звезд за чаепитием в Кремле и попенял им за показное шоу а-ля «бояр русс». Мол, возвращение к корням – оно замечательно, но надо ж Западу показывать, что у нас не Саудовская Аравия, а просвещенная европейская монархия – иначе государю станет совсем неудобно с другими королями за одним столом лобстеров кушать.

Между тем к беседе у исчезающих пирожных присоединилась певица Анна Рабинович, славившаяся на всю Белокаменную исключительным размером упругого бюста: к ее груди, как она клялась, не прикасался скальпелем ни один пластический хирург. Проглотив птифур, Аня потянулась за вторым – было видно, что девушка нервничает. Звезды почтительно расступились, глядя на зазывно вибрирующую в вырезе платья грудь Рабинович: розовые «мячи», казалось, жили отдельной жизнью.

– Что же нам делать, господа? – с французским прононсом плаксиво произнесла Аня, уронив щедрую слезинку на подсохший птифур. – Злобный маньяк на всех нас настоящую охоту объявил – хуже, чем папарацци. Машеньку Колчак словили на стоянке такси возле клуба, Виски позвонили на мобильник и пригласили на вечеринку с олигархами, а Кшесинскую похитили прямо из гримерки. Видели по ТВ, что это чудовище с ними сделало? Зарезало самым ужаснейшим образом, словно на скотобойне-с.

– И главное, не тех режут, – поддакнула девушка из популярного трио деревенских барышень «Завод». – Почему бы маньяку не нападать на кого-нибудь помощнее, а? На Валуева или Облучко, например.

– У вас, mademoiselle, мозги замерзли, – невежливо буркнул боксер Облучко, сокрушая квадратной челюстью сразу шесть птифуров. – Убийец копирует лондонского Джека Потрошителя, резавшего сугубо баб. Если бы Потрошитель позиционировал себя как серийный убийца боксеров, то я боюсь, у него начались бы существенные проблемы с самого начала.

– Да, но он резал проституток, – не унималась девушка с «Завода». – Женщин, которые спят с мужчинами за деньги. При чем здесь, собственно, мы?

Среди дам наступило гробовое молчание, прерываемое конфузливym покашливанием. Поняв, что сказала что-то не то, «заводчанка» покраснела как рак и передвинулась к пирамиде с шампанским. Паузу прервал выпуск новостей Главного канала, транслировавшихся на экране под потолком.

– Сегодня его сентябрешнее императорское величество в сопровождении всемилостивейшей государыни императрицы и их высочеств цесаревен, – с подобающим уважением произносил диктор, – высочайше изволили изловить рыбку в подмосковном пруду государственной резиденции new-Царское Село. Его величество с благословения Господня поймал щуку весом на пять фунтов и два золотника, кроме того, леща на полтора фунта и плотвичек немалых. В ловле участвовал его высочество князь Монако Альберт Второй, прибывший консультировать имперское министерство налогов по поводу переноса игорных заведений в леса загородных деревень.

На экране появилось фото – голый по пояс император с накачанными бицепсами и удочкой-спиннингом в руках. По толпе покатались девичьи вздохи, одна из дам предоргазменно взвизгнула, закатив глаза. Монархист Леонтий Михайлов, по православному обычаю наливавший себе уже пятый бокал, выронил посуду из рук и грузно упал на колени, размашисто крестясь.

– Батюшка! – отчаянно зывал он, протягивая руки к экрану и вытирая паркет джинсами от Лагерфельда. – Не уходи, зайчик самодержавный – на кого бросаешь? Как я без тебя хлебушка-то откушу, пупсик мой коронованный?

Звезды с завистью оценили реакцию Михайлова – он обладал уникальной способностью первым падать ниц, причем обязательно при свидетелях. Через неделю государь должен был лично вручить ему золотой ключ камергера.

– Можно Тимотэ еще зарезать, – развила теорию Аня Рабинович. – По крайней мере, по нему никто плакать не будет. А потом митинги пойдут многотысячные, где все будут требовать от присяжных убийцу оправдать.

Аксинья, теребя на груди бэйджик Главного канала, молча наблюдала, как пробивная соперница скользила по залу, жужжа затвором «мыльницы». Она тоже захватила с собой фотокамеру, но, как назло, забыла вставить батарейки. Вот уж не повезло так не повезло. Может, зря она пошла работать на телевидение? Утонешь в интригах: если человека два дня нет в кадре, с ним перестают здороваться. Рейтинги падают – в прошлом году в фаворе был «Клуб веселых монархистов» (КВМ), а теперь всех зрителей перетащил Comedy Club. Ничего. Она через годик-другой в аспирантуру пойдет, а там, глядишь, и докторскую защитит: диплом гарантирует получение графского титула. Вот тогда и придет ее время – будет эта змея Юля приседать в ее присутствии в книксене и подобострастно щебетать: «Ваше сиятельство», глядя, как сам барон фон Браун ей ручки целует.

Юля не видела Аксинью. Стоя в стороне, она сфотографировала лобызającego паркет Михайлова и взглянула на изящные часики: ей пора было двигать в Останкино – у фон Брауна начиналась послеобеденная «летучка». Впрочем, она предупредила, что опоздает: есть время заехать домой и отобрать фотографии на компе. Осмотревшись вокруг и не найдя больше ничего интересного для снимков, она направилась в гардероб, на ходу рассматривая плакат сериала «Шляпинъ. Live». Юля прилично зарабатывала на ТВ, но подработкой в качестве «бутербродного репортера» не гнушалась, считая, что халявный коньяк и семга на дороге не валяются.

Существо, стоявшее в тени возле лестницы, повернуло голову, когда она проходила мимо. Осторожно поставив бокал на поднос скользящего по паркету официанта, оно, подождав пару секунд, последовало за ней...

Глава вторая

Третий труп

(22 февраля, среда, после полудня)

Тишина, повисшая в комнате для совещаний МВД, не предвещала ничего хорошего. Роскошный зал своей отделкой, сработанной волосатыми руками турецких гастарбайтеров, был похож на фойе пятизвездочного отеля – в углу установили даже обязательный фонтан с гипсовыми русалками. Но сотрудникам он сейчас больше всего напоминал бурные воды реки Нил, из которой, щелкая зубами, вот-вот обязаны были появиться крокодилы.

– ... Что ни говори, а результат у нас нулевой... – Шеф Отдельного жандармского корпуса Антипов отодвинул лежавшие перед ним отчеты. – Диму Иблана пришлось отпустить – идеальное алиби, бомж Муха тоже оказался ни при чем. С Сюзанной Виски вообще произошла какая-то мистика. В воскресенье ей позвонили на мобильный телефон и обещали 100 тысяч золотых, если она выступит на закрытой вечеринке коньячного магната Шустова – это слышали как минимум три свидетеля. Шустов оперативно прислал за ней такси, сев в которое, Сюзанна назад не вернулась. Согласно данным сотовой компании, звонок на телефон Виски был совершен с мобильного, похищенного из сумки французской туристки во время перекуса в «Макдоналдсе» – она хватилась его через 20 минут, но этого оказалось достаточно, чтобы позвонить. Естественно, вечеринки Шустов не проводил и такси за Виски не прислал, а номера машины никто не запомнил. Кшесинскую и вовсе похитили прямо в кабаре с лестницы черного хода, куда она, судя по найденному окурку папиросы с помадой, вышла перекурить. Сегодня в 7.24 утра изуродованный труп Кшесинской в привычной «сервировке» обнаружили возле памят-

ника Пушкину: это уже беспримерная наглость. Там всегда полно людей, место ярко освещено фонарями, однако традиционно убийцу никто не заметил. И вы знаете, чего на этот раз не хватает в организме покойницы? Да простят меня дамы, это...

«Матка», – одними губами повторила вслед за шефом жандармов Алиса. Ее кожа обветривалась и покраснела от холода – собираясь в департамент полиции, она забыла нанести тональный крем. Каледин выглядел немногим лучше – глаза отливали красным, как у вампира, под нижними веками красовались сочные синяки. Всю ночь оба не спали, ожесточенно дискутируя о неожиданном открытии, сделанном Алисой (Каледин ласково назвал его «шизофреническим»), и по сто раз подробно изучая оба документа с данными ДНК. Без пятнадцати восемь Каледину позвонил директор департамента полиции Муравьев, они с Алисой выехали к памятнику Пушкину, увидев привычную с начала недели картину. Труп, толпа городских, еще больше телерепортеров и подпоручик Саша Волин с надушенным платком у рта. Потусовавшись на месте очередного деяния убийцы, получив нужные снимки и задав дежурные вопросы, все поехали на Цветной бульвар. Еще в лимузине с Антиповым связался по сотовому граф Шкуро, глядя на гримасу жандарма, можно было догадаться, что общение не оказалось приятным. Среди столичных звезд началась настоящая паника – одни предпочли «на время» уехать из Москвы, другие осаждали элитные охранные агентства, третьи заперлись у себя на Трехрублевке, на виллах, оборудованных аппаратурой слежения по последнему слову техники. В половине клубов и казино отменили шоу: выступать отказывались даже извлеченные из нафталина певцы Кай Метов и Вадим Казаченко. Да что там эстрада – манекенщицы и те боялись выходить на подиум, требуя оборудовать за кулисами «гнездо» для снайперов жандармского спецназа. «Зажрались люди в XXI веке, изнежены донельзя, – задумалась Алиса. – Всего три жестоких убийства – и мегаполис парализовало от ужаса. А то, что с понедельника на машинах разбились насмерть пятнадцать человек, никого не пугает – вот она, великая сила электронных mass media». В свое время император сделал ставку на свое раскручивание с помощью ТВ и не прогадал: таким бешеным рейтингом не обладал ни один из российских монархов. Старая поговорка: «До Бога высоко, до царя далеко» рушится, если царь с ласковой улыбкой шагает в каждый дом с телеэкрана. Любые мелкие милости, кои он оказывает населению (дарит шубу со своего плеча, велит провести газ в деревню, привозит детям игрушки), многократно тиражируются телевидением, создавая сахарный образ милостивого царя-батюшки, пекущегося о нуждах народа. Чутко реагируя на данные опросов, он вернул допетровскую традицию, согласно которой уволенных министров (как раньше опальных бояр) после отставки скидывают в грязь с кремлевского крыльца. Там их, разумеется, не ждут секиры стрельцов – отрянувшись да и пошел домой, но народу очень нравится смотреть на летящих вверх тормашками министров, рейтинг так и прет... Первоначально министры из либеральных дворян советовали государю быть еще проще: брать пример с голландского короля, лихо рассекающего по улицам на подержанном велике, а также британской королевы, ради заработка пускающей к себе во дворец тучи туристов. Но скоро социологические опросы выяснили: жителям империи не нравится монарх современного европейского стиля, напоминающий обкуреного хип-паря в джинсах, которого полиция имеет право оштрафовать за неправильную парковку, как недавно короля Швеции. Люди предпочитали видеть нечто плавное и величавое, золоченого византийского стиля, выводимое благоговеющими боярами под белые ручки. Впрочем, современный образ государя императора в джинсе и с косячком за ухом, слушающего в стереонаушниках Coldplay, решили оставить для привлечения молодежи. Для основных же слоев населения работал прежний вариант: шапка Мономаха, выезды на белом коне, кидание червонцев в толпу, пиры с жареными лебедями, иногда горностаевая мантия. Один из внуков Николая Второго завистливо признался, что, если б у дедушки был такой стильный и грамотный пиар, Ленин со своей революцией обломался бы в самом начале.

Запад со всего этого колбасило ужасно. Предыдущий царь твердо обещал ему, что Россия станет уютной монархией типа Дании, беспрекословно поставляя Европе мед и пчел в нужных количествах. Запад и сам не знал, чего хочет. Прежнюю империю он не очень любил: царство экономически слабое, неустойчивое, криминальное, с кесарем-алкоголиком. При смене императора выяснилось – империя с хорошей экономикой, стабильностью и пьющим пиво государем его тоже совершенно не устраивает. В общем-то Запад был бы рад честно сказать, что Россия ему вот уже пятьсот лет как не нравится в любом виде, но по известным причинам сделать этого не мог. Ситуация с экономикой радовала только сценаристов Голливуда – там уже устали снимать блокбастеры об обедневшем эскадроне гусар, продающих арабам ядерную боеголовку.

– Алиса, проснись, дура немецкая, – ворвалось ей в ухо, и она дернула головой – и сама не заметила, как задремала. Рассерженный Каледин продолжал ее толкать, она вяло просыпалась: мозги будто залили клеем, в глазах все плыло и качалось, включая люстру венецианского стекла.

– ...надеюсь, вам все понятно, господа? – заканчивал фразу Антипов. – Тогда никоим образом не смею вас задерживать. Кроме титулярного советника Каледина и баронессы Трахтенберг, все могут быть свободны.

Чиновники начали с грохотом отодвигать стулья, застегивая у горла пуговицы вицмундиров. Секретарша Муравьева Анфиса, однако, осталась сидеть на своем месте, не придав словам жандарма никакого значения.

– Барышня, – подарил ей усталую улыбку Антипов. – К сожалению, это касается и вас – у нас секретный разговор. Обождите в комнате для гостей.

Секретарша, обольстительно подмигнув Каледину (и не удостоив взглядом кипящую от гнева Алису), скользнула в дверь, на ходу поправляя короткую юбку дизайнерской фирмы «Мозжухинъ и сыновья». У фонтана остались только сам Антипов, директор департамента полиции Муравьев и откровенно зевающая Алиса на пару с зеленым от бессонницы Калединым. Поманив парочку пальцем, Антипов взял со стола два листка бумаги.

– Господин Каледин и вы, мадам, – жестко кивнул Антипов Алисе. – Я внимательно изучил то, что вы мне вручили утром у памятника Пушкину. Сразу отмечу – очень славно, что вашу версию вы подкрепили доказательствами, иначе бы я вызвал вам неотложку. Конечно, я с удовольствием поизображал бы тупое начальство, упорно не верящее очевидным выводам умных сыщиков, но на это не осталось времени.

Алиса с Калединым, пребывая в полусне, не возражали.

– Налицо сенсационный вывод, и его, так или иначе, требуется сохранять в тайне, – поддакнул Муравьев. – Иначе пресса поднимет такой хай, что государь нам завяжет бантом кишки не хуже этого живодера. Пока у нас в наличии прямой факт – ДНК серийного убийцы, орудовавшего в XIX веке, и маньяка нынешних дней полностью совпадают. Что это может означать? Я меньше всего предрасположен к мистике: мы живем в век смартфонов, wifi Интернета и ракет «Тополь-Czap». Первое, что пришло мне в голову, – преступник специально вводит нас в заблуждение, дабы запутать нити расследования. Не исключено следующее – ему удалось похитить из музея Скотланд-Ярда образцы генетического материала, содержащего ДНК Джека Потрошителя. Ничего невозможного нет. Если люди умудряются красть в Эрмитаже экспонаты весом в полпуда, то отщипнуть крохотный кусочек от написанной кровью открытки не составит особого труда.

Муравьев внимательно посмотрел на Алису.

– Поэтому, мадам, мы хотели бы просить вас слетать в Лондон.

Порывшись во внутреннем кармане, он выложил на стол билет «Аэрофлота». У Алисы отвисла челюсть. Каледин безразлично отвернулся.

– Я уже звонил в Скотланд-Ярд и отправил туда письмо, – заметил Антипов, в то время как замолкший Муравьев наливал себе из графина воду. – Вас готовы принять и предоставить

всю необходимую информацию. Завтра прилетите обратно. Князь Сеславинский просил довести до вашего сведения, что он в курсе. Разумеется, все расходы по вашему пребыванию в Лондоне мы берем на себя. Мой кучер отвезет вас в аэропорт сию же секунду.

Радость Алисы от превосходства над поблекшим Калединым омрачило сознание того, что она спроне не захватила из дома косметичку, запасные колготки, пилочку для ногтей и кучу других необходимых предметов.

– Эээээээ... ваше превосходительство... эээ... – проблеяла Алиса, однако опытный Антипов предвосхитил ее насущную просьбу.

– Как я уже сказал, все расходы за наш счет, – сообщил он, вызвав в сердце Алисы непередаваемый взрыв эмоций. – Вам дадут специальную кредитку с безлимитной суммой, все необходимое купите в лондонских магазинах.

Алиса впервые в жизни пожалела, что Каледин не является женщиной и не может черной завистью позавидовать ей: каких же классных брендовых шмоток она накупит сегодня вечером! Все, о чем он мог думать, – это то, что в полночь ему опять придется сидеть на кухне одному и есть осточертевшие кильки в томате руками прямо из банки. Мужчины – животные.

– Ну, не совсем одному, – прошептал ей в ухо Каледин, и Алиса поняла: данная мысль чересчур ясно отразилась в ее глазах. – Не забудь про соседку Нинку. Да и красавица Анфиса небось наверняка за дверью дожидается.

Алиса сразу ощутила потребность вернуться как можно скорее, а заодно и прикупить в Лондоне более крепкий зонтик – старый развалился от удара об калединскую голову во время одной из последних разборок. Продадут в магазинах всякую китайскую рухлядь – толку от нее никакого.

– Сударыня, вам лететь прямо сейчас, – нетерпеливо заметил Муравьев. – Его превосходительство проводит вас к выходу. А вы, господин Каледин, пожалуйста, оставайтесь. Нам надо обсудить дальнейший ход расследования.

За несколько секунд до того, как Антипов предупредительно распахнул перед Алисой дверь конференц-зала, от замочной скважины отпрянула согнутая фигура, метнувшись в «курилку» на лестницу. Дождавшись, когда пара уедет вниз на лифте, фигура вернулась обратно, мастерски приложив маленькое, покрытое нежным пушком ушко к отверстию для ключа.

«И зачем вообще нужны эти электронные глушилки для всех типов прослушивающих устройств, которыми забита контора? – презрительно подумала фигура. – На Святой Руси до всего своим умом додумываешься».

...Услышав что надо, фигура решила, что рисковать далее незачем. Она бегом спустилась по лестнице и вышла на улицу. Перейдя через дорогу, фигура подошла к телефону-автомату за углом, оглянувшись по сторонам, вставила в щель пластмассовую карточку и набрала знакомый номер.

– Алло, – ответил немного сумрачный дамский голос.

– Две тысячи, – сообщила фигура, после чего произнесла пару фраз.

– Это точно? – оживился голос.

– Точнее не бывает, – заверила фигура.

– О'кей, – сказал голос. – Вы нас раньше не подводили. Диктуйте номер счета.

– Пять... – сказала фигура, поправляя волосы. – Шесть один один два...

На четвертом этаже хлопнула дверь – от Муравьева вышел Каледин.

Глава третья Сенсация

(22 февраля, среда, время обеда)

Развалившись на золотом троне, государь читал письма верноподданных, согласно официальному протоколу на это им ежедневно выделялось 27 минут. Письма приходили мешками, но государь просматривал только те, которые граф Шкуро приносил в резной коралловой шкапулочке: викторианский стиль, скопированный у британской королевы. Послания были однотипны: в одних подданные желали ему здоровья и сообщали, как безумно любят царя-батюшку (их писали в основном женщины), в других присутствовали материальные просьбы – подарить машину, дать миллион золотых, предоставить отдельную квартиру, пожаловать личное дворянство. «Меркантильный народ, – раздражительно размышлял государь, глядя на очередные каракули с просьбой улучшить жилищные условия. – Чего ни делай – им, собакам, все мало. Сантехника у них сломалась – нет чтоб ключ разводной взять, сидят и пишут во всякие дворцовые инстанции. Наказал меня Бог народом. Сидел бы в Дрездене курфюрстом – небось и горя бы не знал. Немцы исполнительный народ. Скажешь пиво варить – так варят пиво».

Император наклонился и потер ногу – мускулы натужно болели, будто их растягивали с помощью инквизиторских клещей. Проклятая верховая езда. И какой идиот придумал, что монархи обязательно должны гарцевать на лошадях, в том числе и на военных парадах? Убил бы, ей-богу. На этой гребаной лошади десять минут проедешься, потом по инерции еще полчаса трясешься, на троне сидеть не можешь. А охота? На хрена она сдалась, эта охота? Сорок человек с сотней собак бегают за единственной лисицей или двумя рябчиками и даже не думают, как глупо это выглядит со стороны. В общем-то российские императоры всегда охотились на медведей, Сашенька Освободитель²⁰ на него и вовсе с одной рогатиной хаживал, но сейчас с медведями лучше не связываться. Эвон десять лет назад премьер-министр убил из ружья медведицу, так его потом «зеленые» чуть самого не пристрелили. Но попробуй только откажись от охоты – в Европе не так поймут. Раз царь, значит, по этикету должен охотиться. Положено, и все тут.

Лично ему по барабану, что Петроград, что Москва, милые сердцу старые улочки Дрездена лучше их всех, вместе взятых, но столицу в Дрездене никак не устроишь. К шестидесятым годам, к моменту первой волны медового бума, все слои населения перемешались, и иногда на званом балу встречались забавные экземпляры: папа – сибирский крестьянин, а мама – саксонская курфюрстина. Правда, при малейшей оказии любой мастеровой норовил вылезти в дворяне. Россия такая страна – понты дороже денег. Иной купчишко вчера оптом семечки с Кубани в Москву возил, а сегодня – раз, и барон, герб на джип «чероки» с огненными драконами налепит и катается, счастливый донельзя.

Дочитав последнее письмо (купеческая вдова из Екатеринодара предлагала к выборам напечатать плакаты, где императору пожимает руку Иисус Христос в бейсболке с эмблемой партии «Царь-батюшка»), государь отложил шкапулку и вернулся к мыслям о стиле поведения в связи с серией громких убийств в Москве. Разумеется, можно выйти на протокольное интервью и, когда тебе зададут вопрос, что случилось с этими знаменитостями, ответить с нежной улыбкой: «Их зарезали». Но лучше такого не делать – в империи живет сложный народ, тонкий юмор не всегда понимает. Mein Gott, и что же это за маньяк такой неуловимый? Оставляет

²⁰ Император Александр II (1818–1881) обладал большой физической силой.

трупы в самых видных местах, а поймать его никак не получается, хотя расследованием заняты лучшие умы полиции и жандармов. Как аристократы, посадские, купцы и мастеровые должны относиться к власти, не способной защитить их от неведомого ночного монстра? Брожение умов – опасная вещь. И как покинуть трон в столь критический момент? Самому страшно.

Император внезапно поймал себя на мысли, что уходить ему совсем не хочется. И на черта он вообще все это устроил? Скучно, что ли, стало от блеска тронного зала и раболепно согнутых спин придворных? Наваждение, не иначе. Какие куры, какая деревня... какие, в жопу, кролики? А если новому царю настолько понравится сидеть в Кремле – возьмет и не пустит его обратно... а то и вовсе заключит в Шлиссельбург, где в камере коротал свои дни несчастный кесарь Иоанн Антонович²¹? Ну, выйдет он после отречения из Кремля с чемоданом, а куда дальше идти? На автобусную остановку? За всю историю он будет вторым добровольно отрекшимся императором, у других на шее затягивался шарф (как у Павла Первого), или они получали вилку в мозг (как Петр Третий). Однозначно придется спать вполглаза, чтобы преемник, войдя во вкус, не пожелал оставить корону себе навсегда. Блин, даже думать противно. Надо включить Главный канал. Там скажут – кроме государя, все кругом говно, а это повышает настроение.

Царь щелкнул пультом и понял, сделал это очень кстати. Ведущий, вымученно улыбаясь в камеру, долго не мог совладать с бумагами. Наконец он выудил дрожащими пальцами листок из толстой пачки.

– Мы выходим в эфир с сенсационной новостью, – проямлил ведущий. – Всего полчаса назад от нашего анонимного, но надежного источника в департаменте полиции была получена шокирующая информация. Пожалуйста, уберите от экранов маленьких детей.

«Вот те на, – удивился император. – Неужели опять генпрокурора засняли в публичном доме? Господи, сколько ни назначай – всегда одно и то же. Последнего нашли в гостиничном люксе с транссексуалом из Таиланда, орангутангом и двумя сусликами. При этом мужик еще имел наглость заявить, что к извращениям его толкнула сложная работа. Его послушать – так я вообще должен круглосуточно из орангутангов не вылезать».

– Это кажется невероятным, – мычал ведущий, глядя в бумагу. – Но медицинские тесты подтвердили – ДНК серийного убийцы, который с понедельника терроризирует московские улицы, полностью совпадает с...

Брови государя поползли вверх. Не отрывая взгляда от экрана, он пошарил рукой по зеленому малахитовому столику, где стоял стилизованный под тридцатые годы белоснежный радиотелефон с чеканным двуглавым орлом. Вслепую нащупав изогнутую трубку с антенной, он снял ее с «гнезда».

– Да, ваше величество, – донесся до него почтительный тон телефонистки.

– Сегодня первое апреля? – слабым голосом спросил император.

– Нет, ваше величество, – спокойно ответила бывалая телефонистка.

– Прекрасно, – пришел в себя царь, и его тихий баритон обрел прежнюю твердость. – Соедините меня с шефом Отдельного корпуса жандармов.

Антипов не удивился трели правительственного телефона. Он пропустил последние новости, поэтому не догадывался о причине звонка. Однако в последнее время по этому номеру с хорошими новостями не звонили. Перекрестившись, он протянул руку к трубке, обреченно вздыхая.

²¹ Иоанн VI Антонович (1740–1764) – возведен на трон как наследник царицы Анны Иоанновны в месячном возрасте, через год низложен царевной Елизаветой. Провел более двадцати лет в заключении, в 1764 году при попытке освобождения убит тюремной охраной.

Вспышка № 2:

Штурм (29 августа, 467 лет назад)

У самого носа Матиуша, едва не задев багровую бугристую кожу, свистнула тонкая стрела – воткнувшись в деревянную ставню, она дрогнула, упруго качнув оперением из крыла неведомой басурманской птицы. Не успел он очухаться, как от наконечника стрелы, разливаясь мелкими ручейками, побежало пламя. Матиуш с запоздалым воем отшатнулся, хлопая ладонями по голове: его волосы вспыхнули словно сухая солома. Подбежавший Иштван, размахнувшись, хлопнул мешком два раза по ставне и столько же раз по голове Матиуша, сбивая пламя.

– Мало тебе, дурак. Чего стоишь у окна и зеваешь? – выругался Иштван. – Ждешь, пока нехристи придут? Закрывай пасть, пора золото искать.

От ставни тянулись извилистые струйки дыма. Страхнув пепел с обожженного лба, Матиуш беспрекословно подчинился приказу. Иштван лучше знает, спорить с ним – ни к чему. Всякий раз, когда ночью они влезали в дома купцов, рыночных менял, лекарей, чутье не обманывало опытного вора – он безошибочно знал, в каких закромах хозяева прячут деньги: ему ворожил сам черт. Они уходили с добычей, даже не потревожив чуткий сон хозяев, – так продолжалось уже десять лет. Однако сейчас было не до богатого улова – взять бы хоть что-то, лишь бы не уйти с пустыми руками. Времени в обрез, сегодня проклятые нехристи, как и предупреждал сидящий на базарной площади слепой предсказатель старец Эмилиан, проломили-таки крепостную стену. Бои идут на главных улицах, наместник короля призвал всех жителей защищать родной город. Охрана покинула главные здания столицы, стремясь сдержать вражеский прорыв, ну а им с Иштваном только того и надо. С нехристами все одно не справишься. Видали они их войско со стен города ночью. Костров чертовы басурмане запалили столько – все до горизонта в звездочках огней, всюду ржание лошадей да крики страшных зверей – берблудов. Бежать пора, но как назло – в карманах мышь поселилась, да и та с голодухи сдохла.

К королевской казне они с Иштваном сразу не пошли. Туда сотни мародеров сбежались – поножовщина началась. Люди сказывали, целая толпа, человек двести, кованые двери ломает. Да и есть ли там пожива? Наместник тоже не дурак, золото и камушки с собой прихватил – наверняка остались одни объедки. Помыслил Иштван и решил двинуть с Матиушем в приземистое здание с просевшим от старости фундаментом, что неподалеку от дворца в переулочках затерялось. Сюда уж точно даже в горячке грабить никто не прибежит. Аристократы еще раньше свое имущество подчистую на тот берег вывезли, в домах – шаром покати. А вот королевский архив – другое дело. Денег там, может, и нет, но что-нибудь ценное наверняка найдется. Однако, похоже, на этот раз знаменитое чутье подвело Иштвана в самый неподходящий момент...

– Есть что? – с надеждой спросил Иштван, глядя, как Матиуш разбивает очередной ящик, откуда кучей сыплются свитки с красными печатями.

– Нет, – с отчаянной горестью прохрипел тот, разворачивая первый же свиток. – Тут какие-то налоги... это никому не продашь...

Мрачный как туча Иштван трясся в бессильной злобе – не находя слов для выражения своих чувств, он с размаху ударил кулаком по обгоревшей ставне. Мать Божья, да лучше бы они влезли в первую попавшуюся конюшню и увели оттуда завалящего мерина: на нем хоть можно подальше ускакать. Теперь придется на своих двоих бежать до самой Вены, пока и туда не добрались озверевшие отряды нехристей. А в тряпице за пазухой – лишь два паршивых поддельных талера, которые на зуб распознает в любой корчме последний дурак трактирщик.

Басурманские огненные стрелы продолжали сыпаться на город нескончаемым дождем. Поднялось зарево от загоревшихся соломенных крыш, ржали лошади, запертые в пылающих конюшнях. Медлить больше нельзя: Иштван принялся остервенело крушить все вокруг, переворачивая столы, каблуком безжалостно разбивая ящички и сундуки с изображением короны. Но все было напрасно, пока...

Очередной невзрачный сундучок разлетелся вдребезги – на пол бесформенной грудой вывалились плоские таблички из отполированного серого камня, на поверхности были выбиты странные закорючки с рисунками. Хищно схватив добычу в руки, Иштван поднес один из камней к глазам: его лицо осветилось довольной улыбкой.

– Что это такое? – без интереса спросил Матиуш, тяжело дыша, – его ноги были уже по колено в бумажных свитках.

– Понятия не имею, – честно признался Иштван. – Но точно знаю двух перекупщиков, которые из рук рвут такие штуки с разной чертовщиной на камне, как здесь. – Он ткнул пальцем в один из кусков. – Нас не то что озолотят, но дадут хорошую цену. Возможно, с помощью этого богатые господа на черной мессе вызывают дьявола, чтобы поцеловать его под хвостом... но нам-то какая разница? Если дадут еще тысячу талеров задатка, то я им и самого Сатану принесу на спине.

Матиуш не был суеверен, а потому помог Иштвану запихать дьявольские камни в прихваченный холщовый мешок. Приложив ко ртам тряпицы (их тоже предусмотрительно взял бывалый Иштван), они сбегали по лестнице – над крышей архива поднимался столб жирного черного дыма. Снаружи творился настоящий ад – со всех сторон слышались женский плач, вопли раненых, лязг сабель и ятаганов, затихающие крики «За короля!» и ревущие – «Аллаху акбар!». Площадь окутал кислый запах пороха, уши рвали треск аркебуз и грохот пушечных ядер. К счастью, нехристи еще не пробились к архиву. Прижимая к груди заветный мешок, Матиаш бежал за петляющим по переулкам Иштваном к пристани, где у них была привязана утлая лодочка. Приятели спустились вниз по мощеной улице, впереди виднелась колыхающаяся речная вода – вся в багровых отблесках от городских пожаров. Осталась всего лишь одна минута, и они...

Нехристь на дороге появился непонятно откуда, словно из воздуха. Значительно позднее, рассказывая об этом, Матиуш всерьез утверждал – басурманин вылез из трещины, разверзшейся перед ними, прямоком из самого ада. Нехристь и вправду выглядел настоящим порождением преисподней – сгорбленный, в рваных шальварах, грязной засаленной чалме, с черной

бородой, одним глазом и раскрытым ртом, в глубине которого сиротливо гнездились два сгнивших желтых зуба.

– Ля иль Аллаху! – это было первое, что услышал потрясенный Матиуш. Вторым оказался звук отрубленной головы Иштвана, с хрустом ударившейся о грязные камни мостовой: словно кочан капусты, она покатилась к пристани, оставляя за собой невероятно яркий красный след. Ощерясь беззубым ртом, нехристь снова взмахнул окровавленным ятаганом. Однако Матиуш с невероятной ловкостью выбросил обе руки вперед, ударив того тяжелым мешком прямо в лицо. Поскользнувшись, нехристь упал на спину, выронив ятаган, а Матиуш, вспомнив старый воровской прием, прыгнул ему двумя коленями на грудь, как молящийся монах. Слыша треск ребер, он занес над головой тяжелый мешок. Задыхаясь, вор бил недруга снова и снова, с каждым ударом выплескивая свой страх. Когда через полчаса Матиуш пришел в себя, то понял – нехристь давно замолк, а мешок с непонятными камнями промок от крови. Стараясь не смотреть на то, что осталось от лица нехристя, и на лежавшее рядом обезглавленное тело Иштвана, он бегом спустился вниз, к воде. Слава Иисусу, лодчонка была на месте.

Кинув внутрь мешок, Матиуш прыгнул в лодку сам, с трудом сохраняя равновесие. Он взялся за весла и оттолкнулся, глядя на крепостные стены, – над разгромленным городом вставало зарево пожарища, облако дыма достигало слепящего солнца. Камни в мешке лежали тихо, хотя лодка качалась, даже когда сильная волна ударялась о борт, они не стукались друг о друга. Переведя дух, Матиуш задумался: что теперь делать, если Иштван мертв, а он и знать не знает имен далеких перекупщиков, интересующихся дьявольскими камнями с рисунками. Кому же он теперь продаст эту рухлядь?

Наверное, первому встречному, который захочет ее купить...

Глава четвертая Голова на полу

(22 февраля, среда, день)

Извечное спокойствие покинуло мою измученную душу – от холодного буддийского пофигизма и британской рассудительности, всегда гостивших в моей голове, не осталось и следа. Я не стал давать волю чувствам в комнате – эмоции не должны вредить *артефактам*. Выбежав на кухню, я встал, опершись обеими руками о мойку с посудой, меня попросту трясло от слепого бешенства. Какого хрена? Как так могло случиться? Почему ЭТО произошло? Изрыгая отборные проклятия на родном языке, я перевернул пирамиду грязной посуды – послышался жалобный звон, заляпанные маслом осколки усеяли проржавевшее дно мойки. Я поднес к глазам дрожащие руки. Самообладание исчезло – уже не понимая смысла своих действий, я схватил со стойки нож с гравировкой и с дьявольской силой всадил его в стол – клинок задрожал, словно в испуге. Рывком выдернув лезвие, я ударил снова: нож вздымался и опускался десятки раз подряд, пока я бездумно колошматил по дереву, мои легкие издавали рев смертельно раненного тигра. Поверхность стола быстро превратилась в сплошное крошево из опилок, но я не останавливался до тех пор, пока мускулы не свело судорогой.

Застонав, я выпустил кинжал и поднес пальцы ко рту, высасывая вонзившиеся в плоть занозы. Тварь. Сука. Блядь.

Телевизор на кухне тоже был включен, и я мог видеть Ее лицо – нечеткую, расплывающуюся фотографию – видимо, из личного дела. Рыжие волосы, большие зеленые глаза, тонкие черты лица аристократки: судя по фамилии, немка. Сучье вымя. Никогда не любил их сволочную нацию, от нее постоянные проблемы. В Зальцбурге, когда до финала оставался один день, меня едва не поймали – ушел чудом. Дотошные, внимательные, исполнительные ублюдки. И как это Ей пришло в голову – сравнить мою ДНК с образцом, уже больше сотни лет сохнувшим в архивах лондонского полицейского музея? Ну, и я, конечно, тоже хорош. Взял и прислал высоколобым придуркам в Скотланд-Ярд надкушенную почку с письмом, подписанным *бальзамом*... yours truly, Jack the Ripper²²: хотелось наблюдать, как пресса взорвется адреналиновыми заголовками. Глупо? Согласен. Благодаря этому идиотскому жесту полицейские всего мира теперь имеют доступ к моей ДНК. Но как же можно предвидеть подобные вещи? Господи милостивый, да тогда я вообще не знал, что это такое – дезоксирибонуклеиновая кислота! Скажи мне любой джентльмен столь мудреное слово, я полез бы драться, посчитав это кровным оскорблением.

Обидно, просто чертовски обидно. Я не первый год вскрываю *ларцы*, поэтому предельно осторожен – перед *процедурой* я всегда надеваю перчатки, непроницаемый дождевик, слежу, чтобы и волос не коснулся *ларца*. На чем я мог проколоться? Я сжал руками виски столь сильно, что послышался хруст, а кровь зашумела в ушах. Так... кажется, еще до начала второй *процедуры*, не совсем отойдя от тяжелой медитации, я инстинктивно поцеловал поверхность *ларца* в гараже, не осознавая того, что делаю. Подняв ладонь, я больно ударил себя по щеке – о, как же запоздало это справедливое наказание! Естественно, когда помраченное медитацией сознание полностью вернулось ко мне, я и думать забыл про свой поступок. Что я наделал? Из-за ерунды, бывает, срываются великие планы, рушатся империи, гибнут мировые гении. Как там сказано в старом детском стишке:

Не было гвоздя – подкова пропала,
Не было подковы – лошадь захромала,
Лошадь захромала – командир убит,
Конница разбита – армия бежит.
Враг вступает в город, пленных не щадя,
Оттого, что в кузнице не было гвоздя...

Ненависть вспыхнула с новой силой – я отшвырнул ногой валяющийся на полу австрийский кинжал, покрытый рыжей коркой. Нет уж, ничего подобного. В моей кузнице до черта гвоздей, и я не дам себя уничтожить лишь потому, что какая-то немецкая блядь поймала меня на случайном проколе. Я присел на табуретку, постепенно успокаиваясь, – грудь ходила ходунком от хриплого дыхания. Ничего, у меня достаточно времени. Полиция не успеет выйти на мой след: им всегда можно подбросить фальшивую улику, и пока они будут разбираться... Но следующий *финал* не обещает стать легким... если полицейские второй раз вычислят мою ДНК на *ларце*, то окончательно поймут, в чем дело. И отследят всю **цепочку**. Проблема? Кто же спорит. Но время еще есть. Скарлетт О'Хара замечательно сказала в «Унесенных ветром»: «Я подумаю об этом завтра».

Однако, невзирая на мою занятость, придется пожертвовать получасом времени – мне надо залезть в Интернет и выяснить, откуда взялась любопытная немецкая сучка. Вычислить ее домашний адрес и телефон. Решено – вот ее-то я и сделаю *последней*, остающейся живой до того момента, пока жилы с *бальзамом* не иссякнут. И уж я постараюсь, чтобы она видела своими глазами, как я элегантно взмахом взрезаю *ларец*, а жизнь по капле вытекает из ее

²² «Искренне ваш, Джек Потрошитель» (англ.).

тела. Сама напросилась. Нет, подумайте только, до чего дошло современное общество, переполненное ханжами! Оно может убить миллионы в мировых войнах, но стоит зарезать **всего лишь трех женщин**, это потрясает всех поголовно, а телевидение бьется в истерику.

Бережно подняв с пола нож, я прикоснулся ногтем к лезвию. Отточено превосходно: тогда мастера умели делать холодное оружие – упорнее, пожалуй, разве что дамасская сталь. Завершив *финал*, я не откажу себе еще в одном маленьком удовольствии – сниму с этой немки кожу и заберу с собой как сувенир на память об одержанной победе. Прошлая кожа, принадлежавшая одной европейской докторше, уже сморщилась и стала похожа на мумию: недаром мадемуазель Колчак, увидев ее на полу под кроватью, орала благим матом. Негламурно, я согласен. Но специально еще раз подчеркну – я вовсе не садист и не палач, каким меня усиленно рисует голливудская культура. Однако элементарно не следует мешать мне в достижении цели, чего не поняла глупая докторша, нанявшая для моего устранения профессионального убийцу. У женщин вообще такая особенность – они постоянно лезут не в свое дело. Вот зачем этой немецкой стерве понадобилось сравнивать мою ДНК, скажите на милость? Ей что, без этого скучно жилось? Ведь если бы не ее «открытие», я бы бог весть сколько лет мог успешно совершать нужные *процедуры*, маскируясь под очередного подражателя самого себя. Теперь лавочка закрылась. А создать новый, потрясающий имидж серийного убийцы, у которого бы объявились поклонники по всему свету, будет, мягко говоря, нелегко.

Я вернулся в комнату, рассеянно подкидывая на ладони нож. Не по-зимнему яркое солнце падало на *схему*, расчерченную голубым мелком на паркетном полу. Сложная вещь. Что-то вроде многоярусной карусели с изображениями древних иероглифов, рисунков рыб и пяти треугольников ближе к центру композиции, над ними перекрещивались лучи круглой Луны, закрывающей собой Солнце. Центр эмблемы венчала отлитая из закопченного металла голова существа с рогами, без глаз и ушей. Господина, с кем я встречаюсь в иных мирах. Создавалось устойчивое впечатление – чудовище вытягивает морду сразу к обоим небесным светилам. На изогнутых рогах было наколото по *артефакту*, извлеченному из *ларцов*, третий *артефакт* располагался на «карусели» – прямо посередине Луны.

В открытой пасти существа покоился небольшой круглый предмет. Это был череп с хорошо сохранившимися длинными светлыми волосами.

Из вечерней передачи радиостанции «Корона Плюс»:

«Приветствуем вас, уважаемые радиослушатели, в эфире краткий информационный выпуск. По сообщениям из Тифлиса, в независимом грузинском царстве происходят очередные волнения. Согласно старинным традициям, обусловленным плохой экономической ситуацией в стране, царем Грузии обычно становится любой человек, который имеет во владении немыслимое богатство – трех овец. Скандал разразился, когда местный купец первой гильдии приобрел для своей мини-фермы третью овцу. Царь Грузии уже объявил, что овца куплена на „грязные кремлевские деньги“, является паршивой и блохастой, и на этом основании можно считать, что, собственно, никакой овцы и нет. Купец (и одновременно новый кандидат на царскую корону) в интервью Главному каналу сообщил – к овце дважды подсылали наемных убийц. Из Грузии высланы три имперских дипломата, обвиненных в нелегальной перевозке овцы через границу. За последние две недели в Тифлисе сменились восемь монархов – это гораздо меньше, чем раньше, поэтому позволим себе заключить: ситуация близка к стабильности.

Партия монархистов «Царь-батюшка» в условиях бешеного роста рейтинга пошла на неожиданный шаг, повергший в шок представителей оппозиции. Своим новым гимном она избрала песню из ранее запрещенного цензурой мультфильма «Бременские музыканты». На съезде партии в Суздале зал, торжественно встав, хором спел:

Весь мир у нас в руках, мы звезды континентов,
Разбили в пух и прах проклятых конкурентов!
Едва раскроем рот, как все от счастья плачут,
И знаем наперед – не может быть иначе!

Ну-ка, все вместе – уши развесьте!
Лучше по-хорошему, хлопайте в ладоши вы!

Однако уязвимость идеи оказалась в том, что она сразу была подхвачена «проклятыми конкурентами». Лидеры «Другой Империи» Гасанов и Цитрусофф вознамерились спеть дуэтом «Нам дворцов заманчивые своды не заменят никогда свободы». Пресс-служба Кремля отреагировала мгновенно, записав музыкальный ремикс: «Состоянье у тебя истерическое – скушай, деточка, яйцо диетическое». Не остался в стороне и забытый политик Георгий Грушевский – на рекламном концерте своей партии «Груша» вместе с Калерией Староморской он споет медляк «Ночь пройдет, наступит утро ясное – знаю, счастье нас с тобой ждет». По слухам, ближе к вечеру из Лондона ожидается свежий сингл купца первой гильдии Платона Ивушкина, спетый в стиле рэп:

Бывал я в разных странах, и если захочу,
То рано или поздно я всех разоблачу.

Реакция государя императора на песенную лихорадку пока неизвестна. Согласно предположениям нашего источника в царском дворце, текст будущего царского хита в обработке группы «Раммштайн» пока согласовывается, но первоначальный вариант может выглядеть так:

Руки моей железной боятся, как огня,
И в общем – бесполезно скрываться от меня,
Как лев, сражаюсь в драке, плыву как камбала,
А нюх – как у собаки, а глаз – как у орла.

Ситуация в Государственной думе остается неизменной. Даровав государю единогласно титулы: «Великий», «Мудрый», «Отец Народа», «Спаситель Отечества», «Красавчик» (от кавказской фракции), «Благодетель», «Секс-Символ» и «Котик Пушистый», депутаты осознали, что делать им, по сути, больше нечего. Споры, каким новым титулом следует облагодетельствовать его величество, переросли в драку – глава фракции «Либеральная Империя» полковник Кабановский облил экс-губернатора Бабцова квасом, заявив ему при всех: «Мерзавец ты, подонок и болван!»

Служба снабжения Госдумы пожаловалась: в сражениях депутатов ежедневно разбиваются десятки казенных стульев, и обратилась в министерство двора с просьбой увеличить финансирование. Завтра в парламенте пройдет голосование по «цивильному листу» – зарплате императора, отдельной статьей там проходят расходы на пиво. За сокращение этих расходов выступает оппозиция, твердо настаивающая – царь должен работать бесплатно, сидеть на пластмассовом троне и носить бейсболку вместо короны.

По «Империя-ТВ» сегодня был показан уникальный репортаж – встреча с мифическим существом Ктулху, живущим на дне океана. В эксклюзивном интервью гигантский монстр – воплощение мирового зла, напоминающий осьминога-мутанта, торжественно пообещал съесть мозг избирателей, которые осмелятся не явиться на выборы. «Я сам приду к вам ночью, – заявил Ктулху. – Совсем офигели, что ли? У нас в океане все голосуют. Ваш голос нужен империи!»

Выпуск новостей завершен, дорогие слушатели. Оставайтесь с нами!»

Глава пятая Восемь

(22 февраля, среда, вечер)

Щуря уставшие глаза, Каледин вплотную прильнул к ЖК-монитору – пощелкав по черной клавиатуре, он «вызвал к жизни» простенькую заставку поисковой интернет-системы «Гугл». Федор только что вернулся из управления полиции и пребывал во взмыленном состоянии, после личных звонков государя Антипову и Муравьеву МВД превратилось в натуральный сумасшедший дом. Сотрудники носились по коридорам, роняя пачки бумаг, сталкивались друг с другом, матерились и звонили по всем имеющимся телефонам. На блиц-совещании постановили вызвать дополнительные подразделения городских из провинции, в том числе и славящийся своей суровостью ОГОН – отряд гусар особого назначения. Даже декоративные конные кавалергарды в вычурных киверах и лосинах, обычно гарцевавшие по Красной площади, обреченно подставляя себя под фотоаппараты туристов, и те по приказу рассыпались патрулировать центральные улочки. Повсюду у домов на Тверской, Мясницкой и Большой Дмитровке на лестницы карабкались персидские рабочие, устанавливая новейшие видеокамеры. Во время краткого, но весьма доходчивого разговора император дал понять: если новый (или старый, ему все равно) Джек Потрошитель не будет пойман до конца недели, то на Камчатку поедут не только Антипов с Муравьевым – туда в полном составе отправятся их личные помощники и адъютанты. Досталось даже министру внутренних дел князю Ильхаму Юсупову, правнуку *того самого* Юсупова, поклонника Оскара Уайльда, застрелившего Распутина в 1916 году. Царь, как с ним часто бывало в гневе, за словом в карман не лез. Он твердо пообещал Юсупову: в случае неудачи следующий подводный флаг империи на арктическом нефтяном шельфе будет устанавливать именно он. Юсупов попробовал свалить трудности на происки купца Ивушкина из Лондона, однако государь прервал его объяснения, сказав, что Ивушкин, конечно, Ивушкиным, но не следует приписывать ему все подряд, включая убийство Кеннеди. Этим император огорчил Юсупова еще больше: убедительное досье о причастности Ивушкина к смерти Кеннеди уже лежало в сейфе МВД. Вторым ударом для начальства стала утечка по поводу Алисы и ДНК Потрошителя, «слитая» на ТВ. Но кто из сотрудников это сделал – выяснить не удалось, ибо телевизионщики упорно клялись – звонок был анонимным.

Рядом с «Гуглом» на мониторе призывно мерцали рекламные баннеры: «Сенсация – реабилитированы участники восстания декабристов!», «Интимные фото – секреты императорских конюшен!», «Скандальное видео драки в Госдуме – „октябрист“ откусил ухо у „кадета“!». Проигнорировав завлекательную рекламу, Каледин набрал в строке поиска «Джек Потрошитель» и щелкнул клавишей Enter. Через секунду его вниманию открылась великая масса разнообразных сетевых ресурсов, посвященных самому знаменитому серийному убийце в истории человечества. Не колеблясь, Каледин направил курсор «мышки» на адрес сайта famousserialkillers.com, славившегося подробной информацией о маньяках. Из динамиков рядом с монитором полились мрачные звуки средневековой органной мелодии: Каледин сумел опознать Баха. Заставка сайта была сделана под цвет «металлик», в мелких неровных точечках – как бы забрызганная кровью. В конце загрузки раздался пронзительный визг, послышался удар ножом, после чего все стихло. Пробежавшись взглядом по именам жертв Потрошителя, Каледин отправился в рубрику «Досье».

«С этого времени и пошел отсчет появления серийных убийц, жестокость которых много раз потрясала мир, – бросился в глаза красный текст на черной подложке. – Безусловно, серийные убийства женщин случались и ранее, но пик преступлений Потрошителя пришелся на расцвет бульварной прессы, чем и обусловлена его слава. Никто так и не знает, какую цель преследовал Джек и почему он неожиданно прекратил свои кровавые злодеяния. Этот человек создал „стиль“ серийного убийства: как у всякого антигероя, деяния которого тиражировали СМИ, у него появилось огромное количество подражателей». Далее шел детальный список убийств «а-ля Потрошитель», совершенных в разных уголках света вплоть до наших дней.

Каледин отхлебнул холодного чая – чашка стояла на столе с позавчерашнего дня. В обычных условиях он бы его выплюнул, но сейчас не чувствовал вкуса.

«1908 год. Киевские мещане взбудоражены ужасной гибелью шести женщин от руки неведомого убийцы – все нападения произошли за две недели декабря. Одна за другой лишались жизни горничные и служанки: самая старшая балзаковского возраста, самая младшая – несовершеннолетняя гимназистка из бедной семьи, подрабатывавшая после учебы. Усатые приставы падали в обморок, прибыв на место преступления. Тела убитых были жестоко изуродованы, их внутренности выложены вокруг трупов страшным узором. Часть внутренних органов (почки или сердце) оказалась похищена злодеем. Вскоре полиция объявила об аресте студента-медика Якова Керлибанского: в его комнате при обыске была обнаружена надкушенная почка одной из убитых – девицы Анны Билетовой. На суде Керлибанский не признал своей вины, однако доказательства в виде почки оказались неоспоримы. Он получил 25 лет каторги и умер при пересылке».

Отдельными строчками шло несколько описаний убийств различными маньяками двух-трех женщин в США, Австралии и Канаде. Крутанув колесико «мышки», Каледин наткнулся еще на одну любопытную заметку:

«1928 год. За десять дней в Зальцбурге (Австрия) неизвестный зарезал шесть девушек в возрасте от двадцати до двадцати девяти лет. Трупы были выложены на главных улицах города и разделаны так, как опытный врач препарирует покойников в морге. По заключению медэкспертов, плоть разрезалась кинжалом, который в качестве парадного оружия носят участники формирований „гитлерюгенда“. Убитые принадлежали к нацистскому „Союзу австрийских девушек“. Криминальная полиция Зальцбурга арестовала трех подозреваемых, каковые были отправлены для „пристрастного“ следствия в концлагерь СС Маутхаузен. Там они полностью признались в организации преступной группы садомазохистов и в последующих убийствах с целью

удовлетворения сексуальных инстинктов. По приговору суда все трое были казнены посредством гильотины».

Каледин нахмурился. Интересно получается... Джек Потрошитель объявился в Лондоне осенью 1888 года. Через двадцать лет кто-то аналогичным образом убивает в Киеве шестерых женщин. При прошествии еще двадцати годков точно так же гибнут шестеро девиц в Зальцбурге. А сейчас что у нас на дворе? Да аккурат 2008 год, мама дорогая. Все случаи вылазок серийных убийц, копирующих Потрошителя, объединяет число ВОСЕМЬ. Придя к этому сногшибательному выводу, Каледин поймал себя на мысли – ему страшно хочется курить. Сломав пару «табачных палочек», он выцарапал из картонной пачки «Дымовъ – Явскій табакъ» сигарету и с наслаждением задымил – благо Алисы не было дома и орать на него было некому.

Выпустив из ноздрей облако дыма, Каледин бросился смотреть информационные данные по 1948, 1968 и 1988 годам, дабы найти подтверждение своей версии. Он не разочаровался – все было то же самое. Загадочные подражатели Джека Потрошителя убивали от пяти до десяти женщин и оставляли трупы на улицах в натюрморте из внутренностей.

Один или два вырезанных из тела органа исчезали. Серии «злодейских нападений» произошли в Праге, Флоренции и Амстердаме. Кроме абсолютной схожести «почерка» всех уличных убийств, их объединяла еще одна штука – против подозреваемых поначалу не было никаких улик. Но, как правило, главным доказательством становилось следующее: дома или на работе у преступников полиция при обыске находила окровавленный *сувенир*.

Раздавив окуроч в пепельнице, Каледин вновь полыхнул зажигалкой в форме двуглавого орла – подарок начальства на юбилей департамента. Замычав, он уткнулся лбом в угол монитора, не выпуская изо рта намертво прикушенную сигарету. Нет, это натуральный бред, глюки, сумасшествие. Даже если допустить, что Потрошителю тогда было двадцать лет, то сейчас ему должно стукнуть как минимум сто сорок. Ага, хорош маньяк. Трясущийся полумертвый дедок в инвалидной коляске, опутанный медицинскими трубками с кислородом, таскается по улицам ночной Москвы и потрошит баб австрийским ножом? Сюжет из области дешевого романа ужасов – суровый трэш, покруче тарантиновского «Грайндхауса». Невероятно... Трудно согласиться со спорной логикой начальства: дескать, преступник неведомым образом похитил из Лондона часть ДНК Потрошителя, дабы подбросить его на труп жертвы и свести их с ума... Но как можно игнорировать инфу о том, что одинаковые убийства женщин из разных слоев общества происходят в городах Европы каждые двадцать лет по одному и тому же сценарию, с зеркальными обстоятельствами? Самое первое убийство случилось 31 августа 1888 года в Лондоне...

Но что, если...

Лихорадочно дернув к себе клавиатуру, Каледин вбил в «Гугл» несколько слов и цифр. Перед ним в мерцании монитора выплывали новые и новые строчки текста из давних архивных источников, в чем-то изрядно приукрашенные, а то и вовсе похожие на готическую сказку. Ведь тогда летописцы записывали слова не столько очевидцев, сколько отдаленных свидетелей событий. История доходила к ним через десятки руки, обрастая красочными подробностями, которые с течением времени щедро лепила людская молва. Но даже в таком виде информация по Потрошителю сходилась, пугая зловещей точностью. Обескровленные трупы женщин были рассыпаны на улицах всей Европы на протяжении *четырех веков*: каждые двадцать лет происходила новая серия жестоких убийств. Убийцы в большинстве случаев были пойманы, признали свою вину (под пытками либо добровольно) и публично казнены. Но были ли они действительно виновны? Зайдя на англоязычную версию сайта венгерского архива, Федор, беззвучно шевеля губами, читал перевод записей турецкого летописца Абдул-Хамида Хаджи о событиях в Будапеште зимой 1608 года:

Во имя Аллаха, милостивого, милосердного! Не далее как двадцать дней назад в нашем славном городе, находящемся под покровительством святейшего Пророка и великого повелителя султана Ахмеда Первого (да благословит его имя сам всемогущий Аллах!), досточтимого халифа правоверных, произошли леденящие кровь события. Один из янычаров полка блистательного паши Сулеймана, выйдя по нужде на улицу в предрассветный час, обнаружил обнаженное тело женщины, лежащее прямо возле святых стен мечети. То, что увидел этот янычар, тысячу раз окунавший свой храбрый ятаган в нечестивую кровь неверных, заставило его в ужасе вознести молитву и воззвать к милости Аллаха. Хладный труп был освежеван, словно жертвенный баран, и печень была вставлена в руку красавицы, а правая почка и желудок лежали рядом с белоснежными боками ее, на лоб же был возложен кусочек сердца, сверкая замерзшей кровью, как утренняя звезда. И устранился народ османский, и женщины испугались, и был великий стон и плач по всему городу. Прошла неделя – мертвых девушек находили каждое утро, злодей, залезая в окна гаремов богачей и чиновников, крал наложниц из спален и убивал их так, что сам шайтан из преисподней устранился бы его бессмысленной жестокости. Дервиш Нураддин у главной мечети клялся Аллахом: ночью он видел черную собаку с углями вместо глаз, и был пес о трех головах – бежал он прямо по небу, неся в каждой пасти по девичьей руке. И собрались мусульмане в мечетях, а неверные – в церквях, и вознесли одновременно молитвы Аллаху и пророку Исе, чтобы поразил он молнией адское чудовище и избавил людей от страданий. Той же ночью случилось чудо великое – исчез проклятый демон, словно по мановению перста Аллаха. И возник тогда великий спор между христианами, евреями и мусульманами, чьи молитвы больше помогли, ударил один купец другого купца, и началась резня кровавая – город горел три дня, а сотни трупов лежали на улицах.

«Какой банальный стандартизм, – подумал Каледин, закуривая четвертую по счету сигарету. – Прямо как на современных интернет-форумах: любая вроде бы интеллигентная дискуссия заканчивается банальным матом и обещанием оторвать собеседнику голову. Даже скучно, ей-богу».

Дальнейшее штудирование интернетовских архивов ни к чему не привело – серийные убийства женщин в Средние века не являлись редкостью, но это было уже другое: изнасилования, душиатели, некрофилы. Стиль Потрошителя больше не встречался – возможно, он либо не был зафиксирован летописцами, либо документы погибли в огне сотрясавших Европу войн.

«Четыреста, – ломал голову Каледин. – Получается, он убивает как минимум четыреста лет. А почему вообще я так про него думаю – ОН? Почему не ОНИ? Это все Алиса со своими истерическими визгами – ах, какой кошмар, ах, лично сам Потрошитель, собственной персоной! Но кто же тогда это может быть? Средневековая секта, из поколения в поколение поклоняющаяся Сатане? Изысканный аристократический род сексуальных маньяков? Древнее объединение ритуальных убийц вроде „ассасинов“ Святой Земли? Стоп... ритуальных. Так-так-так. А вот отчего никто не подумал, что Потрошитель мог исполнять своеобразный ритуал? Исследователи изначально предполагали: Джек мстил за то, что проститутка в Лондоне заразила его неизлечимым тогда сифилисом... но ведь наложницы из гаремов, горничные в Киеве, венские нацистки не были уличными шлюхами... тем не менее их убили абсолютно схожим методом... Печень в руке, кусочек сердца на лбу... правая почка... Что, если все-таки это был особый РИТУАЛ?»

На этот раз Каледин прилип к экрану надолго. Оторвался он от него лишь часа через полтора – покрасневший, с взлохмаченными волосами. Встряхнув пачку сигарет, Каледин понял: она полностью пуста, а в комнате повисла непроницаемая завеса табачного дыма. Федор рывком скомкал пачку в кулаке и указательными пальцами протер уставшие глаза.

– Господи... – сказал он, кашляя от дыма. – Господи...

Впервые за много лет Каледин поднял руку и перекрестился.

С экрана на него смотрело нечеткое изображение рогатого существа. Нежно, словно младенца, в вытянутых вперед мохнатых лапах оно держало отрубленную женскую голову с широко раскрытыми глазами...

Глава шестая

Сэр и миледи

(22 февраля, среда, Лондон)

Загрузив свое брненное тельце в самолет имперской авиакомпании «Аэрофлот», засыпающая на ходу Алиса с удовольствием откинулась на мягком сиденье бизнес-класса, размышляя, что в срочной командировке есть свои хорошие стороны. Хмурые, но предупредительные адъютанты Муравьева быстро довели ее до аэропорта по платному скоростному шоссе «Суворов», провели через VIP-зал, вручили чемоданчик, содержащий кредитку, компьютер-«наладонник», фотоаппарат и диктофон. После взлета Алиса автоматически прожевала резинового аэрофлотовского рябчика и, подложив под голову надувную подушку, попыталась уснуть. Вопреки ожиданиям сон к ней не шел – болела голова. Попросив у стюардессы стаканчик с минеральной водой, она растворила в нем таблетку аспирина и погрузилась в вялое чтение купленного на книжном лотке аэропорта «Кошкодава». Скоро буквы начали расплываться у нее в глазах. По сюжету Кошкодав (так прозвали главного героя, который в раннем детстве сел на тигра и раздавил его), держа меч-кладенец в мускулистых руках, шел через лес с кучей народа и влюбленной в него блондинистой княгиней, а ему противодействовали всякие уроды, каковых планомерно крошили в капусту.

«Блин, че за штука такая – славянское фэнтези? – утопала в мыслях Алиса, под мерное гудение двигателей уносясь в голубую даль. – Как заколебали уже все эти силы-силушки, лучины-лучинушки, булатные мечи-кладенцы и бородатые дородные молодцы. Откуда в романе летучая лисица, если она водится в Камбодже? Вякнешь что-то против, тебе сразу скажут: расслабься, это ж фэнтези, автор захочет, и слоны в березках забегают. Под словом „славянское“ все почему-то понимают одно – обязательно должны быть липовые лапти, ядреный квас и суровые богатыри, накачанные не хуже, чем в бодибилдинге, и профессионально владеющие кун-фу».

Книга выпала у нее из рук. Ей снились облепленные тухлой тинной кикиморы, лениво пьющие в болотах кока-колу, полуголые пьяные русалки, танцующие рэп, и Кошкодав, застигнутый в интересной ситуации с летучей лисицей. На этом пикантном моменте стюардесса осторожно тронула ее за плечо кончиками пальцев – Алиса проснулась, ощутив, как затекла шея.

– Пристегнитесь, пожалуйста. Мы снижаемся.

С усилием отклеив себя от спинки кресла, Алиса посмотрела в иллюминатор – сквозь серые облака виднелись поля с пожухшей травой, на земле – ни крупинки снега. Грустно моросил дождь. Лондон за время ее отсутствия ничуть не изменился. Круглый год одна и та же погода.

Средних лет пограничник в стеклянной будке с британским гербом, мельком глянув в паспорт, шлепнул туда печать – еще с начала XIX века никаких виз для посещения Европы

гражданам Российской империи не требовалось, а после медового бума – тем более. Багаж у нее отсутствовал, и она впервые оценила этот момент: не надо пастись у «ленты», тревожно выглядывая свой чемодан, а потом пробиваться назад через толпу страждущих.

Едва Алиса вышла в зал прилета, все еще находясь в полудреме, как над ухом тихим, но в то же время отчетливым голосом раздалось:

– I beg your pardon... madam Trahtenberg, if I do not mistake?²³

– Right, – на «автомате» ответила Алиса. – Are you from Scotland Yard, sir?²⁴

Человек с рыжими, как и у нее, волосами (только коротко стриженными) вежливо поднял над головой шляпу. Он был облачен в безукоризненный костюм от Burberry, на согнутой правой руке покоился аккуратно сложенный плащ, на локте левой висел зонтик с костяной ручкой. Типичный доктор Ватсон, хоть сейчас тащи в сериал с актером императорского театра Бейрутовым. Разве что уши длинноваты – видимо, специфика профессии.

– Yes, I am, – ответила копия Ватсона и церемонно поклонилась. – Pleasure to meet you, my dear lady – my name is Goodman, James Goodman. But kindly ask you to speak Russian with me, because I can speak your language fluently²⁵.

– Great! – возрадовалась Алиса и перешла на русский: – Мистер Гудмэн, у меня крайне мало времени. К сожалению, большинство модных магазинов в Лондоне уже закрыто, поэтому придется делать то, зачем я сюда приехала.

– Безусловно, миледи, – почти без акцента сказал Гудмэн и снова поклонился. – Попрошу вас следовать за мной. Машина на стоянке.

Гудмэн вел «вольво» неторопливо и молча. Через десять минут Алиса устала наблюдать рекламу на экранчике ЖК-телевизора над сиденьем и почувствовала, хорошо бы попробовать, так сказать, «разбить лед».

– Где вы так хорошо научились говорить по-русски, сэр? – спросила она.

– О, я давно изучал ваш язык, – живо ответил Гудмэн, словно ждал вопроса. – Раньше я работал в посольстве ее величества в Москве, отвечал за охрану здания. Но недавно наши монархи поссорились из-за таинственного отравления в Лондоне сэра Эстоненко: бедняга трагически погиб, отведав плутония из тарелки с кисло-острым супом. Ее королевское величество посчитала четырех ваших дипломатов шпионами и выслала их, а ваш благородный император, как это водится в дипломатической практике, избавился от четырех наших джентльменов. Среди них, увы, был и я.

– Так вы работали шпионом? То бишь рыцарем плаща и кинжала? – удивилась Алиса, сразу найдя объяснение форме ушей собеседника.

– Все сотрудники посольств шпионы, миледи. – На веснушчатом лице Гудмэна не дрогнул ни один мускул. – Работа у людей такая, если каждого за это увольнять, в посольствах и дворников не останется. С вами же, как ни прискорбно мне это говорить, надо держать ухо востро. Что с бывшим жандармом Эстоненко произошло, а? Кушал себе человек вегетарианский супчик в китайском ресторане, а ему туда плутония насыпали. И кто это мог быть, кроме агентов Отдельного корпуса жандармов? Народ у нас так перепугался: в китайские рестораны больше не ходят, там полное запустение – на прошлой неделе в Чайнатауне сразу три ресторатора повесились.

Машина выскочила на шоссе, ведущее к центру города.

– У нас газеты пишут: это Ивушкин Эстоненко отравил, тот брал у него деньги на свержение императора, а сам зажигал в стриптиз-баре, – пожалала плечами Алиса. – Купец решил

²³ – Прошу прощения... мадам Трахтенберг, если не ошибаюсь? (англ.)

²⁴ – Верно. Вы из Скотланд-Ярда, сэр? (англ.)

²⁵ – Да, это я. Приятно познакомиться, уважаемая леди, меня зовут Гудмэн, Джеймс Гудмэн. Но любезно прошу вас говорить со мной по-русски – я бегло общаюсь на вашем языке (англ.).

его смерть свалить на государя, дабы показать мировой общественности, какая наша монархия злобная, а царь так и вовсе полная сволочь. Хотя прессе следует доверять осторожно: все журналисты его милостивого величества как огня боятся. Один телеканал давал репортажи всякие – и пятна от кетчупа у государя на горностаевой мантии не отстирываются, и корона у него из сусального золота (настоящее он себе в швейцарский банк положил), а Семеновский полк мумию Шалапина из мавзолея собирался втихую сменить на ящик водки. Теперь этого канала уже нет: оказалось вдруг, что он всем вокруг деньги должен, взял и лопнул. Государь персонально по этому поводу очень сожалел, но никак, говорит, не могу вмешиваться в спор хозяйствующих субъектов.

В центре города движение «вольво» замедлилось, ибо на дороге было достаточно и других машин. Все они не сигналили, а стояли молча, – водители приподнимали котелки, здороваясь друг с другом. Алиса успела с завистью подумать о флегматичности и холодном спокойствии сынов Альбиона, она бы в этой пробке уже давно изматерилась в семь этажей.

– Само собой, – согласился Гудмэн. – А чего ж ему еще говорить? У нас, например, когда принцесса Диана погрузила половину своих любовников на двухэтажный прогулочный корабль, а он возьми и затони от тяжести среди Темзы, – в этом тоже королеву и спецслужбы обвиняли, МИ-6 замучили просто. Но королева сказала, что не вмешивается в плавание пароходов.

– У вас много наших купцов живет, – сменила тему Алиса, глядя на набережную Темзы. – Стало престижно в Лондоне дома покупать. Как ни откроешь «Московскія Ведомости», так все страницы в объявлениях: «Куплю лондонский особняк, желательно у герцога, после покупки прежним хозяевам будет предоставлена раскладушка на угловой кухне».

– О да, миледи, мы маленькое, но очень гостеприимное королевство, – радостно откликнулся Гудмэн. – Но вы знаете, русские начинают нас понемногу раздражать. Они скупили все футбольные команды – и «Челси», и «Арсенал», и «Манчестер юнайтед», и «Ливерпуль». Доходит уже до смешного – во дворе мальчишки собирают команду, так капитану на мобильный сразу звонит купец из Москвы и предлагает ее продать на корню. Я не говорю про то, что в Лондоне не осталось ни одного дома, не принадлежащего русским купцам, со свистом «улетают» даже собачьи будки и скворечники. Цены так выросли: сама королева не выдержала и изволила продать одному вашему медовому магнату половину своего дворца – уж очень хорошее было предложение. Теперь, конечно, ее величеству новый сосед чуточку мешает – он внутри здания переломал все перегородки, сделал евроремонт, построил часовенку с колоколом, хрустальный бассейн и устраивает там вечеринки с... эээ... голыми леди. Однако полученные средства вполне компенсируют ее величеству недовольство от шума и пьянок.

Примерно с полминуты Алиса не могла вымолвить ни слова.

– А как же принц Уэльский? – задала она глупый вопрос, в глубине души выругав себя за то, что пропускает отделы светской хроники в газетах.

– Он живет в гостинице, – неумолимо ответил Гудмэн. – Его дворец позавчера купил владелец мясокомбината в Клину. Но ничего, его высочество даже доволен. 100 миллионов фунтов на дороге не валяются.

Оба замолкли. Из динамика ЖК-телевизора донеслись звуки фанфар – начался вечерний выпуск BBC news. Одна новость сменяла другую – после рекламной заставки на экране появились трое мужчин с моноклями, одетых в отлично подогнанную эсэсовскую форму. Вскинув правые руки, они сели за столик с гнутыми ножками, оживленно переговариваясь. Со стены свисало красное полотнище с портретами: сначала угрюмый мужик в пилотке с кисточкой, затем – такой же мрачный тип с усами, а потом – бровастая личность с ополоумевшим взглядом фанатика. Алиса узнала их сразу – это были Бенито Муссолини, Адольф Гитлер и его преемник на посту, супер-оберфюрер Рудольф Гесс. Конференция прерывалась криками «Зиг хайль!».

«Сегодня состоялась важная встреча фюреров трех государств Балтии, – бубнила дикторша. – Все они пришли к единому мнению: следует и дальше преодолевать оккупационное прошлое Российской империи. В ближайших планах – демонтаж памятников Суворову, а также запрещение белого, синего и красного цветов, за их ношение и производство могут приговорить к пожизненному заключению. Уже отмечены самоубийства невест, производителей красок и плантаторов помидоров. Больше всех пострадали клоуны».

– Прикольные люди, миледи, – заметил Гудмэн, перехватив взгляд Алисы. – Мне вот интересно, почему из всех режимов им понравился именно стиль власти фюрера? Самое забавное – их с этим даже приняли в Евросоюз.

– Ну что поделаешь, – с хрустом в плечах потянулась Алиса. – Гитлер в принципе экстраординарный мужик. Захватил власть в Австрии, установил опереточную диктатуру с факельными шествиями и попугайскими мундирами. Затеял пятилетнюю театральную войну со Швейцарией, которую проиграл, во всем подражал Муссолини, каждый день ел спагетти. Прибалтам, наверное, он уже тогда очень нравился – форма СС больно красивая и сексуальная, ее модельер Хьюго Босс проектировал. Но что бы случилось, если б Гитлер избрался, скажем, фюрером Германии или Франции? Думаю, тогда не обошлось бы без большой крови. Ну а так он сделался диктатором маленькой страны, и его власть выглядит развлекательным аттракционом – обычный смешной буффонадный каудильо, каких полно в Латинской Америке. Бодливой корове Бог рог не дает.

– Я иногда думаю, – Гудмэн плавно повернул руль вправо, – а что бы случилось, если бы блистательный сэр Корнилов не перевешал коммунистов на фонарных столбах? Наверное, вы жили бы сейчас как в Швейцарии?

– Чего ни случись – на все воля Божья, – зевнула Алиса. – Во всем этом есть определенная ирония судьбы. Ленин трагически поскользнулся, влезая на броневик на Финляндском вокзале, а отчаявшиеся российские ссыльные в Женеве подкупили мастеровых с пастухами, и те совершили в Швейцарии социалистическую революцию. Планы у революционеров были просто наполеоновские, но проклятая реальность все задавила. Уже через пять лет Швейцарская Советская Социалистическая Республика стала завозить из-за границы часы, сыр и шоколад. У банков пришлось забрать деньги, и они полопались. Франки перестали быть конвертируемыми, их нигде не брали – даже в качестве обычной макулатуры. А потом Швейцария с треском развалилась – отделились сначала итальянские кантоны, потом французские, а под конец – и немецкие. В общем, какая-то полная фигня в итоге вышла.

На этом светская беседа завершилась: Гудмэн остановил машину на Уайтхолле в Вестминстере у одного из белых зданий с неизменной колоннадой и превосходными барельефами. Тормозил он осторожно, как человек, привыкший беречь дорогостоящие покрышки. Заглушив мотор, британец повернулся к гостье, снова приподняв шляпу аристократическим жестом настолько, насколько это позволяла низкая крыша автомобиля.

– Мы на месте, миледи. Здесь расположен музей Скотланд-Ярда, и вы сможете подробно осмотреть экспонаты по делу Джека Потрошителя, мне приказано не ограничивать вас во времени. Хотя должен признаться, экзотическая просьба вашей полиции в некоторой степени необычна.

– Почему? – вновь насторожилась засыпающая Алиса.

– Да потому что эти вещи уже лет десять никто не изучал. – Забежав с ее стороны, Гудмэн распахнул дверь автомобиля. – К ним не прикасались с той минуты, как мы исследовали ДНК убийцы. Экспонаты, касающиеся Потрошителя, лежали под замком: к ним не было допуска, туристы могли их разглядывать лишь через пуленепробиваемое стекло. Но ваша полиция по неизвестной мне причине упрямо считает: кто-то похитил частицы ДНК из музея, чтобы переложить их на замерзший труп несчастной леди в Москве.

Чувствуя невнятную тревогу и нервозность, Алиса вышла из машины, опираясь на любезно протянутую руку сэра Гудмэна. Скелет сомнений, подточенный ожесточенным ночным спором с Калединым, вновь начал обрастать плотью – ее подозрения подтверждались с каждой минутой.

Но радости от этого она не испытывала.

– И вы уверены, что к ним никто не прикасался? – дрожащим голосом спросила она Гудмэна, хватаясь, как утопающий за соломинку.

– Нет, миледи, – уверенно ответил тот. – Совсем никто. – И вежливо улыбнулся.

Примерно в трех тысячах километрах от Лондона худощавый человек, запрокинув голову вверх, стоял под снежной пургой и пристально вглядывался в светящееся окно квартиры. То самое, где очумевший от сигарет Каледин пытался переварить полученную информацию. Глаза прохожего, казалось, были настолько холодными, что снежинки даже не таяли, падая ему на ресницы. Найти любого жителя Москвы не так уж трудно – особенно если знаешь имя и фамилию. Судя по данным пиратского диска, купленного на Горбушке, эта любознательная сука проживает здесь вместе с бывшим мужем. Вычислив ее дом, он полетел сюда с бешеной скоростью. Его терзало внутреннее предчувствие: еще чуть-чуть, и он сможет перехватить эту тварь на выходе, прямо у подъезда. К сожалению, он опоздал – московские пробки кого хочешь доведут до инфаркта. Ничего. После возвращения из Лондона он с удовольствием навестит ее прямо в квартире.

А сейчас пора идти. У него сегодня еще много дел.

Глава седьмая Бомбоубежище

(22 февраля, среда, Лондон)

Круглая комната, увешанная произведениями модных сюрреалистов в резных ореховых рамах (к каждой картине привинчена аккуратная табличка), прямо дышала свежим запахом недавнего ремонта. Дизайн помещения являл собой своеобразный гибрид западного и старомосковского стилей: платиновые самовары от Стеллы Маккартни, написанная Никасом Сафоновым икона в «красном углу», чучело полутораметрового медведя, зажавшего в лапах поднос, факсы, ноутбуки и неизменная плазменная панель. Хотя в кабинете было не холодно, купец Платон Ивушкин потребовал включить батареи отопления. Стояла страшная духота, у гостей по щекам стекали горячие капли пота. Казалось, тепловой удар угрожает даже мраморным греческим богиням, заботливо расставленным по окружности кабинета. Деловито поправив широкий кушак с кистями, повязанный поверх шелковой рубахи навыпуск, Платон сел в кожаное кресло, вытянув ноги в начищенных хромовых сапогах бутылками. На лысой голове, где лишь частично, клочковатыми обрывками сохранились остатки волос, красовался черный лаковый картуз от Ив-Сен Лорана, которому рука дизайнера придала изысканную небрежность. Ивушкин жил в лондонской эмиграции шесть лет, но никогда не упускал случая, чтобы подчеркнуть: даже на чужбине он остается в доску русским человеком. Прочие убеждения Ивушкин менял столь же часто, как цыган лошадей. Сначала он боролся за самодержавную монархию, будучи черносотенцем, нес хоругви во время персидских погромов, но после скандала с императором превратился в яростного республиканца. Бульварные газеты наперебой печатали сплетни, что Ивушкин ужасно богат и при желании может купить королеву Великобритании, а также Билла Гейтса в придачу для игры на балалайке.

Сколько у Ивушкина денег на самом деле, не знал, пожалуй, даже он сам. Его средства были вложены всюду – в недвижимость, банки, яхты, самолеты и газеты, пишущие о его богатстве. Все, что было можно, Ивушкин продавал и покупал. То, что нельзя, – тоже. На прошлой неделе неопытного чиновника в одном из кабинетов имперской Генпрокуратуры завалило папками с компроматом на Ивушкина, через двое суток его смогли откопать, но бедняга на всю жизнь остался инвалидом. Каждую неделю в империи на Платона заводили как минимум две-три крупных уголовных дел, а число мелких и вовсе не поддавалось учету, равно как и количество его незаконнорожденных детей. Старец Ивушкин был популярен равно и у дам высшего света, и у фотомоделей, часто посещая с ними баню.

– Я так и думал, – сухо отчеканил купец. – Некоторые здесь сомневались, но все к этому шло с самого начала, когда зарезали Машу Колчак. Кровавые душители свободы из Кремля окончательно озверели. Жестокие убийства в Москве – мишура для отвода глаз, а настоящая цель режима стоит перед вами. Охота за мной продолжается – теперь, чтобы прикончить надежду всея Руси, стонущей под игом царизма, жандармы прислали киллера прямо в Лондон. И как только эту сволочь выпустили из аэропорта в город!

Ивушкин степенно погладил окладистую бороду и отпил кваса из стилизованного под Киевскую Русь кубка. Профессор Арнольд Лебединский, сидя на диване в хлопчатобумажных семейных трусах и майке, пошитой на заказ (присутствие дам хамоватому профессору было по барабану), цинично ухмыльнулся, посасывая традиционный английский эль из высокого бокала.

– У тебя паранойя, камрад, – съязвил он. – Ты скоро кошек на улицах будешь пугаться. Голоса еще никакие не слышишь, а? Послания не принимаешь?

Профессор (и по совместительству тоже купец первой гильдии) Лебединский в антимонархических кругах слыл скептиком, считавшим: революционную борьбу надо прекратить и сосредоточиться на зарабатывании бабла. В первый год царствования государя он отсидел неделю в каторжной тюрьме, из которой вынес татуировки по всему телу, блатной жаргон, а также ценные навыки в распиливании решеток лезвием бритвы. С Ивушкиным его свело взаимное несчастье – до того как впасть в царскую немилость, они были злейшими врагами. Телеканал Лебединского во всех новостях сообщал, что Ивушкин пишет в ботинки чиновникам министерства двора и тайком крадет еду у государевой собачки. Ивушкин же обрушивал с экрана шокирующий компромат о связях Лебединского с мафией дона Бигганова, информируя – его враг разбавляет мед дешевым албанским сахаром. После того как оба купца разом оказались в эмиграции, им ничего не оставалось, кроме как помириться. Хотя бы для вида.

– Кошки тоже могут быть засланы корпусом жандармов, – замотал бородой Ивушкин. – Знаешь, до чего техническая мысль в жандармских лабораториях дошла? Сделают миниатюрного робота-убийцу, обошьют кошачьей шкурой, он подойдет да и взорвет тебя к свиньям. Сейчас такое время пошло, что всего надо опасаться. Ты помнишь, что с Распутиным стало? Приехал вот так к друзьям вечером пирожных под мадеру пожевать, а оказался в проруби с простреленной башкой и брюхом, полным яда. Зверское убийство ведущей реалити-шоу – это личный мессидж мне от царя, дескать, что мы сделали с ней, то обязательно сделаем и с тобой, собака купеческая. Потому и намек на Джека Потрошителя: все его жертвы из Лондона, где я живу. Это постоянно случается. Выпуск погоды на Главном канале в сентябре видел? Передавали, Москву сплошь дождем залило. Врет продажное царское телевидение, врет как сивый мерин. Если подробно расшифровать эти слова, там открытым текстом сказано: «Попробуй приехать, гад Ивушкин, мы тебя в луже утопим». Я и так уж спать ложусь в плексигласовую капсулу с кислородом, надев два бронежилета, вешаю пуленепробиваемые шторы – иначе взорвут дистанционкой, как хана Янтармедова в Кувейте. Из соображений безопасности даже голубей на Трафальгарской площади кормить перестал.

– И правильно, – с издевкой подтвердил Лебединский. – Насрут на тебя плутонием, потом разбирайся, кто из них жандарм в чине штабс-капитана. Старик, я тебя в общем-то понимаю, я тоже на смене государя потерял колоссальное бабло. Так я ж не страдаю ночами, а? Живи для себя, тусуй с девчонками, езди на Ибицу. Но от тебя только и слышишь – царь, революция, убийцы, яд, снайперы. Пирожные к чаю совсем жрать перестал. Под кроватью на ночь мышеловки ставишь – опасаясь, что туда агенты жандармского корпуса заползут. Тебе что, так скучно здесь живется, что ли?

– Скучно, – неожиданно признался Ивушкин. – А кому весело? Погода говно. В ресторанах одно суши – ни тебе гурьевской каши, ни поросенка с хреном – у меня жабры скоро вырастут. Да и обидно мне... кто этого императора на престол возвел, помнишь? Я все локти себе искусал, швы накладывали.

– Еще б не помнить – только круглые сутки и брюзжишь, – икнул Лебединский. – Я ему то, я ему это... сидел, мастерил корону из подручных материалов суперклеем «Момент», партию new-монархистов «Царь-батюшка» с помощью ТВ сколачивал, крутил рекламу государей немецкого происхождения. Я, что ли, вешал во всех городах пятиметровые плакаты «Немец в Кремле – пол-литра на твоём столе!» и «Екатерина Вторая всем подарит сто три каравая»? А ты в ответ – щас XXI век, даже монархии нужны политехнологии, чтобы государь был с большим рейтингом, иначе он не символ всего народа. И куда теперь ты его рейтинг себе засунешь?

– Не надо прямых ассоциаций, – вздрогнул Ивушкин, едва не облившись квасом. – Кто же знал, что так получится? Я думал...

– О, как интересно, – развеселился Лебединский. – **Он думал!** Тебе надо арбузами торговать, а не политикой заниматься. Только посмотри, сколько партий ты в последнее время угробил. Только скажешь – вот, я эту партию финансирую, так все – кранты. Люди приезжают – плачут, в ногах валяются: не надо нас финансировать, пожалей, не оставляй деток сиротами. А ты потом кааааак врежешь в интервью: этому я денег дал, тому дал...

– Да никому я ни хера не даю, – с досадой выругался Ивушкин. – Просто рассказываю, чтобы подчеркнуть, какой я крутой. Им щас давай не давай – все как в бездонную бочку. Говорят, революцию сделают, а сами в ресторан «Ярь» к цыганам едут. Где баррикады, где рабочие со знаменем «Долой самодержавие!», где злые казаки, лупцующие демонстрантов нагайками?

– В Петрограде давеча лупцевали, – прервал молчание помощник Ивушкина Гольдберг. – Там пятьсот мастеровых вместе с Гасановым и Касимовым вышли на «Марш бескоронных», так целую казачью дивизию с водометами нагнали. Бойтся гнева народа прогнившее самодержавие, ох как боится...

– Да в дэнс-клубе в Нижнем Тагиле и то больше мастеровых соберется, – кисло произнес Ивушкин. – Я ж в Лондоне состарюсь такими темпами.

Окружающие в ужасе замолкли, перестав даже дышать.

– Энто я так, господа хорошие, шуткую, – переломил Ивушкин ситуацию, треснув об стол кубком. – Вы же знаете – я борюсь за свободу, чтобы пали тяжкие оковы царизма вместе с сырыми темницами. Если надо, я головы не пожалею для республики, как не пожалел ее в свое время Дантон.

– Вот только ЛогоВАЗа у Дантона не было, – булькнул элем Лебединский. – С этим он, безусловно, подкачал, как и с получением откатов от Конвента. А если бы его еще и назначили на денежную должность в Совет безопасности Франции... а потом он временно закорешился с главным охранником Робеспьера и стал с помощью телекиллеров мочить Демулена...²⁶

²⁶ Дантон и Демулен – деятели французской революции, соратники лидера якобинцев (или, как их называли в монархической России, «якобинцев») Робеспьера по Конвенту (парламенту). Поссорившись с Робеспьером, оба в 1794 году были казнены на гильотине.

– Да заткнись ты, наконец! – не выдержал Ивушкин, в бешенстве опрокинув кубок с остатками кваса. – Я тут пламенные речи толкаю, а ты, блядь...

– Лады, – спокойно ответил Лебединский, погружаясь обратно в эль.

Нервически дергая бородой, Ивушкин при гробовом молчании вампирским шепотом рассказал, что видел в вечерних новостях: в Лондон прилетела женщина, психолог-криминалист, работающая на московскую полицию, одна из лучших в своем деле. Согласно сообщениям информационных агентств, дама со зловещей фамилией Трахтенберг будет исследовать документы, относящиеся к «ист-эндской резне» 120-летней давности, дабы выйти на след подражателя Джека Потрошителя, отметившегося серией кровавых убийств в Москве. Однако Ивушкин ничуть не сомневается: эта женщина – профессиональный киллер, посланный new-Царским Селом для его уничтожения. Операция «Потрошитель», задуманная лучшими жандармскими умами Цветного бульвара, вступила в завершающую стадию. В связи с этим Ивушкин собрался созвать пресс-конференцию и на ней разоблачить черные планы Отдельного корпуса, но до поры до времени ему требовалось спрятаться от *la femme Nikita*²⁷. В качестве варианта предлагалась аренда подземного бункера, способного выдержать попадание двухтонной бомбы. Особые подозрения Ивушкина вызывал купец Петер Моравин, глава чернойкорного концерна «Гамма-банк и сын»: он имел неосторожность взяться за строительство именно такого бомбоубежища в своем поместье – неподалеку от замка Ивушкина. Моравин считался «кремлевским любимцем», запросто ездил в new-Царское Село к государю с копчеными осетрами и сахарной головой, напившись чаю, они вели умильные беседы на немецком языке. И ведь неспроста Моравин этот бункер воздвигает – и слепому видно. Не иначе как агенты царизма, отчаявшись, решили изничтожить борца за свободу ядерным микроударом, вот осетровый магнат и беспокоится, чтобы случайно радиацией не задело.

– ...Логично, – поддержала мнение Ивушкина журналистка Семиухова, когда-то работавшая в придворной газете государя. – Вероятно, Трахтенберг прибыла с особой миссией – корректировать этот микроудар с воздуха. Поэтому лучше всего отключить электричество во всем доме, чтобы его невозможно было опознать ночью с высоты, а также врубить глушилки для мобильных телефонов. Надо понять: мы находимся на осадном положении.

– Опять со свечами будем сидеть, – прикончил одним глотком эль профессор Лебединский и почесал волосатый живот. – Шестой раз за год уже – прямо как «Другая Империя». Я полагаю, со стороны мы похожи на придурков.

– Старичок, ты слабо разбираешься в происках спецслужб, – невозмутимо объяснил Ивушкин. – Знаешь, какая за мной слежка ведется? Не далее как вчера пришлось увеличить вдвое количество черных лимузинов, которые одновременно покидают мое поместье и разъезжаются в разные стороны. Пуцай проклятушие агенты жандармского корпуса с ног собьются.

– И без того по пять лимузинов каждый божий день покупаем, – зевнул Лебединский. – Дорога узкая, они там друг с другом сталкиваются постоянно – то крыло помято, то фары разбиты. Короче, все как всегда. Арендуем крутое бомбоубежище, делаем пресс-конференцию, находим в бутербродах с икрой следы мышьяка, глушим мобилы, отключаем электричество. Интересно, что мы будем делать, когда у тебя деньги закончатся?

– Они никогда не закончатся, – гордо ответил Ивушкин, солидно поправив шелковый кушак. – Знаешь, меня поддерживают очень мощные фонды единомышленников, так что с финансовым обеспечением полный порядок.

– Особенно если учитывать, что ты эти фонды и учредил, – налил себе еще эля Лебединский. – Сам себе бабло переводить – называется бизнес. Ты и правда двадцать «лимонов» отстегнул украинскому гетману на революцию?

²⁷ Популярный телесериал про женщину-киллера.

– Нет, – признался Ивушкин. – Ты разве хохлов не знаешь? Они возьмут, а потом скажут, что не брали. Лучше им совсем не давать, тогда не так обидно. Зато прикинь, какой мощный имидж я заделал? Сидит воистину православный купец Платон Ивушкин в Лондоне и всем вокруг щедро дает бабло на революции, а царь из Москвы зубищами скрежещет, но не может ничего сделать борцу за демократию. И чего? Скажи, разве не работает?

– Офигительно, – согласился Лебединский, отрыгнув. – Ну ладно, вроде все согласовали? Давай тогда с богом, поедem по домам. Тебе же еще два часа по городу петлять – от «хвостов» жандармского корпуса отрываться.

Сохраняя серьезность, купец попрыскал духами на окладистую бороду с проседью. Ровно ступая ногами в хромовых сапогах, он направился к выходу, поддерживаемый под руки дамами-поклонницами. На пол полетели цветы – фотомодели в кремовых греческих туниках, с трудом протискиваясь между гостями, сыпали Ивушкину под подошвы сапог лепестки свежесрезанных роз.

Глава восьмая

Ночная смена

(22 февраля среда, почти полночь)

Михаил отпил из пластикового стакана глоток обжигающего кофе и тупо уставился на электронную панель с десятком мониторов. Ничего. Ей-богу, абсолютно ничего – хоть бы бродячая собака по улице пробежала для разнообразия. Конечно, кто там может нарисоваться в такое-то время? Но хозяйка напугана как последняя дура, каковой она, собственно, и является. Эти богатые сучки не знают, куда девать деньги. Поставила три дополнительные камеры, перевела их с Максимом на круглосуточное дежурство. Один спит, другой бодрствует. И все из-за маньяка, который ловит и режет на полосочки звездных баб на московских улицах. А его хозяйка считает себя звездой первой величины, ну да, она ж выпустила штук пять книжек про стерв на Трехрублевке, ставших бестселлерами. Кто бы глаза ей разул. Да на одном Трехрублевском шоссе (не говоря уж про Петроград) столько гребаных дутых звезд обитает, что этот маньяк вусмерть упахается – работы хватит как минимум лет на двадцать. Пока до его хозяйки очередь дойдет, ей уже самой жизнь станет не мила с бесконечными пластическими операциями, рожа и без ножа от улыбки треснет. Теперь вот она спит, Максим дрыхнет на диванчике в соседней комнате, а он тут торчи и пьешься на дорогу перед хозяйкиным коттеджем до десяти утра. Спору нет, охранником трудиться не так уж напряжно, но так в основном думают те, кто с такой работой близко не знаком. Сидеть на картофельном складе – оно да, сутки пашешь, трое дома, но когда у тебя в работодателях истеричка, которая, чуть что, топает ногами и орет: «Я за что вам деньги плачу? Всех уволю, козлы!» – тут за одни сутки год жизни потеряешь. Да он и сам уволится, денег вот только подкопит – и все, гудбай. Откроет тренажерный зал, чтобы люди могли себе мускулы качать, – попрут толпой, глядя на него. Он же живая иллюстрация пользы фитнеса – бицепсы с литровую банку, мускулы на животе – хоть кирпичи клади, щеки – как топором вырублены. Девки с ума сходят – без разговора с разбегу в постель прыгают. Еще бы, его телосложению даже Шварценеггер – и тот черной завистью позавидует.

Отодвинув стакан с осточертевшим кофе, Михаил снова бросил тоскливый взгляд на мониторы, где царила полнейшая тишь да гладь. В комнатке тесновато, толком и не развернешься – держат, словно в консервной банке, за людей не считают. Всю ночь они с Максом пасутся в специально оборудованной холодной пристройке: теперь новое трехрублевское купечество брезгует охрану домой пускать: не дай бог, затопчут сапогами коврики от Версаче. Дом и без того настолько укреплен, мышь не проберется: снаружи – бетонный забор, поверху –

колючая проволока под электрическим напряжением, изнутри – капканы на волка. Взвод спецназа в полной экипировке не смог бы этот коттедж штурмом взять, а не то что какой-то бледный любитель с ножиком. Неделю назад папарацци нарезали круги вокруг дома, все хотели заснять, как голая писательница из сауны в снег сигает. Ихний фотограф-папарацци на самую высокую сосну залез, да оттуда и сверзился: ни одного кадра не щелкнул, зато обе ноги в гипсе.

Он выкинул полупустой стаканчик в корзину с мусором. Даже если бы маньяк прорвался на территорию коттеджа (а это возможно только в случае его прилета на штурмовом вертолете «Апач») – что бы случилось? Стены пристройки охраны бронированы, стекла – пуленепробиваемые, кнопка сигнализации тут же шлет тревогу на ближайший пункт полиции, сразу приедут и околотовный, и пристав, и ОГОН, и казачий патруль. У них с напарником – по две новейшие модификации револьвера «наган» с барабаном на 12 патронов, дубинки, бронежилеты. И сам Михаил с Максом, извините, тоже чего-то стоят: год на Кавказе оттрубили, где с отрядами мюридов сражались. Уж с одним маньяком, будь он даже Рэмбо, справились бы без проблем. Но хозяйку трясет – телевизора насмотрелась в подробностях, как девок этих потрошили. Ночью по шесть раз просыпается, звонит им на пункт – все ли в порядке. Приходится серьезность сохранять и, сдерживая смех, сурово докладывать: нет-нет, сударыня, не волнуйтесь. Не дай бог, если на пункте никто не ответит, она тут же в полицию побежит в панике, поэтому они даже в туалет ходят по очереди. Истеричка хренова. Михаил украдкой бросил взгляд на книжку с детективом, лежащую рядом с пультом управления. Неужели ему всю ночь так и придется без отрыва изображать бдительность? Жаль, а книжка хорошая... оторвали от чтения на самом интересном месте, когда незнакомец в черной маске пробирается в спальню к певичке... ччччерт, неужели он так и не дочитает эту главу? Но не будить же из-за этого бедолагу Макса? Ему и так осталось спать недолго, скоро обходить всю территорию с фонариком, изучать следы на снегу, не перелез ли кто-нибудь через забор. К тому же Макс злопамятен: в следующий раз найдет повод, чтобы среди ночи поднять с дивана самого Михаила. В конце концов, можно читать и одним глазком на мониторы поглядывать. Михаил усмехнулся, оценив двусмысленность ситуации. В триллерах оно так постоянно и бывает – часовой на что-то отвлечется, а злодей в этот момент проникает на охраняемый объект... Но не стоит путать божий дар с яичницей. Михаил-то, слава богу, вовсе не в детективе находится, а в самой что ни на есть реальной жизни, где такой фигни практически никогда не случается.

Он погрузился в чтение, смакуя сцены и представляя, как киллер зажимает рот трепещущей от ужаса певичке. Честное слово, очень жаль, что его нынешняя хозяйка не на месте жертвы. Он бы с удовольствием помог убийце. Перелистывая страницу, Михаил услышал шаги Макса за спиной.

– Проснулся? Включи кофеварку, кофе себе сделай, оклемаешься, – сказал он, не оборачиваясь, – сюжет в детективе принял совсем экстремальный поворот.

Мир в голове взорвался темнотой, как будто волна мутной грязи шлепком ударила в лицо. Ничего не успев понять, он выпустил из рук книгу и с грохотом вывалился из кресла. Человек в шляпе (но без маски), нагнувшись над ним, отвел руку с обшитой бархатом дубинкой и изящно приложил руку с тряпочкой ко рту и носу Михаила. Убедившись, что тот заснул, он с любопытством поднял книгу, оброненную им, и заглянул в середину:

«Ее глаза расширились от ужаса, когда она увидела широкое лезвие ножа». Человек тонко прыснул от смеха – ну надо же, какое забавное совпадение.

Отключив камеры на пульте управления, он аккуратно стер все записи, фиксировавшие выход на дорогу. В дом удалось проникнуть, не попав под объективы, но кто знает, не допустит ли он такой оплошности после. Это здание он знал как облупленное, поэтому не составило сложности оказаться с другой стороны высокого забора, ко всему прочему, у него имелся ключ. Когда он завершит то, за чем пришел, изобразит взлом – пусть у полиции не возникнет подозрений по поводу ключа. Как в случае с той девушкой-проституткой в Лондоне, в чьей

квартире он устроил *процедуру*. Тупые полицейские решили – он влез через окно с улицы. Наивно. Девушка *сама* открыла дверь, поскольку давно знала его как доброго знакомого.

Он крепко связал охранника, наложив ему плотную повязку на глаза. Потом, пройдя в комнатку для отдыха, сделал то же самое со вторым сторожем – его даже не пришлось бить по голове, просто приложил ко рту тряпочку с хлороформом, и готово. Он не собирался убивать этих ребят, если только не возникнет необходимость в их смерти. Сегодняшняя *процедура* займет приличное количество времени, и, более того, от начала и до конца она будет проходить в стенах этого дома. Неизвестно, как начнут вести себя охранники, когда вновь придут в сознание. Во всяком случае, через пару часиков он обязательно спустится вниз и проверит, как у них идут дела. Писатели и киносценаристы изображали обе его ипостаси законченными сдистами, но это в корне неправильно. Он с удовольствием избежал бы *процедур*, если можно было бы обойтись без них, чтобы достичь *финала*. Но, к сожалению, без них никак не обойдешься.

Закончив приготовления в пункте охраны, он на цыпочках поднялся на третий этаж, безошибочно нашел в темноте знакомую ему спальню, откуда слышалось мерное дыхание, – писательница, пекущая дамские бестселлеры, как пирожки, ложилась спать рано. Завтра у нее ночная тусовка, презентация новой книги «Казуар Двадцать Три» – значит, она обязана хорошо выспаться, ведь на подобных тусовках следует блистать дивной свежестью лица.

Она еще не знает, что не попадет на эту тусовку. Никогда.

Войдя в комнату, он бесшумно приблизился к изголовью большой кровати, где, разметавшись, спала писательница Ксения Смелкова. Шторы были плотно закрыты, не пропуская лунный свет, но его глаза привыкли к темноте, подобно кошачьим. Смочив тряпочку порцией хлороформа, он занес ее над лицом спящей, лежавшей на спине, как по заказу – подставляя ему губы...

В этот момент Смелкова, что-то пробормотав во сне, повернулась на левый бок, ее рука с ухоженными ногтями упала на ночной столик, задев перламутровую кнопку. Вспыхнул яркий свет лампы: шевельнув веками, Смелкова открыла глаза и с удивлением уставилась на лицо в шляпе.

– Это ты? – спросила она хриплым от сна голосом. – Что ты здесь делаешь?

Обеими руками он вплотную прижал тряпочку к ее губам. Она дернулась пару раз, пытаясь вырваться, но совсем-совсем слабо. Доза хлороформа, впрочем, была несильной (в отличие от той, которой он угостил охрану) – примерно через час женщина должна будет оклематься. К тому времени он успеет завершить все приготовления к *процедуре* – на этот раз она требовала обязательного *омовения*. Небольшая ванна-джакузи для этого подходила – он не раз бывал в ней. И один, и вместе со Смелковой.

Поставив на пол компактный саквояжик, он раскрыл его и достал голубые мелки, бельевые веревки, черные свечи, мешок из пластика, необходимые *артефакты* и нож, понравившийся ему своим исключительным качеством еще в Австрии. Если его как следует наточить – вскрывает *ларец* с первого же раза, скользит гладко, как фигурист по льду.

Глядя на чеканную надпись Blut und Ehre, он вспомнил книгу, выпавшую из рук уснувшего охранника, открытую этим бугаем на банальнейшей фразе:

«Ее глаза расширились от ужаса, когда она увидела широкое лезвие ножа».

Но Смелкова не увидит лезвия: он всегда перерезает горло только после того, как сломает шею. Тем не менее она смогла его узнать, при пробуждении наверняка начнет кричать, обращаться по имени. Господи, да что с ним такое? Сначала оставил слюну на поверхности *ларца*, теперь вот забыл дома черную маску, когда сорвался, чтобы встретить немецкую сучку Трахтенберг у подъезда, – зря только время потерял. А маска ведь крайне необходима во время *процедур*.

Когда женщины видят его лицо, они задают ненужные вопросы. Как сейчас.

Глава девятая

Из ада

(22 февраля, среда, Лондон)

Прочитав письмо, Алиса осторожно перевернула пожелтевший листок пинцетом, положив его на гладкую поверхность канцелярского стола – мебель в музее Скотланд-Ярда, вероятно, была столь же старая, как и сам листок. Первое послание Джека Потрошителя состояло из двух страниц и начиналось с канонических слов Dear Boss – то бишь «любезный начальник». Написано оно было пурпурно-красными чернилами каллиграфическим, округлым почерком. Каждый знак обводили долго и тщательно, именно поэтому все буквы даже сейчас просматривались на бумаге очень отчетливо. Возможно, это письмо вообще было написано убийцей не с первого раза. Послание датировано 25 сентября 1888 года и доставлено в Скотланд-Ярд спустя четыре дня – его бросили в самый обычный почтовый ящик на улице. Алиса внимательно смотрела на пронзительно красные строчки, мутневшие и расплывавшиеся перед ее воспаленными глазами.

«У той леди не было времени даже взвизгнуть. Как полицейские смогут меня поймать? Мне нравится моя работа – и я хочу начать все снова. Скоро вы опять услышите обо мне и о моих забавных играх».

Слова написаны с ошибками, но их никто не исправлял. Действительно – либо человек безграмотен... либо он *хотел*, чтобы его считали таким...

– Сэр, – тихо обратилась Алиса к Гудмэну, тактично читавшему за соседним столом вечерний выпуск «Таймс». – Проводилась ли графологическая экспертиза этих посланий? То есть я хочу сказать, что современные эксперты говорят о характере этого человека, о его психике?

– Да, миледи, – отозвался Гудмэн, отложив газету. – В принципе ничего нового я поведать не смогу. Как вы знаете, существует предположение: Потрошитель делал эти ошибки в письмах намеренно, стараясь сбить следствие с толку и изобразить убийцу безграмотным представителем лондонского «дна». В наше время графологи полностью уверены – твердый и округлый почерк доказывает обратное. От имени Потрошителя письма в Скотланд-Ярд писал человек из высшего общества – несомненно, дворянин. Свидетельства в пользу этого – ВСЕ подражатели Джека тоже являлись образованными людьми, среди них был голландский профессор медицины.

– Я это слышала, – поморщилась Алиса. – Множество исследователей говорили – убийцей мог быть член британской королевской семьи – Альберт Виктор, герцог Кларенский. А три года назад вышла книга «Дядя Джек», где виновным назвали баронета Джона Уильямса, близкого друга королевы Виктории, курировавшего беременность ее дочери. Есть мнение, что он убивал девушек ради врачебных исследований. По-моему, все это попса.

Сэр Гудмэн отрицательно покачал головой. Встав, он подошел к Алисе, держа в руке заботливо прихваченный с музейного стола пинцет.

– Вы знаете, миледи, – заметил британец, склоняясь над письмом. – Тысячи исследователей, подобно стаду слонов, уже вытоптали весь пол в королевских архивах, пытаясь сравнить почерк Потрошителя с письмами герцога Кларенского и баронета Уильямса. Но сенсации не произошло – они никоим образом не совпали. Кстати, рекомендую вам обратить внимание вот на это письмецо, – Гудмэн ловко подцепил пинцетом еще один пожелтевший листок. – Третья, последняя весточка от Джека под названием «Из ада».

«Пасылаю вам палавину почки каторую взял у женщины, —

вчитывалась Алиса в знакомые с Оксфорда строки, написанные на этот раз кривыми и неровными буквами:

**Сакранил ее для вас а другую паловину я паджарил и съел это
было весьма фкусна. Вазможно пожже я прешлю вам акрававленный
нож каторым ее выризал если вы нимного падождете».**

Письмо не содержало подписи truly yours, Jack the Ripper, зато в самом низу кровавым росчерком была накорябана издевательская фраза:

«Паймайте миня кагда вы сможете».

— Я тоже поддерживаю точку зрения — Потрошитель запутывал следствие специально, — жеманно произнесла Алиса, подавляя зевок. — В этом письме число ошибок превосходит все мыслимые пределы, хотя прошлое таких огрехов не содержало. Он притворяется полуграмотным, он хочет, чтобы в это поверили, и для этого старается изменить почерк, сделав его грубым, «неотесанным». Это удивительно — в посланиях до сих пор сохранился красный цвет чернил, которыми писал убийца... их что, реставрировали?

— Нет, миледи, — качнул головой Гудмэн. — Письма написаны изобретенной самим Потрошителем адской смесью — кровью жертв, смешанной с имбирным пивом. Как признавался Джек в первом письме, жидкость «сильно загустела и стала похожа на клей». Трудно в это поверить, но цвет действительно остался неизменным даже спустя сотню лет.

Сэр Гудмэн в легком волнении прошелся от одного шкафа к другому. — Определенно в вашем приезде в Лондон есть промысел Божий, — продолжил он. — Я давно хотел отдать эти письма на одну интересную экспертизу, но лень было писать такое количество бумаг. Как вам известно, половина почки со следами зубов, из которой мы получили частицы его ДНК, принадлежала убитой проститутке Катрин Эддоуз. Теперь мы хотим понять, из крови каких именно девушек он приготовил свои *замечательные* чернила. Да и саму ДНК не мешало бы проверить еще раз, используя новые технические возможности. Конечно, дело давным-давно закрыто, по сути, это пустая трата денег. Но наше начальство иногда с удовольствием финансирует такие исследования.

Почти не слыша его слов, Алиса, не забывая кивать в такт, погрузилась в чтение второго письма, отправленного убийцей 1 октября 1888 года. Оно было начертано на дешевой открытке — на глянцевой поверхности размазались три кровавых развода, сливаясь в жуткий иероглиф: даже удивительно, что оно дошло в Скотланд-Ярд в таком страшном виде. Джек Потрошитель сообщал — скоро все услышат о его «двойном сюрпризе»: утром 30 сентября он убил сразу двух женщин — уже упомянутую Эддоуз, вырезав из ее тела почку, а также Элизабет Страйд. **«У меня не было времени, чтобы отрезать и послать вам их уши»**, — сожалел Джек. Письмо, впрочем, являлось копией — оригинал из архивов кто-то похитил. Это же в свое время произошло и с самым первым письмом — Dear Boss. Долгие годы оно считалось утерянным, пока 20 лет назад очередной чокнутый имитатор Потрошителя в Амстердаме не прислал это письмо в полицию. Отправителем оказался богатый врач, страдавший раздвоением личности и считавший, что в его тело вселилась душа Джека. Украденное письмо он купил на подпольном аукционе, чтобы соответствовать своему образу. Доктор признался в убийстве шести женщин. Его упекали в лечебницу на всю жизнь, а послание Потрошителя вернули в Скотланд-Ярд, где оно и пребывает до сих пор.

Отложив письмо, Алиса брякнула пинцет на стол. Едва она прикоснулась пальцами к вискам, как почти сразу перед ней возник пластиковый стакан с прозрачной шипящей жидкостью — внутри весело скакали пузырьки.

— Аспирин, — вежливо пояснил Гудмэн. — Я вижу, у миледи болит голова.

«Культурный народ, – с уважением подумала Алиса. – Ноу-хау, все дела. У нас-то уставшей и засыпающей женщине только клофелина охотно подсыпят, чтобы воспользоваться ее беспомощным состоянием, а тут – пожалте». Поблагодарив, она залпом выпила отвратное на вкус содержимое стакана. В голове частично прояснилось, хотя единственное, что привело бы сейчас ее в норму, – это восемь часов нормального сна. Алиса явственно представила себе мягкую кровать в отеле, на которую она упадет прямо в одежде и намертво вырубится, как медведь во время спячки.

– Сэр, – томно выдохнула она. – Как вы отнесетесь к следующему факту – ДНК Потрошителя и охотника за женщинами в Москве совпали? Наше начальство уверено – частицы были похищены из музея Скотланд-Ярда.

Гудмэн засопел, но ничем другим не выказал своего раздражения.

– Миледи, я понимаю, в вашей стране так принято – переспрашивать очевидные вещи по десять раз, – мягко произнес он. – Но, к сожалению, я вынужден повторить: последние десять лет письма и половина почки леди Эддоуз находились в закрытом доступе: на них можно было смотреть, но нельзя прикасаться. Частному исследователю для получения допуска к этим экспонатам надо заверить такое количество бумаг – за один раз на пароходе не привезешь. Мы специально проверили по просьбе вашего департамента полиции, кто запрашивал просмотр письма и почки в последнее время. С середины девяностых годов, когда был произведен тест ДНК, – он вежливо улыбнулся, глядя в лицо Алисе, – не состоялось ни единого визита в музей личности в цилиндре с окровавленным ножом в руках.

– Да, но кому-то ведь удалось похитить пару открыток, написанных Джеком, верно? – резонно возразила Алиса. – Значит, такое в принципе возможно.

– Не соглашусь, – отразил удар Гудмэн. – Письма пропали еще в начале двадцатого века, когда свободно лежали в архивном досье. Скорее всего, их унес кто-то из нечестных констеблей – культ Потрошителя уже начинался, можно было заработать хорошие деньги. Полицейские, знаете ли, тоже люди. С тех пор уцелевшее письмо «Из ада» находилось под семью замками. Про почку я вообще не говорю. Зато свидетельские показания по делу Потрошителя и записи допросов жителей Уайтчепела находятся в свободном доступе, я скопировал их для вас на флэшку. Там есть показания людей, якобы видевших удаляющуюся фигуру в ночном мраке: священник Эндрю Райли, молоденькая владелица продуктовой лавки Элизабет Бэйтс, фонарщик Джереми Беллбоун, повивальная бабка Кимберли Стилл. Всем свидетелям виделся силуэт в развевающейся крылатке, с цилиндром на голове и тростью в руке – худой мужчина невысокого роста. Так тогда выглядела половина Лондона, поэтому немудрено, что Потрошителя не смогли поймать. На этой же флэшке фотоархив по всему делу. Снимки жертв, свидетелей, подозреваемых и женщин, пострадавших от аналогичных преступлений. Помимо смертей, осенью 1888 года произошло с десятков нападений: проституток кто-то внезапно хватал за шею сзади, но они начинали кричать, и атакующий исчезал. Кто знает, был это Джек или уличный грабитель?

Алиса ощутила, что сейчас ей понадобится целая батарея стаканов с аспирином. Она поняла, объяснять начальству в Москве будет нечего.

– Хорошо, – слабым голосом произнесла баронесса. – Но если образцы ДНК Потрошителя из музея Скотланд-Ярда никто не похищал, как вы тогда объясните то, что ее частицы немислимым образом оказались в Москве?

Впервые за все время их краткого знакомства Гудмэн затруднился с ответом. Он наморщил лоб и уставился на покрытый тонким слоем пыли портрет королевы. Потом, как будто у него на спине нажали невидимую кнопку, британец повернулся к Алисе, улыбаясь ей стандартной улыбкой.

– Все исключительно просто, миледи, – с превосходством заявил Гудмэн. – Вашему начальству не приходило в голову – убийца попросту может быть правнуком Джека Потрошителя, его дальним потомком по одной из линий?

Алиса на секунду задумалась, но тут же решительно затрясла головой:

– Нет. Вы знаете доктора Эрика Гиббенвальда из отдела экспертиз музея?

– Конечно, – моргнул Гудмэн. – Кто ж не знает старика Гиббенвальда?

– Он у нас в Оксфорде преподавал историю криминалистики, – тянула слова Алиса, желая упасть со стула и уснуть прямо на полу. – Я знаю его десять лет. Так вот, я послала доктору факс с данными, полученными при анализе ДНК в Москве, – с трупа одной из жертв сняли частицу слюны убийцы. Он ответил мне: данные **АБСОЛЮТНО ИДЕНТИЧНЫ** с теми, которые извлекли в Лондоне из надкушенной Потрошителем почки. Они не разнятся даже на долю процента. Сэр Гиббенвальд уверен: таких совпадений не бывает. Я не наткнулась на правнука Потрошителя, сэр. **Я встретила самого Джека.**

В комнате музея стало слышно, как тикают старинные часы на стене.

– Вы ожидали, что я лишусь чувств, когда вы скажете это, миледи? – осведомился Гудмэн. – По сюжету, наверное, так и требуется. Но должен вам сказать одну скучную вещь: мы с вами не в убогом триллере находимся.

– Разве? – изумилась Алиса. – Но некоторые моменты...

– Без разницы, – отрезал Гудмэн. – Так или иначе, расклад, миледи, прост до безобразия. В Лондоне доступ к ДНК был закрыт долгие годы. Верно? Значит, подбросить его частицы на труп в Москве никто не мог. Да и как вы это себе представляете – кто-то в музее Скотланд-Ярда тайно свистнул ДНК Потрошителя, разжевал его, приехал в Москву и радостно плюнул на труп замороженной девицы? Ваше начальство уже ничего не соображает.

– Никто мне не поверит, – всхлипнула Алиса. – Даже мой бывший муж в ночной беседе высказал мнение, что это у меня глюки от недое... в общем, неважно, сэр. Далее, если верить триллерам, за бредовую идею нас вообще должны отстранить от расследования, а убийца будет меня преследовать.

– Не исключено, – насмешливо отозвался Гудмэн. – Но скажу вам одну вещь как англичанин. У нас говорят: если существо выглядит как собака, лает как собака и вертит хвостом как собака – значит, это и есть собака.

– Потрясающе! – всплеснула руками Алиса.

– Да, – гордо подтвердил Гудмэн. – Признаюсь, у меня самого от ваших выводов голова кругом идет. Одно исключает другое. **Джек Потрошитель физически не может быть жив, однако получается, что это так.** Что бы я сделал на вашем месте, дабы подтвердить свою теорию? Элементарно. Во-первых, проверил бы все серийные убийства женщин начиная с 1888 года – с какой периодичностью они происходят. Во-вторых, убийца, кем бы он ни был, мечтает всеми фибрами души, чтобы его считали именно Джеком Потрошителем. Вот и отлично. Отбросьте сомнения, бросьте все силы на поиски Джека Потрошителя. И тогда вы его найдете.

– Спасибо. – Впечатленная пламенным монологом Гудмэна, Алиса поднялась со стула, с трудом сохраняя равновесие – затекли лодыжки. – Пожалуй, это действительно единственный выход из сложившейся ситуации. Благодарю вас за вашу помощь, сэр Гудмэн. Вы очень много сделали для меня – больше, чем могли. Мне пора ехать в гостиницу – я не спала всю ночь, падаю с ног.

– Я отвезу вас, миледи, – джентльменски поклонился Гудмэн. – Не стоит благодарности. Пожалуйста, не споткнитесь о стол у выхода.

...Доехали они быстро – Лондон стремительно погружался в ночь. На пустой, сверкающей от дождя дороге мигали огоньками одинокие машины да невесть куда неслись спокойные мотоциклисты, даже не думающие обгонять шоферов. Галантный Гудмэн, невзирая на протек-

сты, дошел до стойки в отеле и подождал, пока ей выдадут ключ от номера. Получив искомое и расплатившись служебной кредитной карточкой, Алиса проводила Джеймса к его машине, подала ему руку, он прикоснулся к ней холодными губами. Было заметно – что-то гложет британца, он не решается сказать заранее приготовленную фразу – видимо, какой-то комплимент. Так и не дождавшись, Алиса повернулась, чтобы идти...

– Миледи, – решил наконец Гудмэн. – Слушайте, да на хера вам сдался этот уродский клоповник? Поехали в ночной клуб – будем жрать водку, глотать экстази и зажигать не по-детски! А? Ей-богу, какая ночь, е-мое! Ночь любви!

Алиса с ужасом посмотрела на Гудмэна. Сон слетел с нее, как шелуха.

– Что с вами? – дрожащим голосом спросила она. – Вы же англичанин...

– Англичанин? – переспросил Гудмэн, и тут его окончательно прорвало: – Да знали бы вы, как мне острохренела вся эта псевдобританская херня! Вот почему я должен соответствовать надуманному литературному образу, а? Какой козел придумал этот имидж?! Откройте любой детектив – все англичане в клетчатых костюмах, с зонтиками, в котелках, лаковые ботинки, поклоны, сэры-пэры, миледи-хуеди. Этот пятичасовой чай у меня уже в печенках сидит, вместе с дворцовым и овсянкой на завтрак. Я мечтаю о другом стиле! Хочу завязывать волосы в хвост, ходить в майке Helloween и шортах, надевать кроссы, глушить спирт с перцем, драть телку в подъезде без презика, трясти хаером на шоу хэви-метал. Почему мне в этом отказывают? Шерлок Холмс давно умер, его черви съели – так, может, пора уже прекратить следование сучьим колониальным традициям?

Он остановился, Алиса готова была упасть в обморок. Выдохнув, Гудмэн стер со щеки внезапно выкатившуюся слезу. Он снял шляпу, церемонно кланяясь, и вновь поцеловал ей руку, едва касаясь дрожащих тонких пальцев.

– Доброй ночи, миледи, – произнес британец спокойным голосом как ни в чем не бывало. – Я надеюсь, ваше почивание ничто не омрачит.

Хлопнула дверь, и автомобиль исчез в лондонской тьме.

Шатаясь, с осоловевшими глазами, Алиса поднялась в тесном старом лифте с треснутым зеркалом на потолке: кабина ехала величаво и медленно, словно гвардеец на параде. В попытках начальство заказало ей первый попавшийся отель Strand на одноименной Стрэнд-стрит: обветшалое серое здание викторианской постройки. Войдя в комнату, Алиса убедилась – там явно не стоит полтора фунта: обшарпанные стены с потеками, кровать с покрывалом не первой свежести, не работающая (из экономии) батарея и облупившийся потолок. Бездумно сбросив с себя одежду прямо на грязный пол, она прошла в ванную, включив горячую воду и разом бросив в нее все стоявшие у зеркала флакончики с шампунем. Сейчас она плюхнется в маслянистые волны покрытого пеной, горячего божественного коктейля, и... в этот момент Алиса вспомнила, что забыла «оживить» мобильник: по просьбе стюардессы он был отключен еще в самолете.

В костюме Евы метнувшись к сумочке, Алиса начала лихорадочно рыться в ее недрах. Ага! Вот он! Вытянув со дна трубку, она набрала пин-код – дисплей засветился отблесками слабого света, постепенно оживая.

«Срочно перезвони», «Перезвони, есть новости», «Перезвони, мать твою!», «Включи телефон, ДУРА!», «Чертова идиотка, где ты ходишь?» – все эсэмэски были от Каледина, их градус накалялся от послания к посланию. Последнее и вовсе содержало только сложные эпитеты в ее адрес, включая нежное пожелание «убей себя об стену». Примерно такое же количество аналогичных сообщений было записано на автоответчике. По голосу Каледина можно было понять – за время ее отсутствия случилось нечто неординарное.

– Мерзавец, – скучно сказала она в трубку, и «Нокиа» начала послушно набирать калединский номер: такую голосовую метку она неделю назад поставила для его мобильного. Подождав, Алиса поднесла телефон к уху.

«Абонент недоступен или находится вне зоны действия сети. Пожалуйста, перезвоните позже», – услышала она на русском и английском языках.

Подождав, Алиса перезвонила дважды. Каледин не отвечал.

Глава десятая **Корона на заднице**

(23 февраля, четверг, ночь)

Ольга тихо заскулила – вытянув обе руки вдоль офисного стола, она трагически положила на них голову, скулеж перешел в невнятное протяжное мычание. В карих глазах стриженной шатенки с грамотным макияжем на ухоженном лице светились беспросветная тоска и горе.

– Ну сколько можно еще, а? – надрывно простонала она. – Доколе? Я домой хочу, в конце-то концов. Ночь на дворе, у меня кот с утра не кормлен.

Коллеги предпочли игнорировать ее тяжкие страдания. Схожие чувства обуревали всех сотрудников офиса, но никто не смел ослушаться строгого начальства. Шефу только что звякнули на мобилу из министерства двора, и он вышел говорить в коридор, дабы подчеркнуть этим всю секретность звонка. Впрочем, имя звонившего он произносил очень громко, называя его «ваша светлость» – намек на княжеский титул абонента.

– У тебя кот, а у меня мужик, – шепнула на ухо Ольге разбитная соседка Света в черном свитере с глубоким вырезом, на левой груди виднелась татуировка – знак принадлежности к древнему роду дворян Васильчиковых. – Твой-то хоть кастрирован, а мой нет. Не буду кормить – сбежит к девице, которая его будет с ужином дома ждать. Самой тошно. Третий час ночи, а мы еще совещаемся. На улице холод сибирский – у меня потом тачка не заведется.

– На черта я пиарщицей стала, блин? – хныкала Ольга. – Лучше бы официанткой. Тут что, принято умирать на работе? Отпустите меняааа...

– Никто тебя не отпустит, – прошипела Света и подпернула рукав свитера. – Сейчас выборы в Думу, шеф предупредил – будем дневать и ночевать в офисе. У нас от партии «Царь-батюшка» заказ по придумке рекламных слоганов, клипов и прочих фишек – вовремя не сдадим, шкуру спустят. Не нравится? Увольняйся, тебя только из-за того, что предки от Рюриковичей род ведут, держать не станут. Ты на Савеловском вокзале давно была? Съезди, посмотри, как светлейший князь Романов в палатке блинами торгует.

Ответить Ольга не успела – двери на фотоэлементе раздвинулись, и в кабинет, на ходу выключая телефон, триумфально вернулось начальство – руководитель пиар-агентства Real Crown надворный советник Ярослав Синявский – человек лет сорока, но уже обладающий обширной лысиной. В его правом глазу красовался щегольской монокль (в моду вновь ворвалось ретро), а на левом лацкане пиджака от Хьюго Босса – привинченный значок с дворянским гербом: пушистая лиса, стиснувшая в зубах жирную курицу. Сам Синявский происходил из рабочих, однако после окончания университета получил личное дворянство. Пробивался наверх Ярослав весьма успешно – ему прочили и княжеский титул, и золотой камергерский ключ.

– Кофе будет кто-нибудь? – визгливым голосом спросил Синявский, бессильно рухнув в кресло во главе стола. – Советую заказать – мозговой штурм не закончится, пока мы не придумаем что-то реально крутое.

Присутствующие обреченно заказали себе по чашке черного кофе.

– Ну что, где сенсации? – выждав минуту, осведомился Синявский.

– Как насчет слогана: «Государь – попробуй только ему вдарь!» – робко проблеяла Оля, уже ненавидевшая себя за то, что устроилась сюда работать.

– Графиня, вы умом тронулись? – живо отреагировал Синявский. – Такие штуки могут быть расценены как намеренный призыв к очернению имиджа монарха. Тем более что за порчу портретов государя у нас, как в Голландии, отправляют на три месяца в цугундер. А недавно принятый Думой закон регламентирует даже такие сложные вещи, как протирка портрета тряпкой нужной мягкости, дабы не повредить светлый лик государев. Учреждена инспекция, которая в присутственных местах эти тряпочки проверяет. Нам сразу скажут, что мы Грушевскому продались. Кстати, партия «Царь-батюшка» просила замочить его пиаром, готова оплатить дополнительно.

– Развесим плакаты с отвратно гниющей грушей? – предложила Света, намеренно опустив вырез еще ниже – стал виден кружевной лифчик.

– Нет, – безжалостно отверг Синявский. – Это уже было. «Не голосуй за грушу, она гнилая» – стикерами все метро обклеили. С грушей особо не поэкспериментируешь: если бы Членский была фамилия, мы б развернулись.

Народ огорченно завздыхал. Секретарша разнесла всем кофе.

– У меня мысль, – густым басом произнесла Александра Тихоновна, дородная старая дева из разорившихся помещиц. – А что, если постараться популяризировать императорскую корону? Например, сделать ее модной среди девчонок, дабы они кололи игривые татушки у себя на заднице? Ведь, по сути, корона ничем не хуже татуированной бабочки! Но главная мысль – это эмблема партии «Царь-батюшка» вместе со Змеем Горынычем...

– Змея Горыныча на любой заднице трудновато будет разместить, – философски констатировал Синявский, вкусив горячего напитка. – Даже на вашей, мадам. Но вот относительно короны – мне эта идея нравится.

Матрона задрожала в экстазе от похвалы, уперевшись бюстом в стол.

– ...Толпы девушек будут носить главный символ монархии под стрингами, в самом сокровенном месте, – развивал далее мысль Синявский. – Каждый секс станет рекламой «Царя-батюшки»: как только девица снимет трусики – вот тебе и реклама, причем самая что ни на есть убойная. Фактически культ божества: когда отрок прикасается губами к попке барышни, тем самым он целует символ империи, автоматически присягая короне, – если верить старику Фрейду, это обязательно отложится у него в голове. Каждая групповуха в свингер-клубе по эффективности равна дорогостоящей телерекламе в прайм-тайм, а все стриптиз-трактиры бесплатно становятся агитационными пунктами партии «Царь-батюшка»!

У Синявского дух захватило от небывалых перспектив.

– Откроем повсюду кабинки, – вдохновенно продолжал он. – Опытные мастера начнут колоть татушки бесплатно всем желающим. Но зачем же ограничиваться сугубо ягодницами? Давайте заодно и обе сиськи короной украсим, чтобы было разнообразие. Иначе нашу инициативу зарубят на корню: черный пиар конкурентов тоже не дремлет. Эти собаки разом поместят в газетах заголовки: «“Царь-батюшка” оказался в заднице!»

– Конкуренты совсем озверели, – поддержала Света, явственно представляя себя совершенно голой, с цветной татуировкой в виде короны на правой груди четвертого размера. – Недавно анонимный автор выпустил книгу «Проект „Республика“», где пишет следующее: хитрецы в Кремле планируют обставить республиканцев, хотят сами возглавить народную революцию и провозгласить государя императора первым российским президентом.

Она замолкла, ожидая похвал, однако услышала совсем другое.

– Ты перепила кофе, – охладил ее Синявский. – В истории много раз случалось, президент короновался как монарх, например, в Центральной Африке или Албании. Но чтобы он отказался от трона и пошел на открытые выборы – да чего, царь совсем умом тронулся, что ли? Добровольно корону никто на гвоздик не вешает. Будь у нас республика, все политики перегрызутся на фиг, если по голове монарший скипетр не станет стучать, – натура у людей такая. Россия – чересчур консервативная страна, ее невозможно представить иначе как монар-

хией. Зеркальный пример – Британия. Ты только погляди, республика там не прижилась, а между тем дворянские понты, любовь к старым символам и пристрастие к титулам ничуть не хуже наших. Кроме того, сторонники империи сейчас умнее, они понимают: только с хоругвями шляться да «Боже, царя храни» петь мало, это впечатляет лишь бабушек-ветеранш из женского батальона Зимнего дворца. На прошлые выборы в Думу чиновники из министерства двора какой супер придумали? Рекламу для молодежи: мол, только при царе разрешено травкой раскумариваться. Суть идеи: чуваки с короной на голове – лихие продвинутые перцы, что у нас, что в Голландии министры на заседания с косячками за ухом приходят. А победят республиканцы – торговля шмальной накроется медным тазом, как в Северо-Американских Соединенных Штатах. Тинейджеры валом голосовать ломанулись – кто ж хочет косячок потерять?

Света молчала, задавленная суровой тирадой, чашка в ее руках дрожала.

– У меня тоже насчет рекламного ролика есть одно соображение, – разминая в потных от волнения пальцах записку, подал голос новый менеджер – двадцатидвухлетний Матвей. – Чтобы в стиле банка «Полуимпериаль»: славянское фэнтези со спецэффектами, пипл такие вещи обожает. Статный государь в богатырских доспехах скачет по полю на белом коне, а навстречу ему выскакивает маленький и омерзительный японский самурай с мечом...

– Не пойдет, – флегматично заметил Синявский, потянувшись за печеньем. – Политика, малыш, очень сложная вещь. Ты прав, у нас с Японией тяжелые отношения: мы заявили, что считаем Южный Сахалин своей территорией, не признаем Портсмутский мирный договор 1905 года²⁸. Далее по привычной схеме: кадетские движения закидывают яйцами японское посольство, главный санитарный врач (барон Нисин) находит вредные вещества в холодильниках «Сони» и радиоактивные излучения в ТВ «Панасоник». Даже утюг «ДжиВиСи» запрещают по причине, что его используют для пыток братки дона Бигганова, дабы сломать хребет организованной преступности. Ну и венец всему – половину столичных суши-баров прикрыли: и лосось оказался несвежий, и рис просроченный, и васаби – из рязанской редьки. Знаешь, в чем подвох? За месяц до выборов японский император позвонит государю, они помирятся, рекламу с самураем снимут, а мы пролетим с баблом. Посему вариант с японцем пока отложим.

– Тогда давайте так сделаем, – не унимался Матвей. – Простой, незамысловатый рекламный ролик. У Госдумы стоят мастеровые в замасленной одежде, бородатые крестьяне с плугами, упитанные розовощекие лавочники, многодетные матери, детишки в носу ковыряют. И тут раскрывается дверь, выходит государь в горностаевой мантии, улыбается всем родной такой улыбкой, простирает руку и говорит ласково: «Велкам!»

– Фигня, – сокрушил юношеский креатив Синявский. – Какой, в жопу, велкам? У нас подъем державного патриотизма, мы стараемся избавляться от иностранных слов, а тут такая лажа. Читал свежие рекомендации министра просвещения? Его превосходительство рекомендует называть Интернет «общесетью», мобильник – «рукотрепом», о'кей – «гой еси», автобус – «самоездом». Я думаю, чиновники просто поседели уже. Кроме того, английское выражение в свете нашей грызни с Британией неуместно.

– Гой еси, – послушно кивнул Матвей. – В таком случае у меня все.

Еще пятнадцать минут ушло на уточнение деталей насчет проекта татуировок на девичьих задницах, а также обсуждение сценария видеоклипа, в основу которого легла первоначальная мысль Матвея. В ходе яростного мозгового штурма сотрудникам Crown удалось выработать, по словам Синявского, «суперски креативную вещь». Начало ролика оставалось прежним: статный государь в богатырских доспехах, в остроконечном железном шлеме выезжал во чисто поле на слоне (слон куда мощнее «избитого» белого коня, к тому же это про-

²⁸ Договор, завершивший русско-японскую войну 1904–1905 годов. Японии отошла половина российского острова Сахалин. Логично предположить, что если бы революция не произошла и Второй мировой войны не было, эта земля осталась бы у японцев.

зрачный намек для Запада на возможный альянс с Индией), снимал головной убор и истово крестился на белоснежную пятиглавую церковь. Из чиста поля били, играя на солнце янтарем, фонтаны чистейшего меда. Каждую секунду вокруг императора из воздуха материализовались люди: девицы в традиционных, но смелых мини-сарафанах, румяные воины с автоматами Федорова, ограниченное количество калмыков и якутов в национальных одеждах, клерки в отглаженных костюмах, пчеловоды с сеточками на лицах и могучие жнецы с серпами в руках. Между золотыми куполами храма искрой вспыхивало радужное сияние – в отблесках появлялся Иисус Христос, держа во рту гвозди, он деловито прибывал на церкви растяжку: «Голосуйте за партию помазанника Божьего». В финале по экрану искрой пролетала надпись: «“ЦАРЬ-БАТЮШКА” – ПОЧУВСТВУЙ НАШУ ЛЮБОВЬ!» Довольный Синявский пообещал: если рекламу отвергнут, они смогут подкорректировать ее на компьютере и спихнуть любому мясокомбинату, стоит лишь заменить выезд на слоне на изображение сорта колбасы.

Света и Оля выбрались из офиса, кутаясь в короткие полушубки из песка, едва прикрывавшие колени. Света с великим усилием открыла машину замерзающими пальцами – она попыталась завести мотор, но с первого раза это ей не удалось. Дожидаясь, пока подруга справится с управлением, Ольга бессильно закурила, разглядывая окрестности. Через дорогу располагался круглосуточный суши-бар «Цусима», у витрины которого, леденея на ветру, самоотверженно стоял пикет молодежной монархической организации «Лейб-гвардия», призывающей православных «отказаться от японских харчей». Им повезло: из бара вышел студентик в форменной фуражке, несущий с собой пакет и пластмассовые мини-лапти для еды. Участники пикета, надеясь согреться в движении, атаковали его с трех сторон: кто-то пихал студента в грудь, кто-то спрашивал про совесть.

– Японец хренов! – прорезал мрачное шоссе яростный девичий голос.

– Да какой я японец? – мямлил студент, отступая к витрине. – Русский я...

Оппонентов это ничуть не смутило.

– Так что ж ты, собака, суши-то жрал, если русский?

Студента смяли вместе с пакетом. Машина с грехом пополам наконец завелась, и Оля нырнула в ее теплое нутро. Автомобиль выехал на Трехрублевское шоссе. Как и любой водитель, недавно севший за руль, Света рулила медленно и осторожно, опасаясь ледяных участков на дороге. Внимание Оли, зевавшей на сиденье рядом, привлек построенный в необычном стиле коттедж за высоким забором с колючей проволокой, особенно выделялись фигурные башенки. Она сразу вспомнила, что видела этот домик в недавнем телерепортаже – кажется, года два назад туда переехала писательница Ксения Смелкова. На третьем этаже, где по идее должна располагаться спальня, розовым светом светились два окна.

«Надо же, – удивилась Оля. – Четвертый час ночи, а она еще не спит».

Шторы в спальне были плотно задернуты. Уносясь в сторону центра, Оля успела подумать, какой у них необычный цвет. Натуральный гламур.

Глава одиннадцатая

Купель

(23 февраля, четверг, под утро)

Уснувший за компьютером Каледин был поднят через час звонком из департамента полиции. «Опять убийство?» – сонно спросил он абонента на другом конце провода и получил утвердительный ответ. К счастью, вести машину в состоянии зомби не пришлось – за ним заехал фотограф Терентий Лемешев. Едва прикасаясь к обтянутому кожей рулю, Лемешев неся на скорости 150 км/час – снег летел из-под колес, машину заносило на поворотах,

она жалобно брэнчала всеми деталями одновременно. В салоне неприятно пахло бензином – имперский автопром медленно умирал и все последние годы выпускал настоящую рухлядь. В сороковые годы генерал Корнилов позавидовал проекту каудильо Гитлера, поставившего на конвейер «народный автомобиль для каждого австрийца», то бишь Volkswagen, и тоже учредил пару патриотических автопроектов: «Православная карета» (сокращенно «пракар») и «Донской казак» (соответственно «Донказ»). Как всегда в империи, получилось с точностью до наоборот. Машины стали стоить бешеных денег, качества были хренового, а в самой экономичной версии «Донказа» людям приличного роста приходилось сидеть, зажав коленями уши. Терентия руководство премировало последней моделью «пракара» на сорокалетний юбилей, в честь двадцати лет беспорочной службы в полиции. Тут хочешь не хочешь, а будешь ездить.

Оба приятеля не были склонны к разговору: фотограф закономерно злился, что его подняли с постели среди ночи (а в восемь утра вставать на работу), Каледин ужасно хотел спать, и язык у него попросту не ворочался. Набрав еще раз номер Алисы и вымолвив в автоответчик пару ласковых, он небрежно сунул телефон в карман – езда укачивала, и через минуту Каледин провалился в сон. Впрочем, по прошествии четверти часа он проснулся, страшно вращая глазами. К счастью, Лемешев смотрел на дорогу и не видел странного выражения лица коллеги. Каледин отчаянно замотал головой, отгоняя видение рогатого чудовища посреди черного пламени. Начальству о своем открытии он пока рассказывать подождет – нужно срочно обсудить все с Алисой. Хотя легко сказать – срочно. Когда же эта дура наконец соизволит включить свой мобильный? Ревнивое воображение услужливо нарисовало Каледину экс-жену в прозрачном коротком платье, с полуобнаженной грудью, танцующую страстное танго с красавцем, напоминающим пирожное, – явно английским баронетом. Алиса влюбленно заглядывала разлучнику в похотливые глаза, а тот интимно шептал ей на ушко, как бы невзначай касаясь его горячим языком. Федор почувствовал такую злость, что окончательно проснулся. Он стал было звонить Алисе снова, но автомобиль уже подъехал к коттеджу на Трехрублевском шоссе. Из-за забора виднелась копия баварского замка «Нойшванштайн» – игрушечный беленький домик с голубой крышей и причудливыми сказочными башенками. В последнее время подобный псевдорыцарский стиль был очень популярен среди новых поселенцев Трехрублевки – особенно в среде богатых купцов, получивших личное дворянство.

Каледин сразу узнал особняк писательницы, авторши дамских гламурных романов Смелковой, в том числе бестселлера «Как выйти замуж за купца первой гильдии». Зевнув, он без всяких эмоций представил, что ему сейчас придется увидеть. Странно лишь, почему убийца не вытащил труп на улицу в центре города, а разложил «натюрморт», так сказать, по месту визита. Испугался патрулей кавалергардов на Тверской? Сменил тактику? Ладно, не столь важно. Как сообщили Каледину во время ночного звонка, тревогу подал охранник звезды: его усыпили хлороформом, приложив тряпку сзади, – ночного визитера в лицо он не видел. Очнувшись и поняв, что связан, охранник, невзирая на повязку на глазах, сумел нажать подбородком на кнопку вызова полиции. Прискакавший казачий разъезд обнаружил в комнатке отдыха второго усыпленного охранника (когда его разбудили, он долго не мог понять, в чем дело), а наверху такую красочную картину, что оба казака наперегонки побежали к унитазу. При дальнейшей проверке оказалось: все камеры видеонаблюдения по периметру коттеджа Смелковой заботливо отключены, а записи, сделанные ими, тщательно стерты.

Зайдя в спальню, Каледин сразу понял, что все его ожидания относительно обыденности зрелища не оправдались. Вот уж сюрприз так сюрприз. Прочие полицейские, если судить по их виду, ощущали то же самое. В углу покачивался стандартно белый как мел подпоручик Саша Волин, закрывая себе рот рукой, на среднем пальце которой блеснул перстень. Антипов и Муравьев пребывали в нервном возбуждении, но вовсе не из-за очередного трупа – обещанная государем Камчатка дохнула им в лицо запахом медвежьей кухлянки и вяленой рыбы. И только

невозмутимый Лемешев, попыхивая сигаретой, прошел на середину комнаты. Найдя нужный для съемки ракурс, он полыхнул яркой вспышкой – один раз, затем другой.

На всех четырех стенах спальни багровели огромные, в половину человеческого роста, клинописные знаки, чем-то похожие на греческое письмо. В пространстве чувствовался сырой и сладковатый запах, знакомый ему с детства, когда в бывшем дедушкином поместье кучер на Рождество резал свинью, после этого в сарай, где они играли с братом, еще долго невозможно было зайти. Темно-красные потеки спускались от толстых стержней букв вниз тонкими струйками, кровь загустела, как виноградный сок, делая комнату похожей на рекламный плакат фильма ужасов. На тюлевых шторах алели огромные пятна – кровь из артерии брызнула именно туда: на этот раз убийца ее не экономил. Даже служебная собака жалась к дверям, жалобно скуля. На тебризском ковре лежало обнаженное тело Смелковой – труп женщины сначала был рассечен на куски, а потом сложен вместе на манер детского конструктора «Лего». Покрытое французским ночным кремом алебастровое лицо, как и у прежних жертв, выглядело спокойным. Голова покойницы была почти отделена от туловища: женщине фирменным ударом ножа с правой стороны перерезали горло до позвонков.

– Все внутренности исчезли, – страдальчески бляя, ответил на немой вопрос в глазах Каледина шатающийся вперед-назад Волин. – Он оставил это... как ненужный... ему... футляр. Внутри пусто... только кожа... и кости...

Не сумев подавить рвотный спазм, Волин выбежал из спальни.

«Бедняжка, – подумал Каледин, проводив его взглядом. – Не мальчик, а увядшая розочка. Интересно – это все или есть еще сюрпризы?»

– Вы не видели самого главного, Федор Аркадьич, – будто угадав его мысли, глухо произнес начальник полиции Муравьев. – Пойдемте со мной.

Они прошагали по длинному коридору, по обеим сторонам висели фотографии в рамках – писательница получала призы в номинациях «Гламур года», «Лучшее чтение для солярия» и «Бестселлер интеллектуалов».

У двери с витыми бронзовыми ручками толпились люди в вицмундирах, все, как один, заспанные и взволнованные. По взмаху перчатки Муравьева чиновники расступились – директор департамента тронул одну из ручек, пропуская Каледина в ванную комнату, облицованную парижским кафелем. Зрелище, открывшееся Федору, впечатляло настолько, что хотелось запить ощущения стаканом водки. Лакированная поверхность стильной джакузи сплошь была покрыта темной запекшейся коркой: тошнотворный запах свежей убоины не оставлял никаких сомнений в случившемся.

– Вы представляете себе? – тихо сказал Муравьев, поправляя очки. – После того как это чудовище разрезало тело на куски, оно принимало ванну из крови. Сидело и обтиралось ею, как модница ланкомовским кремом. Позже, видимо, оно накинуло на себя одежду и выбралось из ванной с этим «кремом» на коже – на полу никаких следов. Хорошо бы не допустить сюда телевидение, избавив государя от натуралистичных подробностей. Бедняжка жена собрала мне зимние вещи – ждем отъезда на Камчатку, вместе изучаем рецепты, как сушить нерпу, вычисляем сезон сбора кедровых орехов. Уже четвертое убийство, а мы так и не приблизились к разгадке.

Каледин попытался, но не смог отвернуться от окровавленной джакузи.

– Оно принимало не ванну, – прошептал он, рассматривая багровую пленку. – Для него это начальная стадия нового рождения... своеобразная купель.

Муравьев, однако, не обратил на эти слова никакого внимания. К нему подбежал запыхавшийся пожилой пристав, почтительно несущий в вытянутой руке служебный *рукопреп* Антипова, и лихо отковырял:

– Ваше высокопревосходительство! Министр двора граф Шкуро на линии.

Директор полиции обреченно взял телефон в руку – со стороны он напоминал утонченную барышню, по неизвестной причине вынужденную прикасаться к жабе. Чиновники держались в отдалении, поглядывая друг на друга. Им было ясно, что отставка Муравьева – дело ближайших часов.

Вернувшись обратно в спальню, Каледин застал там только скучающего Лемешева – фотографа, похоже, не удивляло вообще ничего в этом мире. Оглядываясь, он прошел к коврику, надев обязательную в таких случаях резиновую перчатку, Федор ухватил ткань за край и аккуратно приподнял.

Увидев то, что и думал увидеть, Каледин знаком подозвал Лемешева.

– Старикан, щелкни это лично для меня. Только не надо потом помещать фото в общий архив, скинь на домашний мэйл. С меня пол-литра.

Безразлично кивнув, Лемешев пару раз нажал на затвор фотокамеры. Опустив край ковра, Каледин подошел к окну, раздвинул шторы.

Он закрыл глаза. Тут же замелькали столб пламени, вырванные из груди сердца, ванна, вымазанная в запекшейся крови, и черная рогатая голова. В центре этого пульсирующего злом калейдоскопа ему привиделось лицо убийцы. Как ни старался, Каледин не мог разглядеть его черты. Но он уже знал – это лицо должно дышать свежестью молодости...

Глава двенадцатая

Глоток Луны

(23 февраля, четверг, раннее утро)

Идеально круглую лесную поляну окружали стволы статных полувековых сосен. Их гнущиеся под тяжестью снега ветви застыли в сумраке, напоминая зловещий узор на пряничном домике ведьмы из сказки «Гензель и Гретель». Земля дышала морозной свежестью, а лунный свет стремительно падал вниз, скользя по деревьям. В самом центре освещенной Луной поляны, раскинув руки и подняв лицо вверх, недвижимо застыл убийца – абсолютно голый, с ног до головы покрытый запекшейся кровью. Отблески голубоватого света искрились на багровой коже, его тело напоминало раскрашенную «живую скульптуру» из тех, что во время празднеств выставляли в итальянских городах эпохи Возрождения. Широко расставив ноги, он стоял молча, не чувствуя обжигающего холода. Плотнo сомкнув веки, убийца погружался в тяжелую медитацию: ему вновь должен был открыться удивительный мир, очаровывающий и пугающий своим мрачным великолепием.

– *Праааа каибир... Ир шартхан бур мгулси... дар валса баа*, – сорвался с моих дрожащих губ почтительный, раболепный шепот.

– *Кват итинар... канаан водалу стир ка рат... самех*, – громом отдались в моих ушах ответные слова существа, надо лбом которого полукругом поднимались длинные рога – их кончики были окрашены свежей кровью.

Я отчетливо видел Его – великана с головой быка, стоящего на восьми волосатых ногах прямо в центре языков пламени. Рога качнулись, человек-бык трубно заревел: в его голосе смешались жажда крови, торжество и сладострастное удовольствие от только что прошедшей процедуры.

Процедура, предваряющая *финал*, всегда требовала омовения в купели, я должен был выйти из нее новым, как бы заново родившимся – краткая репетиция перед грандиозным спектаклем *финала*. После четвертой *процедуры*, совмещенной с купелью, мне было необходимо провести срочную получасовую медитацию, дабы самому впитать необходимое количе-

ство лунной энергии. Как я называл это – «глотнуть Луны», сегодня была лунная ночь, и это решило судьбу писательницы Смелковой. Редкие облака, подгоняемые ветром, летели по небу, робко касаясь боками голубого светила. Энергия Луны разливалась по жилам, покалывая мелкими электрическими звездочками, постепенно наполняя оболочку тела, словно льющаяся в бокал струйка ледяной воды. Смутное ощущение делало меня сильнее – наверное, то же самое чувствует и змея, сбрасывающая старую кожу, и младенец, рождающийся на свет. Это еще не роды, можно сказать, всего лишь предродовые схватки. Новое существо появится сразу после *финала*. Я еще не решил, кем оно будет и какое имя следует ему дать. Это ничего. На досуге выберу в Интернете, сидя с ноутбуком на пляже Таиланда.

Финал уже близок. Я выберу себе новую жизнь, как костюм в магазине, придирчиво примерив ее на себя, – с новым характером, привычками и профессией. Ведь у меня впереди **очень много** времени. Столько, сколько не знаю даже я сам. Я успею попробовать все – можно развлекаться, меняя жизни словно перчатки. Я буду тем, кем хочу – матросом, профессором, певцом, летчиком, программистом. Жаль, что каждую жизнь приходится заново проживать в другой стране, путешествуя из города в город, а *процедуры* необходимо совершать строго раз в 20 лет. И после навсегда покидать свой дом. Дом в очередном городе, с которым ты сжился, выучил улицы, полюбил музеи, научился готовить блюда местной кухни, выезжать из пробок, завел себе друзей и любовниц. Возможно, когда-нибудь подобный образ жизни мне и надоест... хотя до сих пор даже мимолетная мысль о прекращении *процедур* наполняла мое сердце первобытным страхом. Я не знаю ужасов, происходящих за порогом смерти. И мне нравится так жить.

Из состояния глубочайшей медитации убийцу вывел почти незаметный звук. Могло показаться странным, что он услышал слабую вибрацию воздуха во время рева пламени, сопровождавшего громогласное рычание рогатого существа. Хотя «услышал» – не то слово, его ухо *почувствовало* осторожный скрип снега под чьей-то ногой. Сложные медитации потому и требуют полнейшего уединения – из параллельного мира может вырвать даже жужжание комара. Поляна в зимнем лесу идеально подходила для одиночества. Не открывая глаз, он, подобно роботу, повернулся в сторону звука – когда ты ничего не видишь, легче сосредоточиться на звуковых ощущениях. Визитер за деревьями сделал еще один шаг, слух убийцы уловил еле слышное шуршание – такое происходит, когда суют руку внутрь одежды.

Он резко метнулся в сторону, и вовремя – раздался характерный упругий треск, пуля, попав точно в середину сосны за его спиной, превратилась в фонтан из щепок. Убийца тут же перекатился в другую сторону – и в это место сразу ударил новый выстрел, облачком взвился снег. Деваться было некуда, он находится на открытой со всех сторон поляне, до ножа – три метра, а до спасительных деревьев – в два раза больше. Возможно, он сможет выиграть еще полторы минуты, метаясь туда-сюда... но это максимум.

Нанятый доном Бигановым киллер Сидоренко прищурил левый глаз, заново ловя черный силуэт в прицел «парабеллума» с глушителем. Очень хорошо, что Джека Потрошителя удалось застичь прямо после очередной «ходки». Иначе, пожалуй, дон Биганов поднял бы его на смех после рассказа, КЕМ на самом деле оказался жестокий убийца с московских ночных улиц. Могло случиться и хуже: мнительный дон обвинил бы его в попытке схалтурить и присвоить гонорар, а после такого Сидоренко и сам рисковал «искупаться» на дне Москвы-реки внутри бетонного блока. Но он поступит иначе – притащит Биганову голову убийцы, обмазанную кровью писательницы, нож и сумку (там наверняка лежит ее сердце или другой «трофей»)... и впечатленный дон заплатит вдвое за это шикарное зрелище.

Киллер снова выстрелил, взяв человека на поляне на мушку, и с удовольствием заметил – он промахнулся лишь на сантиметр. Через пару секунд он закончит с этим делом. Подумать только – стоять на поляне голышом при свете Луны, раскинув руки крестом... в двадцатигра-

дусный мороз... да эта тварь совсем на голову большая. А он... да он, черт возьми, настоящий Шерлок Холмс. Выследил сволочугу. Кстати, это было не так уж и трудно, как представлялось на первый взгляд в беседе с доном Бигановым. Холодно мыслящий Сидоренко сообразил: убийца неспроста отлично осведомлен о повадках звезд, стиле поведения, точном времени выступлений в клубах – он **один из них**, человек из их круга. Но, размышляя на эту тему, Сидоренко не желал признаваться самому себе – он вышел на след Потрошителя волей счастливого случая. Но какое это теперь имеет значение? Он вновь подтвердил перед работодателями свой мегапрофессионализм. Полиция и жандармы сбились с ног в поисках Потрошителя, а он вот, в одиночку, взял и нашел. Другой вопрос – **зачем** Потрошитель этим занимался? Впрочем, и без того ясно: существо элементарно рехнулось, нормальные люди не мажутся с ног до головы кровью и не бегут в лес.

Он плавно нажал на спуск, но опять промахнулся – цель перекатилась в сторону, однако пуля все-таки чиркнула по обнаженному телу. Может, следует просто подойти поближе и пристрелить в упор? Нет, пожалуй, не стоит рисковать. Серийные убийцы редко являются профессионалами восточных единоборств, но от отчаяния любой человек способен на чудеса. Однажды ему пришлось видеть, как раненый мафиози зубами перегрыз врагу глотку. Ничего, еще пара пуль, и все будет кончено – он уже пристрелялся...

Свет вокруг внезапно померк, вызвав у Сидоренко приступ необъяснимой паники. Вскинув «парабеллум», он трижды выстрелил наугад в темноту, стараясь целиться в возможные точки отступления противника. Что происходит, черт возьми, что?! Он посмотрел вверх, и его затрясло от злобы: вот в чем дело – Луну полностью закрыло небольшой тучей, которую пригнал ветер. Палец нервно плясал на курке – раздались еще два выстрела, в третий раз «парабеллум» клацнул всухую: кончились патроны. Выхватив из кармана запасную обойму, Сидоренко вставил ее в рукоять оружия, оттянув затвор, дослал пулю в ствол. Поляну снова накрыл лунный свет, но посреди покрытого снегом пространства уже никого не было... Жертве понадобился десяток секунд, чтобы исчезнуть, прихватив с собой все вещи: нож, дождевик из целлофана, свою одежду и сумку, – с такой скоростью только в армии собираются. На снегу виднелись отчетливые следы крови, однако Сидоренко не мог определить, чья именно это кровь – Смелковой или самого Потрошителя, задетого пулей из «парабеллума». Он присел на одно колено, судорожно зажав в руке пистолет... Ну и куда же делась эта сволочь?

Шарахнул порыв ветра, с веток посыпались снежные хлопья, Луну снова заслонило облаком. Все дальнейшее происходило очень быстро. В кромешной тьме на Сидоренко обрушилось сверху что-то тяжелое, сбilo с ног и придавило к земле, «парабеллум» вылетел из руки, зарывшись в снег. В нос ударил запах крови, смешанной с итальянским одеколоном. Отработанным движением ударив нападавшего коленом в позвоночник, киллер сбросил его с себя, повернулся на живот, схватив оружие, обняв пальцем курок, он почувствовал страшный удар в область левого бока. Крякнув, Сидоренко выстрелил назад через плечо не глядя – хватка ослабла. Повернувшись, он никого не увидел, нападавший опять исчез. Рот быстро заполняла теплая соленая жидкость, выплеснувшись из губ, она полилась на куртку от Армани. В горячке не чувствуя боли, киллер вскочил на ноги и побежал, не разбирая дороги, хрипя и захлебываясь кровью. Он не знал, насколько тяжела нанесенная ему рана, но чувствовал – надо спасать свою жизнь. На бегу Сидоренко ругал себя последними словами. Он позволил себя обвести вокруг пальца, клюнул на ангельскую внешность и молодость Потрошителя... на деле же оказалось, что это с виду безобидное создание куда больше его смыслит в том, как следует профессионально убивать.

Если бы Сидоренко оглянулся, то увидел бы: за ним никто не гонится. Но, разумеется, он не оглянулся.

Подобрав живот, я втиснулся в тесные джинсы (специально подбираю на размер меньше), натянул свитер, надел куртку, свернув уже ненужный целлофановый дождевик: не ехать же через весь город в голом виде. Дома вещи придется сжечь – они перемазаны в *бальзаме*. Левое плечо жгло и саднило – вероятно, пуля сорвала кожу. Преследовать неизвестного киллера у меня не было времени, и так ужасно опаздываю: требуется срочно завезти *артефакты* домой и ехать на работу. Нет-нет, я вовсе не подвержен легкомыслию, ведь я точно рассчитал удар – скоро незнакомец потеряет силы и истечет кровью: на такую рану жгут не наложить. Ближе к ночи я вернусь. Отыщу труп по кровавым следам, проверю его карманы и попытаюсь выяснить, зачем он хотел меня убить. Выяснять это сейчас не надо: нож не аргумент против пистолета, а раненое животное опасно в предсмертной злобе. Главное – он скоро умрет, а остальное уже неважно. Так, в какой стороне моя машина? До нее еще минут двадцать идти.

Зажимая рану, Сидоренко привалился спиной к стволу обледеневшей сосны. Кровь выхлестывала толчками, со свистом выходил воздух – похоже, ему насквозь пробили легкое точным, хирургическим ударом. Ему было ужасно холодно, окровавленные зубы стучали: он отлично понимал, что это вовсе не из-за мороза. Он умирает – ему осталось жить минут пять, после чего он скончается от потери крови. Предприняв серьезное усилие, киллер немеющими пальцами вытащил из кармана сотовый телефон. «Нет сети», – прочитал Сидоренко на дисплее и с ненавистью харкнул в динамик мобильного кровью. Блядь. А как же его деньги в банке Каймановых островов, квартира в Париже, куда он собирался умотать после выхода на «пенсию»? И Тимотэ... самое грустное, сволочь Тимотэ его переживет...

Эта мысль придавала Сидоренко сил. Суча ногами, он приподнялся повыше. Включив цифровую камеру на телефоне и направив ее на себя, он стал говорить в нее – так быстро, насколько мог. Вокруг одинокой фигуры у заиндевевшего соснового ствола все шире разливалось красное пятно. Сказав то, что хотел, киллер зажал телефон в левой руке. Правой он вставил в рот глушитель «парабеллума», почувствовав немеющим языком вкус пороха.

Выстрел даже не спугнул птиц. Он был тихим, словно сломали ветку.

Глава тринадцатая Трехрублевка

(23 февраля, четверг, утро)

Страшная новость о жестокой расправе «нового Потрошителя» над светской писательницей Смелковой привела в шок всю трехрублевскую гламурную общественность. Реакция, как и после смерти балерины Кшесинской, была разной. Одни, обливаясь слезами, начали паковать чемоданы и заказывать авиабилеты на Кипр. Другие бросились в оружейные магазины, скупая все стволы подряд, от винчестеров до револьверов «бульдог» – главное, чтобы те были помощнее и поубойнее. Третьи (в основном представители писательского бомонда) решили срочно собраться и обсудить, чем они могут помочь полиции. Сбор был назначен в гостинном зале дворцового комплекса авторши дамских детективов, миллионерши Виктории Невцовой. По тиражам Невцова считалась номером один в империи – она писала по два детектива в день. Не проходило и недели, как в одном из книжных магазинов под тяжестью ее книг падал шкаф (а то и рушился сам магазин). Плодовитеее ее была только американская писательница Джеки Коллинз, штамповавшая три книги ежедневно. Впрочем, Невцова небезосновательно подозревала конкурентку в эксплуатации *ghost writers*, то бишь банальных «литературных негров». Однако потрясение от убийства Смелковой было столь велико, что Невцова отложила написание очередной пары бестселлеров ради важного консилиума с коллегами. Уже к девяти утра к даче

Невцовой, выполненной в виде трех египетских пирамид в натуральную величину, начали пачками съезжаться черные джипы. Невцова самолично (она не признавала горничных) разнесла приглашенным чашки с утренним чаем – они мрачно помещивали его серебряными ложечками, на посеребривших лицах лежала печать беспокойства. Два карликовых бегемота Невцовой откровенно ластились к гостям, но те в своем горе не могли даже на секунду отвлечься и приласкать симпатичных животных. Тягостное молчание прервал один из самых маститых авторов Трехрублевки – король ретротриллеров времен Киевской Руси и одновременно профессиональный переводчик с китайского языка Морис Хунхуз. По его бестселлерам были сняты три отечественных блокбастера: «Азраил», «Индийская защита» и «Княжий дружинник». Злые языки говорили – Хунхуз может выпустить книгу с пустыми страницами, и все равно найдутся сто тысяч человек, которые будут рвать ее из рук.

– Налицо классическое преступление, господа, – сказал Хунхуз, как бы невзначай отпивая тершегося о штанину бегемота. – Стилз завязки детективного сюжета всем знаком, и нам как специалистам в этом жанре предстоит предугадать дальнейшие ходы убийцы и обрисовать его внешность, сообщив это полиции его величества, мы сможем обезопасить себя в наших жилищах. Лично я с высоты *миллионных* тиражей полагаю – преступление может раскрыть скромный чиновник по особым поручениям: все начальники либо дураки, либо сами причастны к планированию убийств.

– Не соглашусь, Морис, – прервала его Невцова, подхватывая на руки отвергнутого бегемота. – Убийства в состоянии раскрыть ТОЛЬКО женщина, так как именно она замечает вещи, незаметные мужскому глазу. По пути она, конечно, опрокинет на себя кипящий чайник и сядет жопой в торт, над чем все очень-очень будут смеяться, но в итоге замочит весь криминал. Самые лучшие следователи – это непрофессионалы, господа. Жандармы способны лишь щеки надуть. Пустите туда домохозяйку, и она мигом все распутает.

Гости позволили себе улыбнуться, пускай и довольно скептически.

– Ничего подобного, – затравленно озирая гостиную, стены которой в деталях отображали похороны бога Озириса, сообщил Михаил Злоглазов, автор хитового антидворянского романа «Лох-Несс» о гламурных и понтоватых лохах, работающих водолазами на дне таинственного шотландского озера. Злоглазов происходил из успешных купцов, поставлявших с астраханского рынка оптовые партии осетрины. Год назад его приятель, известный плейбой барон фон Блумберг, поспорил, что раскрутит на медийном рынке даже оберточную бумагу. Злоглазов так и сделал – накатав «Лох-Несс» на оберточной бумаге всего за неделю: книга с тучей ошибок (слово «говно» там было написано через «а») мгновенно стала суперхитом. Сумбурность и ошибки ловкий фон Блумберг превратил в достоинство автора: мол, это и славно – парень пишет, можно сказать, «от сохи». После этого Злоглазов написал еще три романа и заделался мегاپисателем, окончательно забыв про осетрину. Любые наезды критиков на книгу Злоглазов объяснял просто – они сами лохи и страшно ему завидуют, а дворян на дух не принимал, называя их «сыклом». Дворяне в ответ обижались и в онлайн-дневниках «Живого журнала» именовали Злоглазова «бычьей». На балах в Кремле фрейлины шептались: дескать, Злоглазов – спецпроект министерства двора, придуманный лучшими аналитическими умами империи для хитрой задачи: через бестселлеры популяризировать идею самодержавной монархии. Сам Злоглазов эту информацию не опровергал – не исключено даже, что он распускал подобные таинственные слухи лично, дабы увеличить персональную значимость.

– Все это похоже на информационный терроризм, – продолжал Злоглазов. – Вы смотрели фильм «Хвост виляет собакой»? Вот и тут, похоже, то же самое. Может, и убийств никаких нет, а все это организуют пиарщики в известных целях? Вы помните, как мочили помазанника Божьего на заре его карьеры?

Злоглазов с чувством перекрестился на написанный маслом величавый портрет государя с андреевской лентой через плечо, при золотых эполетах, совсем как в кабинете у продюсера

Леопольда фон Брауна. С единственным отличием – корону на этой картине император держал в руке под локтем, как будто пришел к Невцовой в гости и искал место, где ее можно повесить на гвоздик. Остальные, глядя друг на друга, быстро сотворили крестное знамение, воздержался только слышавший республиканцем Морис Хунхуз, он лишь сделал пальцами загадочные жесты, словно изображал кальмара.

– Господа и mesdames, я сама происхожу из департамента полиции, и мне обидны инсинуации в адрес наших доблестных органов, – заявила писательница Марина Александрова, ее глаза казались огромными из-за больших стекол роговых очков. – Но я согласна с Викушкой: преступление обязана раскрыть женщина. Мужчины по своей сути – тупые и грубые волосатые животные, которые только путаются под ногами у женщин, мешая им своим свинством изящно распутывать подобные дела.

Коллеги промолчали, всем было отлично известно: секунд-майор Александрова работала в бухгалтерии департамента полиции, и если что там распутывала, так это тонкости в ведомостях по выдаче жалованья. Читатели, однако, были твердо уверены – свою героиню, пристава Карьерскую, щелкавшую бандитов, как орехи, Александрова полностью списала с себя.

Сидевший в углу творец модного романа «Атаман Семенов и пустошь», а также хита прошлой осени «Кайзеррайх W» Павел Левин предпочитал слушать по плееру тибетские молитвенные напевы «Ом мани падме хум», пряча присыпанное пудрой лицо за черными очками. Он вообще не понимал, зачем пришел сюда – в компанию этой непонятной шушеры, которую попросту презирал. Впрочем, «шушера» платила ему тем же – за нелюдимость, нежелание тусоваться на телевидении и игнорирование приемов в царском дворце. Более того, как-то раз государь пожаловал ему соболью шубу со своего плеча, а Левин взял и не явился за ней, так эту шубу в кремлевском хранилище мох и съела. Спустя какое-то время Левин исчез из пирамиды Невцовой, как будто его там и не было, впрочем, его отсутствия никто не заметил. Стайка молодых длинноногих писательниц, вслед за Смелковой бросившихся осваивать гламурную нишу «трехрублевого романа» про утомленных баблом, Куршевелем и купцами первой гильдии юных барышень, открыто радовалась устранению главной конкурентки. Каждая блондинка-райтерша страстно желала занять ее место и мечтала только об одном – чтобы маньяк зарезал еще штук десять ее соперниц.

– Лучше бы на это дело подписался какой-нибудь спецназовец, – задумчиво пробурчал бородатый мужик в пропахшем махоркой тулупе – это был Савелий Машков, автор-самородок из сибирских крестьян. Его перу принадлежал сериал «Пирания» – про крутого сотрудника жандармерии и борьбе с рыбами-мутантами на Амазонке. – Он бы сразу перемочил всех, кого только можно, а потом бы уехал на «мерсе» с сисястой красоткой.

Машков славился невниманием к текстам своих книг. Жандарм у него был то полковником, то секунд-майором и в новом романе младше, чем в старом. Впрочем, этим грешили практически все. Невцова однажды перепутала июнь и июль местами – и ничего, прокатило, даже критики не заметили. Ловить писателей за жабы было бесполезно: они пафосно объясняли ошибки авторским видением (а Невцова вообще ничего не объясняла) и тем, что их книги не должны соответствовать точностям реальной жизни, иначе на каждой странице пришлось бы рассказывать про поход главного героя в туалет. Да и среднеимперскому читателю было по большей части плевать на детали и соответствия в книгах – он ждал бурной интриги и развития сюжета.

– Так на чем же мы все-таки остановимся, господа? – нетерпеливо отставил в сторону чашку Морис Хунхуз. – Неужели у нас нет никаких идей, кем может являться убийца, зарезавший этой ночью несчастную Ксюшу Смелкову?

Увядавшая дискуссия немедленно приняла новый оборот. Невцова с пеной у рта утверждала: маньяком является уголовник с докторским образованием, при этом разведенный жено-ненавистник. Хунхуз считал: в деле замешан монах мистического церковного культа, Машков

упирал на братков и торговцев наркотиками, Александрова намекала на жандармского «оборотня в погонах». Свою лепту внес и популярный автор-фантаст Алексей Чесноченко, автор хитовой повести «Утренняя вахта» – он назвал убийства «ритуальными» и выдвинул версию: Москва является полем битвы сверхъестественных существ, которым необходимо питаться свежей человеческой кровью. После часа хрипов, криков и споров писатели все же сумели составить на компьютере фоторобот возможного маньяка-убийцы.

Им оказался наголо бритый человек с горбатым носом, накачанными бугристыми мускулами, в лагерных татуировках, с медицинским справочником под мышкой левой руки и Библией под мышкой правой, а также удлиненными передними зубами (Чесноченко устроил скандал, отстаивая свою версию). Глаза его отдавали холодом и мрачностью – один голубой, другой зеленый (компромисс между Хунхузом и Александровой). Впалые щеки покрывала трехдневная щетина а-ля Бандерас, во рту блестели железные зубы. К зловещей картине присовокупили коллективную просьбу в департамент полиции: усилить охрану Трехрублевки казачьими разъездами.

Отправив фоторобот и письмо с просьбой на личный факс директора департамента полиции Муравьева, творческие мэтры Трехрублевского шоссе с глубоким чувством исполненного долга разъехались по своим коттеджам.

Глава четырнадцатая

Телефонный секс

(23 февраля, четверг, Лондон)

Окровавленный нож воткнулся прямо рядом с лицом Алисы: лезвие тесака смяло прядь волос, впечатав их в грязно-серую каменную стену. Она закричала – ее вопль эхом отозвался в предрассветном тумане. Дернувшись, женщина вырвала себе клочок волос. Ноги едва слышались ее, передвигались, словно чугунные. Она слышала тяжелое дыхание убийцы, ощущала его присутствие всем позвоночником. Убийца не говорил ни слова, и от этого было еще страшнее. Ее ступни в зимних ботинках прилипали к скользкой от февральского дождя лондонской мостовой. Потеряв опору, Алиса упала на колени, чувствуя, что больше не в силах встать. Она обернулась с перекошенным в судорожных рыданиях лицом, плача от бессилия, – убийца в цилиндре и крылатке надвигался на нее, держа в руке нож с прилипшими рыжими волосами. Подойдя со спины, Джек Потрошитель стиснул ее затылок холодными, как лед, пальцами. Она уже знала, каким образом он нанесет удар – в горло, с правой стороны, чтобы потоком хлынула кровь...

Истерический визг Алисы совпал со звонком телефона возле гостиничной кровати. Взяв одеяло ногами, она продолжала визжать на одной ноте, закрывая горло рукой. Через пару мгновений до нее дошло: вчера она уснула, сидя на постели и пытаясь дозвониться Каледину. Полную ванну воды налила, а принять ее так и не успела. Немудрено, что ей приснился Джек Потрошитель – всю неделю она думала о нем 24 часа в сутки, да и визит в музей Скотланд-Ярда с целью изучения написанных кровью писем также оказался весьма впечатляющим. Облегченно вздохнув, она вслепую зашарила по прикроватной тумбочке в поисках трубки надрывавшегося телефона.

– Алиса? – ворвался в ее ухо раздраженный голос Каледина. – Матерь божья, ну наконец-то! Звоню с полуночи – мобильный отключен, на эсэмэски не отвечаешь. Где тебя черти носят? Сколько еще я должен тебя искать?

– Не понимаю, что случилось? – спросила Алиса хриплым спросонья голосом, настраиваясь на издевательский стиль разговора с экс-мужем. – Срочно нужен телефонный секс?

Должна тебе сказать, мои услуги слишком дороги для бюджетников-полицейских со скромным жалованьем.

– Меня никогда не возбуждал вокал солиста AC/DC, – усмехнулся Каледин. – А твой голос сейчас напоминает именно его – пронзительный, визгливый и хриплый. Так вот, мне очень интересно – где ты шлялась всю ночь напролет?

– Тебя это не должно волновать, – отбрила его Алиса, с наслаждением потягиваясь. – Я свободная женщина и могу делать все, что пожелаю. Например, пойти в ночной клуб, снять там трех мускулистых небритых матросов и устроить в гостиничном номере классный гэнгбэнг²⁹.

– Да ну? – с издевкой осведомился Каледин. – Должен тебя огорчить: в Москве ночные клубы тоже никто не думал закрывать, а девушки на танцполе с ума сходят от одного вида бравых и на редкость симпатичных офицеров его величества. Кроме того, наша полногрудая соседка Нинка вовсе никуда не уехала... да и Анфиса на месте осталась...

– Ах так?! – покраснела Алиса от злости. – Открою тебе маленькую тайну, мой милый, за мной вчера активно ухаживали... ласковый сэр, не исключено, что настоящий лорд... горячо целовал мне руку, нежно подвозил до отеля, страстно смотрел в глаза... такой потрясающий мужчина, я вся разомлела...

Каледин не стал ничего говорить в ответ, а просто положил трубку. Струхнув, Алиса поняла: она разозлила его не на шутку, и теперь ситуацию надо было срочно спасать. Взяв мобильный, она снова произнесла дрогнувшим голосом «Мерзавец» – тот послушно набрал номер Каледина.

– Да, – сказал тот, ответив на звонок. Его голос не был дружелюбным, поскольку Федор впервые уяснил – некоторые сны могут сбываться.

– Извини, – поспешно пискнула Алиса. – Ты не в настроении? Я просто пошутила. Какие там танцы? Все строго официально: человек из Скотланд-Ярда, ему велено меня сопровождать. Но за этим больше ничего не стояло.

– Неужели? – прошипел Каледин. – То есть если бы у ласкового сэра **это что-то**, которое, по твоему мнению, БОЛЬШЕ (в чем я лично сомневаюсь), могло бы ВСТАТЬ – то сие явилось бы для тебя достаточным основанием...

– Слушай, зачем мы зря тратим время? – вскипела Алиса. – Что за придирки? Сказала уже, ничего не было. Прекрати ругаться и давай ближе к делу.

– О'кей, – непатриотично высказался Каледин. – У меня плохие новости.

– Догадываюсь, – скисла Алиса. – Маньяк убил четвертую женщину, только на этот раз оставил изуродованный труп не на улице, а у нее дома.

– Именно, – подтвердил Каледин. – Как и положено по сценарию лондонского Потрошителя. Он «выключил» хлороформом двух здоровущих охранников, пролез к жертве в спальню и взял ее тепленькой. Убийца забрал ВСЕ внутренности: похоже, по ходу дела он начинает импровизировать.

– Кто четвертая? – обреченно поинтересовалась Алиса, глядя в карманное зеркальце на свое опухшее лицо без грамма спасительной косметики.

– Писательница Смелкова, помнится, ты зачитывалась ее книгой «Казуар 22» про жизнь купеческих содержанок на Трехрублевке, – подколот Каледин. – Мне жаль, но двадцать третью часть этого романа ты не прочтешь никогда.

– Ты прав, новости ужасные, – жалко пролепетала Алиса, утерев слезу. – Умеешь испортить настроение, ничего не скажешь. Надеюсь, это все?

– Если бы... – тяжело вздохнул Каледин. – Есть целая куча других совершенно кошмарных известий, и по сравнению с ними эта – просто сюсюканье в песочнице. По правде говоря, я даже толком не знаю, с чего и начать.

²⁹ Gangbang (англ.) – групповуха.

– Начни с самого плохого, – подбодрила его Алиса. – Хотя я уже догадываюсь... мы поругались с Францией: теперь санитарным врачом, бароном Нисиним, запрещены к продаже французская косметика, духи и белье по причине высокого содержания в них вредных веществ?

– Нет, – с явным садизмом ответил Каледин. – Еще хуже.

– Хуже этого быть не может, – со стальной уверенностью ответила Алиса.

– А вот сейчас и проверим, – бодро начал Каледин. – Порадуйся – теперь убийца отлично осведомлен о твоём расследовании относительно ДНК Джека Потрошителя. Более того, он наверняка знает твоё имя и, вполне возможно, сейчас вычисляет наш адрес, дабы навеститься с визитом. Со вчерашнего вечера я держу пистолет на столе, сняв с предохранителя.

– К-к-к... к-как это? – начала заикаться потрясенная Алиса.

– Да очень просто, – доходчиво пояснил Каледин. – Кто-то в департаменте полиции умудрился подслушать наш разговор с Муравьевым и Антиповым, после чего «слил» инфу телевизионщикам Главного канала. Не знаю, с какой целью, но, видимо, за энную сумму золотых. По горячим следам установили, звонок на ТВ был сделан из телефонной будки рядом со зданием МВД. Телевизионщики, естественно, на голубом глазу божатся: им звонили анонимно, но это безусловная фигня. Кончилось тем, что Муравьев с Антиповым назначили внутреннее расследование под грифом «секретно». Как оно идет – не знаю, источник «слива», к сожалению, пока не вычислили.

Алиса ощутила сильную потребность выпить водки. Что и говорить, ее германские предки фон Трахтенберги в России сильно обрусели, со временем приобретя все варварские привычки этой страны. Держа телефон у уха, она встала с кровати и подошла к мини-бару. Открыв дверцу и пошарив внутри холодных полочек, Алиса обнаружила парочку пятидесятиграммовых емкостей «Смирнова» – этот купец поставлял водку к императорскому двору с XIX века, и его напитки были весьма популярны за границей. Вскрыв пробку зубами, Алиса залпом высосала содержимое. Закуска не понадобилась – она по-гусарски занюхала телефоном, вдыхая запах горячей пластмассы.

– Эй, ты чего замолчала? – забеспокоился Каледин. – Все в порядке?

– Да не то слово, – прорвало Алису. – Все просто зашибись. Минуту назад мне снился сон, как за мной по переулку гонится маньяк с ножом, а теперь ты мило сообщаем: сон в руку! Конечно, что тут может быть не в порядке! Еще раз скажешь эту идиотскую американскую фразу – убью, как собаку.

– Не нервничай так, – устало усмехнулся Каледин, усвоив, что вещие сны снятся не только ему. – Я думаю, после возвращения в Москву к тебе приставят охрану. Или ты думаешь, этот сон – спецсообщение от *него*? Свинство, конечно, что тебя засветили. Но вспомни стиль поведения Джека Потрошителя – он ведь не зарезал следователя из Скотланд-Ярда, который вел его дело? Нет, маньяка хватило лишь на присылку экзотических писем. Согласен – хреново, но переживаемо. Кстати, как прошел твой визит в музей? Удалось ли получить доказательства, что ДНК была похищена?

В течение десяти дальнейших минут Алиса детально обрисовывала Каледину ситуацию с ДНК, музеем и посланиями, написанными чернилами из крови с имбирным пивом. Она не сомневалась, что добрый Каледин замочит ее выводами: она дура, кур ей пасти, обсмотрелась фильмов про зомби – совсем как в ту ночь, когда они спорили по поводу совпадения ДНК. К ее удивлению, Каледин тускло заявил: он с ней совершенно согласен. И чеканными фразами поведал о «прелестях», обнаруженных этой ночью в Интернете, – серийные убийства женщин в стиле Потрошителя происходят в Европе каждые двадцать лет начиная с... 1608 года. По мере мрачного рассказа сердце Алисы преисполнилось таким волнением, что она опустошила второго «Смирнова». Информация Каледина была еще хуже, чем сходство ДНК двух убийц, поскольку она доказывала – **Потрошитель был жив задолго до кровавых лондонских**

событий осенью 1888 года. Голова закружилась то ли от шока, то ли от выпитых на голодный желудок ста граммов смирновской водки. Не колеблясь, Алиса полезла за третьей бутылочкой, однако «беленькая» в мини-баре предательски закончилась.

– И что ты собираешься делать? – спросила она, вываливая содержимое мини-бара на пол. – Оформишь как доклад и положишь на стол Муравьеву?

– Не знаю, – откровенно признался Каледин. – Есть навязчивая мысль: если я озвучу это начальству, за мной приедут в чудной белой карете с вежливым персоналом. Муравьев попросту сочтет, что мы одновременно рехнулись на почве тяжелой работы. Да на его месте я и сам бы так решил. Поэтому я хотел для начала посоветоваться с тобой. Хотя это в принципе не главное...

– А что главное? – похолодела Алиса.

– Я действительно схожу с ума, – без тени усмешки произнес Каледин. – После того как я выстроил последовательность убийств а-ля Потрошитель за последние четыреста лет, мне пришлось в голову – а не копнуть ли еще глубже? Ну я и копнул... и в результате раскопал ТАКОЕ, что даже не решаюсь тебе сказать. Ты меня отправишь в психушку на всю жизнь и заберешь себе квартиру.

Алису замутило от неприятного предчувствия...

– Я верю всему, – сказала она. – Если ты обнаружил, что Потрошитель – это воскресший Ленин, я не буду возражать. Сама уже на грани помешательства.

– На деле все гораздо хуже, – мило сообщил Каледин. – И если я действительно прав, то мы сильно пожалеем, что ввязались в это дело...

– Не томи, – замороженным тоном попросила Алиса.

– Как скажешь, – согласился Каледин.

Он откашлялся и начал подробно, вдумчиво рассказывать...

Глава пятнадцатая «Пожиратели душ»

(23 февраля, четверг, Лондон)

– Когда я глубокой ночью шарился в Интернете по поводу статистики серийных убийств женщин в других городах, меня неожиданно пробила мысль: а что, если Потрошитель не просто серийный маньяк, каких в нашем мире обитают сотни? Что, если он, убивая свои жертвы, делал это вовсе не ради удовольствия, а выполнял известный ему одному особый ритуал? Эту тему никто и никогда не разрабатывал, в том числе и Скотланд-Ярд. Бегающий за бабами сексуальный маньяк с ножом был для криминальной полиции и привычнее, и понятнее. Объяснять придется долго, поэтому я начну издалека, ладно? Если начнешь засыпать, попробуй себя ущипнуть.

Около 1200 лет до Рождества Христова на Ближний Восток из недр Центральной Африки пришли загадочные люди, основав на выжженных солнцем землях свои города. Точнее, *говорили*, что этот народ родом из Африки, на самом деле точно неизвестно, кто они и откуда появились, они словно вылезли из песка посреди пустыни. Исторические сведения о происхождении пришельцев расходятся, но в Библии сказано: их предками были Ханаан и Хам, первоначально их так и именовали – «хананеяне», название «финикияне» появилось значительно позже. Финикия в мгновение ока стала богатым и могущественным государством. Финикийские мореплаватели первыми обогнули Африку на хлипких суденышках того времени, а их торговцы плавали по всему миру, строя новые города и воздвигая в них величественные храмы... Один лишь вид финикийских богов наводил ужас на другие племена, о чем писал

«отец истории» Геродот: боги эти были кровожадны и сильны, они не терпели даже малейшего ослушания. Регулярно им приносились человеческие жертвы, и народы завистливо шептались: именно благодаря этому покровительству и удачливы в делах, и богаты финикийцы – куда их не ткни, растут, словно плодоносящая пальма.

А еще через четыреста лет после появления поселенцев на библейской земле вдова финикийского царя по имени Дидона, приплыв в Северную Африку, основала там очередную колонию – Карфаген. Очень скоро, как и прочие финикийские города, он распух от золота, оно лилось в его казну нескончаемым потоком. Карфагенские купцы торговали рабами, пурпуром, тканями – наверное, не было ни единого товара, который не прошел бы через их рынки. Владения Карфагена простирались от Испании до Египта, карфагенянам принадлежали острова Сардиния и Корсика, они успешно воевали с Нубией, копья их воинов угрожали предместьям самого Рима.

Античные путешественники описывают Карфаген как чрезвычайно помпезный и роскошный город, полный вычурных зданий с колоннами, улиц, по которым движутся слоны в дорожной сбруе, площадей с лавками богатых купцов и зловещих храмов, сплошь залитых кровью жертв. Вот на храмах я хотел бы остановиться особо. Как и в остальных владениях Финикии, главным божеством Карфагена считался Баал-Хаммон – гигант с телом человека и головой быка, его торс покоился на восьми уродливых паучьих ногах. Он являлся одновременно богом Солнца и богом плодородия – именно он давал карфагенянам урожай хлеба, щедро проливал воду с небес, не давая им умереть с голоду. В знак благодарности Баал-Хаммону приносились в жертву лучшие люди, ему отдавали самое дорогое – сыновей-первенцев. В полной металлической статуе с бычьей головой возжигали огонь и бросали тельца умерщвленных детей прямо в пламя. Этого ритуала не мог избежать никто, даже самые богатые и знатные люди города. Знаменитый военачальник Гамилькар подменил своего малолетнего сына ребенком-рабом, и того принесли в жертву Баалу. Позднее спасшийся сын стал великим полководцем Ганнибалом, бросившим боевых слонов через Альпы на Рим. Жрецы Баала и сами были в статусе «младших божеств», они жили богаче, чем самые могущественные люди в Карфагене, их смертельно боялись в каждой семье. Жрецы могли забрать любого горожанина и сжечь его на алтаре Баал-Хаммона. Но даже среди этих полубогов существовала элита, прослойка из трех человек – им беспрекословно подчинялись сами жрецы. Считалось, что в жилах этих людей течет кровь бога Баала. Все трое носили на лицах золотые маски, никогда не снимая. Однако самое главное: **они всегда были молоды**. Средний возраст людей в масках составлял двадцать лет, ни годом больше. Прочие жрецы культа Баала старились и умирали, но трое высших покровителей оставались в расцвете молодости. Им не было известно, что такое старость или смерть. Этой тройке в масках тоже приносили персональные жертвы. Раз в двадцать лет к алтарю приводили восемнадцать женщин и девушек – ровно по шесть на каждого высшего жреца. И когда двери алтаря Баал-Хаммона закрывались, никто не знал, что случалось с девушками: они исчезали навсегда. Жители Карфагена верили, что трое жрецов пожирают девичьи души, высасывая их жизненную силу и тем самым обеспечивая себе ВЕЧНУЮ МОЛОДОСТЬ. Так это или нет, но время шло, а три повелителя храма Баал-Хаммона не старели. Никогда.

«Пожиратели душ» не покидали пределов алтаря, а властители Карфагена, которые наверняка жаждали заполучить рецепт вечной молодости, боялись даже намекнуть им на это: ведь жрецов охранял сам Баал-Хаммон. Мы теперь смеемся над языческими божками, нам забавно: ах, эти придурки поклонялись человеку с головой быка и паучьими ногами, и никто из нас даже не подумает: а откуда взялись наши нынешние страхи перед «царством тьмы»? Баал-Хаммон воплощал вселенское зло, пожирая тысячи человеческих детей, продавая людям богатство за их же кровь. Ничего не напоминает? Между прочим, одно из многочисленных имен Баала – Баал-Зебул, именно от него произошло известное слово «Вельзевул», обозначающее Дьявола. Он и есть Дьявол, как я его понимаю, а вовсе не какой-то бледный козлик, образ

которого навязывает церковь. Существовал ли вообще когда-нибудь такой Дьявол, каким его описывает нам Библия? Этого мы не знаем. Зато залитый жертвенной кровью бог Баал всегда присутствовал в разных ипостасях. Добро не надо ублажать, оно поможет тебе просто так. Зло же требует в жертву кровь, за это оно дает тебе то, что невозможно приобрести другим путем. Золото и славу.

Однако в 146 году до Рождества Христова Карфаген пал. Римские центурии взяли его штурмом, несмотря на сотни младенцев, сожженных жрецами в раскаленном чреве Баал-Хаммона, которого жители умоляли о чуде. Идол не услышал их и не принял жертвы. Согласно постановлению римского Сената город должен был быть полностью уничтожен. Римляне срыли укрепления, разрушили стены, сровняли здания с землей, а карфагенян поголовно продали в рабство. Храмы исчезли в пламени пожаров, в том числе и центр религии Карфагена – главное святилище Баал-Хаммона. Его жрецы попытались помешать чужеземцам сжечь здание, но были зарублены римскими солдатами. Тройка «пожирателей душ» отказалась покинуть мраморную келью, где находился алтарь. По приказу центуриона Луция Септимия здание было подожжено. Колонны упали, и крыша рухнула, заживо похоронив под собой последних приверженцев кровавого культа человека-быка. Землю, на которой стоял Карфаген, посыпали солью, чтобы на ней уже никогда ничего не росло. С тех пор через это место прошло много завоевателей – на смену римлянам явились вандалы короля Гензериха, их сменили византийцы, затем прочно обосновались арабы. В 1270 году французский король Людовик IX (позднее получивший прозвище Святой) предпринял Восьмой крестовый поход в Тунис против сарацин. В его войске находилась особая сотня рыцарей, посланная королем Неаполя Карлом Анжуйским. Неаполитанский венценосец был большим любителем античных древностей в отличие от других монархов того времени, интересовавшихся лишь возможностью хорошо пожрать и выпить. Эти-то рыцари, руководствуясь отрывочными сведениями из римских библиотек, и раскопали подземелье с остатками кровавого храма Баал-Хаммона. К их разочарованию, они не нашли ничего, кроме черепа с длинными волосами и шести каменных табличек, украшенных «дьявольскими» письменами. Крестоносцев в Тунисе поразила бубонная чума, Людовик Святой умер, часть войска бежала, часть попала в плен к сарацинам. Хотя неаполитанцы благополучно прибыли домой, король не наградил их, а отругал за непонятный череп и таблички. Они пылились в его личном архиве, пока в 1308 году внук Карла Анжуйского – Карл Роберт не сел на венгерский трон по просьбе собрания местных баронов. Вместе с ним из Неаполя в венгерскую столицу уехал целый «поезд» из груженных доверху возов и карет. В качестве «приданого» будущему королю впили череп и каменные таблички – надо же было освободить переполненные архивные полки. Придворные венгерские ученые бились над возможностью расшифровать финикийскую клинопись, но потерпели неудачу. В 1541 году во время штурма турками Будапешта архив сгорел, с тех пор оригиналы табличек «пожирателей душ» считаются утерянными. В архивных бумагах остались только их копии.

– К чему ты вообще мне все это рассказываешь хрен знает сколько времени, я не могу понять? – буркнула Алиса, порядочно уставшая от длительного повествования, еще с начала беседы ей ужасно хотелось в туалет. – Знаешь, это похоже на старый анекдот: «Дедушка, почему тут дерьмо лежит?» – «Слушай, сынок. Много лет назад красивая девушка полюбила гордого юношу – она была богата, а он беден. Злые родители не хотели их свадьбы, и тогда они пришли сюда, взяли за руки и бросились в реку с высокого утеса». – «А дерьмо-то откуда?» – «А, это... да просто нагадил кто-то». Я тебе благодарна за подробный экскурс в историю Карфагена в восьмом часу утра, но, видимо, ты перечитал опусов Дэна Брауна на ночь. Какое отношение вообще имеет Баал-Хаммон к Джеку Потрошителю?

– В 1802 году немецкий ученый Георг-Фридрих Гротенфенд расшифровал финикийские иероглифы, – бубнил Каледин, не обращая внимания на язвительную отповедь. – Тогда и стало возможным прочесть надписи на каменных табличках. Переводы и комментарии к ним были

изданы отдельной книгой на пергаменте. Один экземпляр подарили австрийскому императору Францу – сейчас она находится в Венском историческом музее. На его сайте я и нашел перевод клинописи на английском. Правда, в общий доступ выложена лишь та часть информации, которую содержали три таблички из храма Баал-Хаммона, за остальными придется ехать в Вену.

«Знай – чем больше ужаса наполнит дрожащее сердце ларца, тем больше мощи впитают в себя священные артефакты. Зажги пять свечей в честь пяти ларцов, вознеси ввысь острый клинок, ударь с правой стороны перед лицом Господина своего, Баал-Хаммона, не оставь ни капли бальзама в трепещущих жилах. Опустоши ларец полностью, сделай емкость первозданной, подобно дну драгоценного сосуда. Вынь левую почку из первого ларца, прикоснись к ней зубами и возложи на печать Баала. Достань еще бьющимся сердце из второго ларца, прикоснись к нему лбом и возложи на печать Баала. И возьми в свои руки содержимое третьего ларца – то, откуда рождается вся жизнь на Земле: прикоснись устами и возложи на печать Баала. Да лежат они там два дня, и да снизойдет на них вся сила священной Луны. Принеси три ларца в лунную ночь под предрассветные звезды, дабы полностью отдать их нежную прелесть слабеющей Луне, а два следующих ларца защити крышей. Всем ларцам придай вид печати всемогущего Господина. Одну половину почки брось у левого плеча, а другую – у левой щиколотки. Печень вложи в правую руку; правую же почку, оба легких и желудок положи рядом с разных сторон – так, чтобы составляли они ровный круг. Рассеки перси и зажми их ароматную плоть в пальцах левой руки ларца. На лбу обозначь дар Баал-Хаммону – кусочек из верхней части сердца. В ночь полной Луны, когда вскроешь четвертый ларец, сделай купель: оботрись бальзамом трижды и выйди из нее преображенным. Не смывая благословенный бальзам, найди уединенное место и соединишься мыслями с Господином своим. И тогда в благодарность за щедрые дары Баал-Хаммон позволит тебе продолжить твой путь...»

– Дома у Смелковой убийца сел в ванну и обмазался кровью жертвы как раз в полнолуние, – монотонно трещал Каледин, – так, как ты мажешься кремом на ночь – не спеша, обстоятельно и с удовольствием, – я подглядывал после развода парочку раз. Этот человек уже завершает *цикл*. Скоро он сбросит старую кожу, словно змея. На каменных табличках – запись обряда «пожирателей душ». Обряда, благодаря которому они получали от тел мертвых девушек то, что хотели, – ВЕЧНУЮ МОЛОДОСТЬ. Джек Потрошитель режет женщин не из любви к смерти, как ты и предполагала в самом начале. Помнишь? «Похоже, для него уличные убийства – как обыденная работа: он делает это, потому что должен делать». Все верно, это и есть его работа – ритуальное жертвоприношение Баал-Хаммону.

Алиса беззвучно открывала рот, не будучи в состоянии произнести ни единого слова, ее мозг был готов взорваться. Никаких сомнений не осталось: убийца из Москвы и убийца из Лондона – один и тот же человек.

– У тебя в номере wifi есть? – поинтересовался Каледин. – Вруби свой «наладонник», плиз. Сейчас переключу на почту кое-что интересное.

Послушно включив КПК (или, точнее, «карманный компьютер»), Алиса сразу обнаружила присланное изображение. «Кликнув», она увеличила картинку вдвое. Идеальный круг, в центре которого – восьмиконечная звезда с лучами, расходящимися в разные стороны. Сверху

слева – полумесяц, сверху справа – солнце. В середине звезды – бычья голова, держащая в пасти человеческий череп. По всему кругу – пять черепов и пять сердец.

– Это бронзовая печать Баал-Хаммона из музея в ливанском городе Тир, где было самое первое поселение финикийцев, – царапнул ухо ледяной голос Каледина. – А теперь открой второе письмо, там будет еще интереснее.

Немедленно заглянув в e-mail, Алиса увидела снимок, сделанный цифровым фотоаппаратом с наклоном – с таким умыслом, чтобы были заметны легкие царапины, оставленные на лакированном паркете при составлении некоего рисунка. Сам рисунок уже стерли, но даже мимолетного взгляда на фото было достаточно – царапины составляли идеально ровный круг: как в той самой печати Баал-Хаммона в предыдущем письме.

– Снимок сделан утром в спальне госпожи Смелковой, – дыхнул в трубку Каледин. – Надеюсь, больше мне уже ничего не надо доказывать?

– Ты считаешь, это один из тех троих – выживший жрец главного храма Баал-Хаммона в Карфагене? – спросила Алиса умирающим голосом.

– Нет, – спокойно ответил Каледин. – Я считаю, это тот, кто похитил каменные таблички с клинописью из королевского архива Венгрии, либо тот, кто впоследствии купил их у воров. Каким-то образом, в отличие от целой дивизии средневековых ученых, он смог расшифровать содержащуюся на них информацию о жертвоприношениях «пожирателей душ». Ход мыслей открывателя секрета табличек угадывать не надо – кто в нашем мире не желает вечной молодости? Как я сказал, сайт архива содержал перевод только части табличек. Времени в обрез. Нам нужно срочно узнать, какие слова высечены на остальных камнях. Полный перевод есть в книге, подаренной кайзеру Францу, у них наверняка имеется копия на английском. Езжай в аэропорт и первым же самолетом лети в Вену. Рад бы присоединиться, но начальство меня не отпустит – тут после убийства Смелковой творится полярный песец. Нам же нужно остановить эту сволочь, пока он снова не испарится на двадцать лет. Ему осталось убить *последнюю* девушку. Потом этот парень исчезнет, а мы даже лица его не знаем.

– Хорошо, я все поняла, – простонала Алиса, из головы которой вылетели сон и хмель. – Срочно одеваюсь, беру такси и еду в аэропорт.

Нагнувшись, она схватилась за спутанную пену розовых кружев на полу, с трудом пытаясь разобраться, где находятся стринги, а где лифчик.

– Так ты голая? – оживился Каледин. – Замутим че-нить по телефону?

– Ты после работы, – безжалостно отрезала Алиса. – Уснешь в процессе, а мне секса в стиле «ты давай кончай, а я пойду покурю» даром не надо.

– Ладно, – скис Каледин. – Хрен с тобой, давай целуй на счастье.

Алиса издала в трубку чмокающий звук.

– Славно, – воодушевился Каледин. – А минет на счастье тоже можно?

– Размечтался! – отвергла эротические притязания экс-супруга Алиса, нащупав трусики. – Потрахаться тебе не завернуть в подарочную упаковку?

– Все, как всегда, – взгрустнул Каледин. – Ну и хрен с тобой – главное, я хотя бы попытался. О, кстати! Забыл тебе одну важную вещь сказать...

В этот момент связь прервалась. Алиса набрала Каледина несколько раз подряд, но его телефон упорно молчал. Времени на дозвон больше не было. Пожав плечами, она сбегала в туалет, поспешно приняла горячий душ и начала одеваться с космической скоростью, вспомнив навыки гимназической юности: однажды некстати вернувшаяся с работы муттер застала ее в постели с учеником Калединым за активным тестированием «Камасутры».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.